67.99(2)116.1 — ЦРБ
Д64

Долгая ночь

РАССКАЗЫ
О МИЛИЦИИ
КУЗБАССА

Долгая ночь

Рассказы о милиции Кузбасса

+20

2/3

Ижморская
централизованная
библиотечная
система
ИНВ. № - 23094

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 67.99(2) 116.1
Д 64

Редактор-составитель В. Г. Рудин

Д $\frac{1203020200-04}{М\ 145(03)-88}$ 88

© Кемеровское книжное издательство, 1988

Предлагаемый вниманию читателей сборник рассказов о милиции Кузбасса подготовлен к 70-летию образования советской милиции и как бы продолжает два предыдущих издания: «Милицейская служба такая» и «Каждый день — подвиг».

В этой книге любители детективно-развлекательного жанра не найдут запутанных преступлений, головокружительных погонь и отчаянных перестрелок, здесь нет всесильных «суперменов» в милицейской форме — работа милиции буднична, зачастую неблагодарна, но она требует полной самоотдачи и беспредельной любви к людям, ради которых вершится молчаливый подвиг.

Пьянство, алкоголизм, совершаемые на этой почве преступления — борьба со всем этим не вчера началась и, к сожалению, не завтра закончится. Запущенную эту болезнь одним ударом не одолеть. В рассказах Б. Этина, В. Костина, В. Рудина, Ю. Пыля то горе, которое несет людям это социальное зло, показано выпукло, остро, драматично, на конкретных человеческих судьбах.

Но если о борьбе с пьянством и совершаемыми на этой почве преступлениями немало писалось и раньше, то о язвах наркомании, о проституции говорить вслух, публично было не принято. Почему-то при этом исходили из мысли, что если зло не называть, то его будто бы и нет вовсе. Считалось, что признание факта наличия у нас наркоманов и распространителей наркотиков подорвет престиж нашего социалистического общества. Но как же бороться со злом, если делать вид, что его не существует?

В этом плане показателен рассказ В. Рудина «Пахучая трава — серая чума»: жадность, стяжательство одних, преступное пристрастие к наркотикам других

порождают замкнутый круг, омут, в котором гибнут и жертвы, и злодеи, гибнут физически и духовно.

Сегодня, в условиях гласности и перестройки общества на демократических началах, мы можем сказать и о том, что еще в недавнем прошлом подчас мешало правоохранительным органам вести беспощадную борьбу с психологией рвачества, вседозволенности, со стремлением иных должностных лиц вмешиваться в работу милиции, навязывать свою волю. Этому и посвящен рассказ С. Поповой.

Достоинством сборника является его документальность. Изменив имена героев, иногда и место действия, авторы, тем не менее, кладут в основу повествования реальные судьбы и факты, типичные ситуации милицейской службы.

Необходимость нового подхода к созданию детективной литературы подчеркивалась на недавнем Всесоюзном совещании по морально-нравственным проблемам в художественной литературе, которое провели МВД СССР и Союз писателей. Подчеркивалось, что читателю нужны не выдуманные, а реальные герои милиции сегодняшних дней, обладающие большой силой нравственного примера. Не лакировка работы милиции, а показ действительного положения дел со всеми трудностями и сложностями. Все это поможет читателю лучше узнать и понять труд и заботы солдат правопорядка, стать их единомышленниками и соратниками в борьбе за утверждение норм коммунистической морали.

Надеемся, что скромная эта книжка поможет и сотрудникам милиции совершенствовать свою службу, лучше увидеть свои недостатки, без преодоления которых невозможна успешная борьба за социальную справедливость.

В. РУНЫШКОВ,
генерал-майор милиции, начальник УВД
Кемеровского облисполкома

Ф. ШУМОВ,
подполковник внутренней службы
в отставке

ОПЕРАЦИЯ «ГЕОЛОГИ»

Владимир Никитич, мой начальник, с которым мне довелось работать многие годы, был человеком непреклонным: дело ставил превыше всего и во имя дела спуску и поблажек не давал ни себе, ни нам.

Он ведь знал, что я только-только вернулся из командировки, сам же и разрешил отдохнуть, а часов в двенадцать воскресного дня вызвал в отдел. Сам позвонил.

Вот, сказал, друг мой ситцевый, какие дела: убили сторожа нынче ночью в селе Т., магазин обчистили, товары взяли и выручку. Продавец, дуреха, под прилавком спрятала, говорит, почти тысячу рублей. Сторожа убитого обнаружили утром. Надо ехать, там им самим не справиться...

У Владимира Никитича просительных ноток в голосе быть не могло, не тот характер. Все само собой получалось, такая его манера словно бы говорила — ты, товарищ подполковник, и сам видишь: надо ехать...

В помощь мне дали от управления майора Гринева, следователя цепкого, дельного. Ему ничего объяснять не надо было, он любому инспектору угрозыска фору даст. К вечеру мы с ним уже были в горотделе милиции. От него до села Т., где сторожа убили,—рукой подать.

Словом, приехали мы в этот шахтерский город, большой и разбросанный, проскочили по главной улице, мимо театра с колоннами, мимо стадиона, свернули направо — в горотдел, где нас уже ждал хозяин Шахов.

Сели втроем материалы смотреть. Заключение экспертизы — сторож убит ударом по голове, били чем-то тяжелым: предметом, как указывал эксперт, «сферической формы». Может, гирей? Может, бутылкой из-под шампанского? Этого эксперт не говорил. Ружье убитого преступники забрали.

Место, где лежал сторож, до приезда участкового десятки ног истоптали. Магазин он осматривал вместе с продавщицей. Но она до появления участкового часа два в магазине и подсобке «порядок наводила»: пол вымыла, прилавок протерла. Две бутылки из-под водки, что пустыми на прилавке стояли, велела сынишке, мальцу-пятиклашке, в кусты выбросить, а тот с пацанвой их камнями вдребезги разнесли. Словом, «с места происшествия ничего не изъято...» Вот так.

Поехали мы с Гриневым следующим утром в село. До вечера обошли все избы. Бесполезно: никто ничего не видел, не слышал. Правда, одной бабусе вроде показалось, что под утро уже грузовик какой-то тарахтел, туда и обратно. Гринев тут же вцепился: куда это—«туда—обратно»? Бабуся посмотрела на него светлыми-пресветлыми глазами—как же ты, товарищ, в толк не возьмешь? Туда — стало быть, к магазину, к покойному Анкудину Петровичу, а после уж оттуда снова мимо меня, вот по этой самой дороге прямиком, значит, к городу...

Когда же Гринев спросил, какая машина была, бабуся даже головой затрясла от гнева:

— Очнись, сердешный! Как же я ее через ставни-то увидела?

Ехали мы обратно в город. Гринев говорит: надо, мол, того участкового наказать, он лопух, все дело загробил. Даже взломанную дверь магазина не сфотографировал, не описал в протоколе, а теперь дверь зашпаклевали и закрасили! А я думаю: что с него, с участкового, возьмешь? Кто его милицейской работе учил? Не юрист он, а танкист: отслужил в армии, пришел по своей воле в милицию, ему сразу участок — полтора десятка сел, тысяч двадцать насе-

ления, три десятка магазинов, баз, складов. Дали пистолет ТТ—служи! Доходи до всего своим умом!

Шахова в горотделе попросил: собирай на утро всех инспекторов угрозыска, будем вместе думать. Если в ближайшие день-два не нападем на след —долго потом будем мыкаться.

Ночью хлестал по-осеннему холодный дождь. А утро выдалось ясное, свежее. На асфальте мокрые, желтые листочки-веточки...

Собрались в кабинете Шахова. Я с ним рядом сел, сбоку от стола. Он только начал—вот, пригласили мы вас с товарищем подполковником...—а тут телефон зазвонил. Шахов трубку снял — пока слушал, все на меня глядел, в упор. Потом трубку положил и сказал: все свободны, товарищи! А как люди вышли, объяснил нам с Гриневым: из поселка Школьного председатель поссовета звонил: у них магазин ограбили, сторожа по голове ударили, его теперь в город отправили, но довезут ли живым, неизвестно. Ружье сторожа грабители забрали и на грузовой машине скрылись. Георгий Иванов, их сельчанин, со станции шел, пытался было машину задержать — по нему пальнули. Было это часов в пять утра. Еще сказал, что у магазина охрану поставил, никого близко не подпускает.

Магазин в Школьном оказался кирпичным, в окнах решетки, дверь железом обита. Осмотр делал Гринев с понятыми. Продавщица, конечно, давно к магазину прибежала, но председатель поссовета внутрь ее не пустил. Гринев, прежде чем начал осмотр, ей тоже сказал—станьте в сторонке, ничего не касайтесь.

Ну, а мы с Шаховым и двумя оперработниками занялись осмотром местности. О том, как ползали по мокрой траве, как осматривали и ощупывали все вокруг, как вымокли и землей перемазались, особо рассказывать не стану: ни интересного, ни приятного в этом нет. Нашли бумажный пыж, обрывок газеты. Нашли железный штырь. Метрах в ста от магазина четко отпечатался след машины—

его гипсом залили. Георгий Иванов пояснил, что именно здесь машина, с которой в него стреляли, свернула к логу.

У Гринева «улов» оказался более богатым: стояли на прилавке две бутылки из под водки, стаканы все руками захватанные; сырки плавленые надкусанные. Когда стали прикидывать, что пропало, продавщица за голову схватилась: исчезли два радиоприемника, три мужских пальто с воротниками из каракуля и такие же шапки, женские пальто с чернобурками, два рулона шерстяной ткани и пять шелковой... Как раз в пятницу завоз был, а поселок не ахти как велик, она товары на базе ОРСа по заказу геологов получала, другой же раз все это не дадут! Еще ящик водки забрали, консервы всякие и шоколад. Хорошо хоть, что выручку с вечера домой унесла. Оно, правда, нарушение, положено сдавать, но уж так вышло...

— А велика ли выручка? — Словно между делом поинтересовался Гринев, а я на нее глянул — ну-ка, замешкается или сразу назовет? Она тут же—два кожаных пальто на меху вчера взяли, Суровцев и Минин, и деньги сразу отдали. Вот и вся, считай, выручка. Ну, водку брали еще, и колбасу, и так по мелочи... Вот, думаю, хорошо, что магазин при поселке геологов, все друг у друга на виду, все известно: кто купил, чего и сколько. А попробуй узнай это в городском магазине, здесь выручку на покупателей поименно не разверстаешь...

Осмотрели и сфотографировали дверь с сорванным навесным замком, в протоколе подробно описали: сколько борозд и царапин, как выглядят. Выходило, вроде левша железякой орудовал.

Иванова мы хотели допросить прямо там, в поселке геологов, чтобы в город не вызывать, но оказалось, что он снова на станцию ушел, где работал сцепщиком. Оставили в сельсовете повестку, и на другое утро он явился к нам. Был он сухощав, крепок, поперек лица черные усы. На усы тогда моды не было, а когда я спросил— зачем, мол, вам? Он усмехнулся: с фронта, говорит, оставил, у нас во взводе

разведки старшина с усами был, а как его убило, все мы в память о нем стали усы носить...

Сначала Иванов то же рассказал, что и прежде председателю поссовета: шел со станции, увидел у магазина незнакомых людей и груженую автомашину, хотел спросить, что за люди, а они пальнули...

Гринев спрашивает — как они выглядели, эти люди? Неужто не приметил? В разведке служил, глаз должен быть острым! Иванов усмехается — уж восемь лет с войны минуло, при чем тут разведка? Но вроде бы на одном из тех, что стояли в кузове, шапка солдатского образца, да бушлат — и солдатам такие выдают, и в ФЗУ. А на бушлате форменные пуговицы в два ряда.

Гринев прямо светится: вот он, глаз-то! А может, еще и слова какие слышал? Может, они как-нибудь друг друга называли?

— Нет, разговоров вроде не было, а нецензурщину слышал. Вот еще что: один из кузова, не тот, что в шапке, другой совсем, хриплым таким голосом скомандовал: «Нажимай на крючок!» А может: «Жми, Крючок!» Вот тут они по мне лупанули из ружья, машина прямо с места рванула.

— А номер машины заметил?

— Какой там? Разве о номере в тот миг думал? Я сразу наземь кинулся. Единственное, что заметил — у машины заднего борта не было. А может и был, только не закрытый...

От поселка геологов в город две дороги. Одна через гору считается верхней, другая, по логу—нижней. По этой, нижней, выходит километра на три-четыре короче — по ней и ездили чаще, хотя даже после самого маленького дождя глинистый, вязкий лог становится совсем непроезжим, без трактора не пробьешься. Решили с Шаховым — надо своими глазами глянуть, что там за лог. Хотя и так было ясно, что едва ли найдутся какие-то следы.

На газике-вездеходе от поссовета свернули влево, по мосточку через ручей, а там дорога втянулась в ложок — правый склон крутой, кустарником зарос, а левый пологий. Еще минут двадцать проехали — сыростью потянуло, колея мокрая, сплошь разбитая. Шофер горотдельский, Илья Захарыч, вроде ненароком бросил — мол, если застрянем, кто вытащит?

И тут видим: стоят на косогоре двое пастухов, один с суковатой палкой и с сумкой через плечо, другой совсем молодой, в армейской фуражке. Тут же кобель черный лежит, лапы вытянул, язык от жары на сторону свесил. По склону коровы разбрелись, колокольчиками позванивают... Шахов говорит шоферу — ну-ка тормозни! Из машины выскочил — и к пастухам: «День вам добрый, товарищи!» Старший кивнул: «Да уж сегодня точно, грех на день жаловаться».

Я тоже к ним пошел — тут только почувствовал, как ноги затекли. Спрашиваю — давно ли здесь коров пасете?

Старший глянул искоса, буркнул — ну пасем себе и пасем, или опять куда в иное место убираться?

Шахов улыбается — да мы совсем не про то, мы с товарищем из уголовного розыска. Слыхали — магазин ограбили в поселке геологов?

Старший кивает:

— Слух про тот разбой во всей округе идет.

— А что преступники на грузовике скрылись — тоже разговор был?

— А насчет машины я вон Степке,— он кивнул на подпаска,— еще давеча сказал: не ее ли Бахвалов, тракторист наш, из лога вытаскивал?

Стал он рассказывать, а я слушаю и думаю — вот удача! Не зря поехали! Оказывается, в то утро пастухи видели, как засела в логу грузовая машина и вертелись вокруг нее человек пять-шесть, даже толкать пытались — грязные все, злые, крыли матом и дорогу, и машину, и друг друга. Тут и подъехал Иван Бахвалов, на тракторе, вез в прицеп-

ной тележке горючее: у колхоза за логом, если влево свернуть, два комбайна на уборке — вот туда и ехал. Эти, от машины, руками машут, свистят, к себе Ивана зовут, на машину показывают — мол, выручай, застряли! А он тоже что-то кричит из кабины, только слов за грохотом не слыхать. И мимо. Тогда двое наперерез кинулись... Ну, уговорили, видно. Сами тележку отцепили, сами трос от машины на трактор цепляли. Иван Бахвалов что-то не сразу машину вытащил, еще из трактора выходил, трос вроде смотрел. Потом машину потащил вниз, за ручей — там лог посуше. Там, видать, сама пошла...

Сказали мы пастухам великое спасибо и поехали в село Поломошное, искать Ивана Бахвалова. Но того в селе не оказалось: косил где-то для себя траву.

Председатель колхоза говорит: если ждать недосуг, берите в машину Кольку, хлопец знает, где у Бахвалова покос.

Колька — паренек лет двенадцати, от солнца черный, под ноль стрижен, с двумя макушками — в машину сесть не захотел, стал на подножку — мне, говорит, так ловчее. Прямо к Бахвалову и привез, километрах в пяти от Поломошного.

Тракторист, когда узнал, о чем речь, разволновался — да нет, товарищи, вы поймите! Я, во-первых, об ограблении магазина тогда ни сном ни духом не знал. Во-вторых, они себя геологами назвали, сказали, с ночи засели. И впрямь на геологов похожие: все в резиновых сапогах, один в бушлате и шапке солдатской, и голос у него простуженный, как у людей, какие часто ночуют в поле. У меня и в мыслях не было, что дело тут не чисто!

Я удивился: а что вы так разволновались? Мы вас ни в чем винить не собираемся. Вы нам лучше про машину и про груз расскажите!

У Ивана Бахвалова глаз оказался на редкость приметливый: грузовик марки ЗИС-5, старый, кузов битый, задний борт снят, прижат к переднему борту ящиками. Ящиков в

кузове много, все фанерные, и еще мешки, поверх брезентом прикрыты. Когда с Бахваловым за помощь рассчитывались, брезент откинули — видел под ним еще несколько ящиков с водкой, какие-то тюки и радиоприемники. Слушая Бахвалова, я даже удивился: мельком же видел, а как точно все приметил! Чем, спрашиваю, они с вами рассчитывались? Отвечает — да бутылку водки сунули, банку консервов с кильками. В общем, говорит, не густо, без меня бы еще долго в логу сидели... Тут же спохватился, рукой махнул — нашел, мол, чем хвастаться, грабителям помог ноги унести...

Ладно, говорю, теперь поясни, в чем там заминка вышла, когда машину вытаскивал?

— А ее сначала резко дернул, правый крюк вырвал, они его в машину бросили...

В тот же вечер устроили у Шахова совещание: надо было подытожить, что за минувшие сутки оперработники успели. Вроде бы и сделано немало, а уцепиться не за что.

Первым докладывал лейтенант Жарков — офицер дельный, собранный. Он составил целый список из 48 человек, у кого фамилия Крюков или Крючков, отыскали, кто с уголовной кличкой Крючок. 38 из них сразу же отпали за очевидной непричастностью к преступлению, из оставшихся десяти подозрение пало на Крючкова Василия Ивановича, 27 лет, ранее дважды судимого, в городе объявился месяц назад, не работает, живет у дружка по заключению Михаила Перлова по улице Дорожной. С одной стороны — живет на законном основании, прописался. С другой — в день второго ограбления дома не ночевал. Сказал — ходил к бабе, Клавкой ее зовут, она, мол, за деньги или подарки всех принимает. Но Клавка не подтвердила.

Шахов лицо от бумаги поднял, недовольно спрашивает — чего не подтвердила? Что Крючков у нее в ту ночь был, или что мужиков принимает?

— Ничего не подтвердила, ни того, ни этого.

Спрашиваю Жаркова — а кто она в самом деле, эта женщина? Не оговорил ли ее твой Крючок?

Этого, отвечает, пока сказать не могу, я ее вызывал через участкового. Женщина, как женщина, по лицу ничего не скажешь.

Шахов всерьез возмутился: по лицу! У нее что же, клеймо, что ли, на лбу должно быть, чтобы оперсостав мог с одного взгляда понять, кто к нему явился?

Жарков покраснел, вконец расстроился — завтра, говорит, к вечеру буду все о ней знать.

Шахов кивнул: и Крючкова не забудь. Фотоснимок его Иванову покажи и пастухам, а главное — трактористу Бахвалову. Ясна тебе задача на сутки?

Затем докладывал Коняхин. Парень в милицию пришел недавно, однако в обстановку вник быстро, и видно было, что работать в угрозыске ему нравится. За считанные часы, после нашего возвращения из поездки в колхоз, он успел проверить по городу все 27 машин марки ЗИС-5. Но доложил только о двух, остальные имели чистое алиби — очень Коняхину нравилась юридическая терминология, он как раз собирался учиться заочно на юрфаке и сейчас штудировал право — словечками так и сыпал:

— Есть такой Олег Петров, родом из Рубцовского района Алтайского края. Лицо, конечно, не должностное и в этой части субъектом преступления не является. Исходя же из презумпции невиновности...

Шахов ладонью по столу хлопнул: что ты тарабарщину несешь? Кончай на нас тренироваться, говори по-людски!

По-людски получилось вот что: Олег Петров, шофер грузовика ЗИС-5 с кирпичного завода, перед ограблением первого магазина выпросился у директора поехать на этой машине в Рубцовск к родителям и до сих пор не вернулся. Машины в гараже нет и где сам, ни на работе, ни дома не знают. Жена считает, что беспокоиться о нем нечего, он либо в субботу, либо в воскресенье приедет.

Второй шофер — по фамилии Крылов — показался Ко-

няхину интересным тем, что свой ЗИС-5 вместо гаража часто ставит на ночь возле своего дома. О нем соседи говорят — любитель подзаработать: хоть днем, хоть ночью готов ехать. Кто бы ни позвал, лишь бы калым был. И выпить любит. А главное — тут Коняхин глянул на меня,— судимость у него, у Крылова. За кражу пять лет отбыл.

Так, говорю, личность интересная. А где он был со своей машиной в те дни, когда магазины ограбили? Проверил?

Оказалось — нет, не успел еще. Решил сначала выявить все машины марки ЗИС-5, а уж завтра заниматься только теми, кто вызвал оперативный интерес.

В этом был свой резон, и я с Коняхиным согласился. Потому и осталось у меня к концу совещания такое ощущение: зацепок много, а определенного пока ничего нет. Шахов еще одного оперработника поднял, но тут звонок дежурного: ему там Кемерово дали, из угрозыска кто-то звонит.

Звонил Владимир Никитич. Мы еще вчера услали к нему на экспертизу винные бутылки из магазина.

Владимир Никитич сказал, что бутылки жутко захватаны, там один отпечаток на другом, но эксперт все еще возится, надежды не потерял. Еще Владимир Никитич сказал — человека задержали, на рынке в соседнем с вами городе, Градов его фамилия. Список похищенного в первом и во втором магазине где у тебя? Есть под рукой? Нет? Тогда запиши: продавал на рынке костюм мужской, коричневый, размер пятьдесят четвертый.

На другой день послал я разобраться в тот город Гринева, а часам к двенадцати ночи собрали с Шаховым опергруппу и пошли к Клавдии Зиберовой.

Жарков слово сдержал, и мы теперь о ней много чего знали: лет ей двадцать девять, живет с матерью, обе нигде не работают. У Клавдии что днем, что ночью дым коромыслом. А на какие доходы пьянки-гулянки, никто объяснить не может. Бывают в ее доме и драки — соседи гово-

рят, когда пьяные мужики Клавку делят, а мужиков ходит много.

Правда, до этого мы с Шаховым поспорили: он считал, что тратить на Клавку время нет ни смысла, ни резона, что если по всяким пьянчугам ходить — работать некогда будет. Я же считал — были у Крючкова какие-то основания именно ее назвать, не другого кого-нибудь. В общем, согласовали мы вопрос с городским прокурором и отправились.

Дом Зиберовых пятистенный, большой, тесом крытый, пристроена к нему сараюшка. Во дворе, под навесом, поленница сложена. Месяц ясно светит, видно все.

Расставили как нужно людей и стучим в дверь — никто не откликается. Стучим кулаком, раз, другой, третий. Из-за двери голос: «Кто там буянит? Чего спать людям не даете?»

Шахов откликается: «Свои, Клавка нужна, отворяй!»

Ждем. Слышим, крюк изнутри отбросили. Дверь приоткрылась, Клавдия Зиберова зло спрашивает — что еще за «свои» объявились?

Шахов говорит — из угрозыска, проведать тебя пришли. Зиберова сразу в крик: «Что за беззаконие! Ответите! Я прокурору нажалуюсь! Людей среди ночи...»

А справа, в ночной темени вдруг слышу, Коняхин кричит: «Стоять!» Мы и глазом моргнуть не успели, ведет он с Жарковым всклокоченного парня. Он, оказывается, из окошка выпрыгнул, да прямо на них.

Ну, говорю, Клава, жалобу прокурору завтра будешь писать, право у тебя такое есть, а сейчас на улице нас не держи, надо нам глянуть, кто у тебя в гостях кроме вот этого.

Что в комнате увидели, скажу кратко, потому как неинтересно, а главное — противно. Лежала на полу мертвецки пьяная женщина, ничем, можно сказать, не прикрытая. Клава на нее тканый половичок набросила. На столе—тарелки с объедками, грязная посуда, окурки, порожние бутылки.

Хозяйка растрепанные волосы с затылка на лоб перекинула, лентой перетянула. Не успели, говорит, прибраться, подруге Машке день рождения отмечали.

Я велел кудлатого парня в угол посадить, Клавдию спрашиваю — кто такой?

Она плечом повела, на лице усмешка: почем мне знать? Машкин хахаль, с ней пришел. Виктором звать.

Шахов на стол указал — четыре, мол, стакана, еще один человек должен где-то быть. Клавдия снова усмехается — нет больше никого, тут с вечера разные заходили, Машку поздравляли, то их стакан...

Четвертого нашли в подполе. Как люк в кухне откинули, он оттуда закричал: «Не стреляйте, сам вылезу!»

От него невыносимо несло водочным перегаром. Сколько я за годы работы в милиции пьяных видел, можно было бы, кажется, и притерпеться. А нет — не мог, и сейчас не могу на них, на пьяных, безразличными глазами смотреть! Противны они — и все тут! Этот, что из подполья вылез, назвался Леонидом, на вид ему было лет 27—28, документов при нем никаких. Шахову говорю: что толку их тут держать, отправляй в горотдел, до утра протрезвеют, тогда поговорим. А тут без обыска не обойтись: если парни только ради водки да женщин сюда пришли — чего бы им от нас в подпол прятаться и из окон прыгать?

Клавдия демонстративно отвернулась: ищите, такая ваша собачья служба, а мне все одно завтра на вас жалобу писать, так я еще и про самочинный обыск добавлю.

Обыскали все: комнату Клавдиной матери, сухонькой, сгорбленной старушки, чердак, сараюшку, подполье — ничего. А я на оперработников смотрю: умучились парни, а все же плохо, видно, искали. Уж больно у Клавдии вид торжествующий. Если у нее ничего нет, чего бы ей так откровенно злорадствовать? Нет — и нет. А у нее в глазах другое: есть у меня! Есть! Да фиг найдете!

Пригласили двух понятых — пришлось соседей среди ночи потревожить,— но туг деваться некуда, без понятых

обыск проводить нельзя. Я с Коняхиным полез в подполье. Он у Клавдии сложен что надо, по-хозяйски: глубокий, в рост, стены и пол кирпичом выложены. Стоят две бочки с квашеной капустой, в углу картошка насыпана, крупная, чистая. Тут же фанерные ящики. Кричу — давай, Клавдия, к нам спускайся, при тебе будем смотреть.

Картошку я решил на конец оставить, под ней тоже ведь можно тайник устроить, и начал с бочек. Одну простукал — глухо. От другой по верху тоже глухой звук, а ниже — звонкий, вроде там пустота... У хозяйки в глазах испуг, на лице кривая улыбка — веселости и в помине нет. Что там, говорю, упрятано? Молчит.

Оказался в бочке обрез двуствольный да десяток охотничьих патронов — ведь хитро как тайник устроили: квашеная капуста от верха и до середины, посредине бочки дно, а снизу тайник — наклони бочку и прячь что хочешь.

Опускаю некоторые наши милицейские детали и подробности — что и как писали-оформляли, как стаканы и бутылки упаковали, чтобы следы пальцев сохранить, как обрез в чемоданчик укладывали — чтобы о стенки не терся, на нем ведь тоже возможны чьи-то следы...

Закончили все дела часам к восьми утра. Клавдия теперь сидела ко всему безучастная. Шахов ей сказал: придется в горотдел ехать для допроса. И добавил — и прокурору на нас сможете нажаловаться. Ее и это не тронуло — сидит, под нос себе бубнит: «Ничего я не знаю»...

Я Шахову тихонько говорю — чего, мол, женщину подначиваешь? Нашли обрез и обрадовались! Нам же с ней еще работать да работать! От ее показаний многое зависит. А Шахов рукой махнул — куда она теперь к черту денется. И спрашивает — а с этой вот пьянью что делать будем?

Усадили хозяйку в машину, рядом уложили так и не пришедшую в себя от перепоя подружку Машу и поехали. В горотделе взялись за допрос — я Леонида, Шахов — Виктора. Часа полтора я с Леонидом толковал. Вел он себя спокойно, отвечал бойко. Ну, сидел в колонии, было дело.

Областная
централизованная
библиотечная
система
ИНВ. № 23094

Ну, попал на три года за хулиганство, месяц как освободился. Клавка-то? Да познакомился случайно, зазвала вот в гости. Ни Машки, ни ее кудлатого хахаля до вчерашнего вечера и не знал вовсе. Оба они, Виктор и Леонид, вчера малость перебрали, оттого и испугались, когда милиция нагрянула. Оттого он в подпол полез, прятаться, а кудлатый еще прежде в окно кинулся... Про обрез и патроны ему ничего не известно, это Клавкины дела, с нее и спрос. К ней в дом мало ли какие мужики таскаются. Под конец Леонид совсем осмелел. Вот вы, говорит, милицейские начальники, за такими гулевыми бабенками построже бы смотрели, чтобы они, значит, добрых людей не совращали.

Слушаю его и думаю — нахал ты, ведь нарочно меня на пьянки-гулянки сбиваешь! Уводишь от того, что поважнее... Но от чего?

У Шахова тоже результат невелик, протокол пустой.

Отправили Виктора и Леонида в КПЗ, велели держать в разных камерах. Времени у нас в обрез, только сутки. А там выпускай, если ничего за ними не найдем.

Шахов говорит — давайте передохнем малость, а то с ночи на душе муторно, и чай не спасает. У меня тоже голова точно свинцом налита, но я знаю, что не усну. Не смогу.

Только Шахов ушел — затарабанил телефон. Не люблю звонков резких, а этот прямо по ушам бьет. Ну, думаю, Владимир Никитич добрался, сейчас скажет: «Что нашел? А по-умному искал? Два ограбления плюс два убийства— шуточки, что ли? Я ведь тебе верю, раз послал, а ты?..» До того эти слова себе представил, что даже голос в ушах...

Но звонил следователь Гринев.

Он ночью вернулся из соседнего города, привез костюм и задержанного Градова. Оказалось, Градов — тутошний горожанин, живет на Трудовой. Чего ради он в соседний город на рынок подался, объяснить толком не мог. Сначала твердил, будто костюм купил для себя в железнодорожном орсовском магазине. Но оказался великоват, вот и поехал

продавать. А Гринев сегодня с утра съездил в тот магазин, там справку дали: таких костюмов не получали. Теперь Градов другое запел: костюм дружок дал, просил толкнуть, деньги нужны. Но назвать друга отказался: ищи сам, начальник, что найдешь, все твое.

Гринев спрашивает — не хотите с ним потолковать, с Градовым? А у меня в голове звон стоит — чувствую, ночь эта мне даром не пройдет. Нет, говорю, пока не смогу, а к вечеру посмотрим. Я сам тебе позвоню, часов в пять.

Но отдохнуть ни мне, ни Шахову не дали. Шахов вскоре снова появился с начальником горГАИ: доставлен в отдел шофер Петров, прямо со своей машиной ЗИС-5.

— Ну, давайте глянем, что это за человек.

А сам воды холодной стакан залпом выпил — вроде легче стало.

Петров — роста невысокого, чтобы не сказать маленького, но в плечах широк. На лице улыбка: не то заискивает, не то храбрится. А ведь я, говорит, сам к вам ехал, в милицию-то.

Вот и расскажи, говорю, для чего тебе милиция понадобилась?

— Да чертовщина какая-то получилась, втянули меня в темное дело, только я сначала не понял, что к чему.

Шахов не сдержался — это у него бывало, любил быка за рога брать:

— Ты что крокодиловы слезы льешь, казанской сиротой прикидываешься? Выкладывай!

А Петров на него и не оглянулся, со мной разговаривает:

— Зачем он кричит? Разве я преступник, если меня обманули?

Я говорю — если обманули, то не преступник. А кто обманул?

— Да Ленька Прокудин, паразит!

И стал рассказывать, как еще в пятницу выпросился у начальства съездить к родителям, дрова и сено к зиме под-

везти. Домой заскочил, с женой и дочкой попрощаться — здесь-то, у дома, и подошел к нему этот Ленька. Стал расспрашивать, далеко ли собрался, а после стал просить — давай выручай, сегодня вечерком подбрось один груз, а к родителям завтра с утра уедешь.

Петров опять на меня глянул — этого Леньку, говорит, я прежде знал немного, и как он сказал, что хорошо заплатит, я сдуру и согласился... Знал бы заранее, что из этого выйдет...

Я Шахову записку черкнул: «Принеси фотоснимки Леонида и Виктора». Он молча кивнул и вышел.

Петров же между тем продолжал рассказывать:

— Договорились с Ленькой в одиннадцать часов встретиться у железнодорожного переезда. Он пришел с дружками. Сел в кабину, а те — пятеро — в кузов попрыгали. Ленька дорогу подсказывает: теперь вправо давай, сейчас поворот влево будет... Выехали за город. Ленька говорит: «Глуши мотор!»

Ребята на траву бутылку с водкой поставили, на газете колбасы накромсали, хлеб, лук — стали выпивать, все из одного стакана, по очереди. Ленька и ему, Петрову, плеснул: «Прими и ты!»

Петров сначала было отказался, а потом полстакана хлебнул: вот, думаю, влип! Дальше-то что?

Приехали в поселок, все пошли куда-то, а Петрову велели ждать — они, мол, груз приготовят. Минут через десять-пятнадцать Ленька бежит — все, подгоняй! Петров за угол дома завернул, а парни задний борт кузова отбросили и давай мешки кидать, ящики, охапки одежды. Фары включенные, все видно...

Ленька снова в кабину сел, торопливо сказал: гони к лесочку, где выпивали! Там парни машину и разгрузили...

Вернулся Шахов, папочку подает с фотоснимками. Разложил я их на столике перед Петровым, спрашиваю — может, кого знаешь?

Петров привстал, вгляделся и тут же пальцем ткнул:

вот это Ленька Прокудин. Этого еще видел, только имени не знаю, он с нами ездил — и на Виктора кудлатого показывает.

Я фото Крючкова подталкиваю — а этого видел?

— Нет, товарищ, этого в машине не было, точно. Я к ним, когда в лесочке разгружались, нарочно присмотрелся. Пока барахло в кусты таскали, дело чуть до драки не дошло. Ленька Прокудин кричал, что надо все к Клавке везти, там сохраннее будет. Другой, его Сутулым кликали, Леньку за грудки схватил — заткнись ты, говорит, со своей бабой, знаем мы, облапошить хотите. Их этот кудлатый разнял.

Шахов, собирая фотоснимки, словно невзначай спрашивает: и когда же все это было?

— В пятницу ночью и было. А утром в субботу я уже от них избавился, в Рубцовск погнал, к родителям... И что мне теперь будет?

Шахов ему — что же ты, трудовой парень, на паршивый калым польстился? Ведь на чем тебя взяли? На ворованном у государства!

— Да не брал я у них ничего! И себя клял. Дочка у меня такая славная, три года всего...

Я вмешался — нечего, мол, хныкать! Вот поедем сейчас в тот лесок, найдем награбленное — тебе зачтется.

А у Петрова на лице тоска.

— Так я же еще не все рассказал

— Как не все? — Шахов изумился.— Ты что, и второй раз с ними ездил?

Петров вдруг заплакал — от обиды, от потрясения, от горечи, от сознания непоправимости того, что произошло.

— Не хотел, а так вышло! Из Рубцовска сам не свой возвращался. Все, думаю, домой заскочу, с дочкой повидаюсь — и прямым ходом в милицию — пусть сажают! А Ленька у дома караулит. На подножку вскочил — вовремя ты появился! Нам как раз надо еще в одно место махнуть. Я уперся — хоть режь, не поеду! А он, сука, ухмыляется:

прижу, говорит, мне это ничего не стоит! Только сначала твою соплюху, потом уж тебя! И нож достал. А сам ухмыляется. Если бы орал или ругался, я бы не так испугался...

В ту ночь ездили они в поселок геологов. Ленька снова сидел в кабине, старые дружки — в кузове. Снова пили на поляне водку. Снова стояла машина Петрова за углом магазина, и как его грабили, он видеть не мог. Только теперь шофера стерегли. Уходя, Ленька одному из банды приказал: «Чуть что — бей водилу ножом в живот!»

Дальше рассказ Петрова точно совпал с тем, что мы уже знали: машину хотел остановить какой-то человек, по нему пальнули из кузова и он упал; что поехали нижней дорогой и застряли в сыром после дождя логу; как вытаскивал их трактор. Приехали в тот же лесок, рядом со старым грузом уложили новый и накрыли брезентом. Часть последней добычи повезли через город, в шахтерский поселок. Я на Шахова глянул — мол, понимаешь, куда ехали? Он кивнул — ясное дело, Клавкин адрес!

Спрашиваю Петрова — для чего задний борт с машины снимал? У него аж глаза округлились: и это вы знаете? Только не для бандитов старался. В Рубцовске пришлось для стариков дрова-длинномер возить. Пришлось задний борт снять, думал, дома поставлю, а тут этот паразит Ленька...

Говорю — ладно, подписывай протокол и посиди в коридоре, мы сейчас с тобой в тот лесок поедем, покажешь, где все спрятано.

Петров вышел, тихонько прикрыв за собой дверь.

Шахов бросает мне упрек:

— Что же ты этого проходимца из дела выводишь?

— Почему так решил? Как его выведешь — он прямой соучастник. А сажать сейчас в кутузку надобности не вижу, это точно.

Шахов в конец расстроился: да ведь на нем кровь!

— Кто же с тобой спорит? Пусть суд решает, а нам с тобой помощь Петрова сегодня вот как нужна! У нас пока из этой банды двое в руках, а остальные на воле разгуливают. А если они награбленное перепрячут, пока мы с тобой дискуссию разводим? Берешь Петрова под стражу — он враз замкнется. Вон как Градов следователю сказал: «Ищи сам, начальник!» Словом, бери газик, вези Петрова, пусть место укажет, оставь там засаду, а Петрова, как вернетесь, отпусти под подписку. Никуда он не денется, дочка его держит крепче морского якоря.

А я возьму Зиберову, поедем к ней домой, где-то там тайник. Петров же ясно сказал: туда часть награбленного увезли.

Обыск у Зиберовой затянулся чуть не до полуночи. Пригласили тех же понятых, что и вчера, а начали с поленницы, аккуратненько сложенной под навесом. Пока оперработники дрова перекидывали, Клавдия ни на кого не смотрела, лицо у нее было сумрачное, осунувшееся, за эти сутки она и подурнела, и как-то постарела... В поленнице, в третьем, среднем ряду, оказалось три тайника, а в них костюмы, отрезы ткани, все упаковано в брезент. В одном из тайников нашлись топор и гантели — я сразу вспомнил заключение эксперта: «...удар нанесен предметом сферической формы». Сказал Коняхину — поосторожней бери, там могут и следы крови быть.

Пока с поленницей возились, я о подполе подумал: надо под картошкой пошарить. Но там ничего не оказалось. Зато в сундуке у Клавдиной матери лежало семь отрезов шелка — как вынули да разложили, так и пошло по комнате сияние. Зиберова было накинулась на нас с криком — что же вы у старухи последнее отбираете? Но мать сказала зло — берите, берите, на что мне ворованное? Я тебе, Клавка, мильён раз твердила: как пришло все неправедно, так и уйдет прахом! Чтоб твоему Леньке костью подавиться! И сам утоп, и тебя с собой утянул! Как я одна век доживать стану?

В горотдел вернулись уже в полночь. Дежурный говорит: майор Гринев просил, чтобы вы сразу к нему...

У Гринева подходила к концу очная ставка — сидят друг против друга шофер Петров и тот Градов, что ездил в соседний город костюм продавать. Оказалось, как Градов увидел Петрова, так сразу заявил: «Все, начальник, твоя взяла, грабанули мы эти две лавки, но только я сторожей не трогал, их обоих Ленька Прокудин в темя бил, гантель для того с собой возил». И все выложил.

Теперь выходило, что главная фигура в деле — Ленька, Леонид Прокудин: он и обрез раздобыл, из которого в Георгия Иванова стреляли, и дружков подбил на ограбление, и машину достал. Перечислил Градов всех соучастников, кого по имени, кого по фамилии. Крючков к ним никакого отношения не имел. Я тогда подумал — вот уж и воистину везенье! Не займись мы тогда Крючковым — не знали бы ничего о Зиберовой; не поехали бы к ней — не схватили бы Прокудина... Если розыск идет правильно, такое везение приходит — не в первый день, так во второй, не во второй, так в третий. Если же розыск организован неверно — везение редкий гость.

Увели Градова, а Петров, шофер, сам не свой сидит, в пол смотрит, в лице отчаянье. Спрашиваю его — что дальше делать станем?

Он рукой машет — а что делать? Судить меня надо, кругом я виноватый: и банде помог, и вам не рассказал после первого раза, по трусости сбежал, по трусости второй раз поехал... Но не бандит же я, как они все. Подкалымить, ясное дело, не отказывался, но без воровства этого...

Да, думаю, был ты мужик как мужик, с женой и дочкой, еще в прошлую пятницу не знал-не ведал, куда тебя Ленька затянет... Спрашиваю Гринева — тебе Шахов мою точку зрения передал, чтобы Петрова под стражу не брать?

Гринев кивает — и я с этим согласен. Пусть в дежурке посидит, а утром отпущу, подписку только возьму о невыезде...

Шахов еще был у себя. Рассказал, что в том лесочке, где вещи были упрятаны, нашли бушлат и шапку. Оставил там засаду во главе с Жарковым, велел ждать хоть день, хоть два: все равно кто-нибудь явится...

Жарков и его люди вернулись в горотдел на другой день. Привезли награбленное и трех парней: их взяли, когда те пытались унести в мешках из тайника ворованную добычу.

На том, собственно, моя работа по этому делу и заканчивалась. В тот же день попросил Гринева: вызывай Прокудина. Уж очень мне хотелось увидеть его глаза, лицо, когда поймет, что попался. Увидеть не злорадства ради, а для справедливости. Еще сказал Гриневу: про то, кто сторожей убивал, сейчас спрашивать не будем, это на самый конец следствия пусть остается, когда Прокудин будет со всех сторон обложен.

Леонид Прокудин понятия не имел, что за минувшие сутки положение его в корне изменилось, потому вошел в кабинет с прежней озорной улыбкой, спросил весело:

— Сколько можно держать добрых мужиков из-за каких-то пьяных шалав? Эту Клавку да Машку задушить мало!

Говорю:

— Давайте, Прокудин, о женщинах потом потолкуем, а сейчас скажите, давно ли знаете Градова?

Прокудин пожал плечами.

— Это какой такой Градов? А то я с одним Градовым в колонии сидел...

— Вот-вот, этот самый. Когда его последний раз видели?

Прокудин еще улыбается, но в глазах тревога. Я его понимаю: что стоит за вопросом о Градове, он знать не может, но ощущение опасности уже появилось. Сказать, что месяц как освободился и что с того дня Градова не видел? А вдруг Градов нами допрошен и сказал по-иному? Тогда конец игре в «рубаху-парня», в ни за что пострадав-

шего, тогда придумывай новую линию поведения... Он уходит от ответа:

— А что Градов? Мужик как мужик, в колонии вкалывал, и тут...

Следователь Гринев усмехается:

— Знаем, знаем, один Градов из всей вашей гоп-компании на работу устроился. Вы лучше скажите, кто это ему посоветовал костюм в соседний город на продажу везти?

Прокудин головой качает — недоумение его совсем естественное:

— Что-то я, начальник, в толк не возьму, о чем речь пошла? При чем тут Градов? При чем тут какой-то костюм?

Гринев шкафчик стенной—узкий, дверка маслом крашена,— открыл, там костюм на плечиках висит, коричневый. Достал, на столик перед Прокудиным положил:

— Вот этот, Прокудин. Вы ведь знаете, откуда он взялся?

— Ни малейшего представления. Вы меня с кем-то путаете. Или Градов, сука, на чем-то погорел, а теперь меня закладывает.

— Скажите,— говорю,— а Градов с Зиберовой знаком?

— Да я же вчера сказал, что у этой Клавки кто только не пасется! Она всех привечает! Лишь бы деньги да водку несли!

Ничего не скажешь: ход ловкий! Ладно, говорю, оставим пока Градова и Зиберову в покое, не станем пока спрашивать ни о том, что у Зиберовой кроме обреза нашли, ни о том, что в лесочке припрятано. Потолкуем о другом...

Прокудин ногу на ногу забросил, улыбается — о другом так о другом. А Градову язык вырвут, дождется!

Ничего, говорю, до очной ставки с вами язык Градова при нем останется, а мы давайте о шофере потолкуем, о Петрове Олеге. Давно его знаете?

Прокудин молчит, то на меня смотрит, то на Гринева. Ну же, думаю, соображай быстрей! Что это тебя заколодило?

— Это какой Петров?..— Тянет он резину.— У меня шоферов знакомых много...

— А тот Петров, у которого на «зиске» задний борт снят. С которым в логу засели, вас еще трактором вытаскивали. Тракторист этот вас всех опознал.

У Прокудина аж дыхание перехватило — дышит тяжело, сказать ничего не может.

Гринев — не без злорадства:

— Что, не ожидали? А, Прокудин? Если готовы правду говорить — говорите, буду протокол писать, не готовы — потерпим до очных ставок. Только и суд все учтет: то ли сами сознались, то ли вас изобличать пришлось. Так что будем писать?

Прокудин чуть не в крик, с отчаяньем, с вызовом:

— А пишите, что хотите! Все подпишу! Все равно запутаете невиновного! Вам лишь бы дело на кого-то повесить!

Гринев ручку отложил — так не пойдет! Не то, что мы хотим, а только то, что вы расскажете — вот это и запишем. Рассказывайте, с чего каждое дело начиналось и чем заканчивалось, а про невинность — это уж совсем ни к чему!

— Нечего мне рассказывать! Всех и дел — зашел к шалаве. А вы что на меня вешаете? Что мне до спекулянта Градова, до костюма? До шофера?

Гринев встал, открыл сейф, достал дактокарту — вот, Прокудин, одно это вас без свидетельских показаний утопит. Уж на что вы — волк битый и травленый, а тут просчитались. Отпечатки ваших пальцев со стакана сняли, а стакан на прилавке стоял, в магазине. Понятно я объясняю?

Прокудин замкнулся, в окно смотрит.

Мы тоже молчим: пусть освоится с мыслью, что капкан захлопнулся. Теперь не вывернется. Наконец Гринев, спокойно так, спрашивает:

— Куда же против фактов переть, а, Прокудин? Было ведь?

— Ну, было...

— Вот то-то. Давайте-ка все с самого начала.

Дальше Гринев допрашивал Прокудина один: позвонил начальник горотдела, сказал — Владимир Никитич меня по телефону ищет. Он уже был подробно проинформирован о наших делах, потому ни о чем не спрашивал, просто сказал:

— Что же, неплохо вы там в этот раз сработали, с остальным без тебя справятся.

— Владимир Никитич, я бы хотел до конца недели задержаться, по делу самый разворот...

Владимир Никитич не сразу ответил. Пока он молчал, мне подумалось: голос у него какой-то не такой...

— Беда у нас... Завтра утром будь в отделе.

Последним рейсовым автобусом, пыльным и скрипучим — «Икарусов» в те времена на дорогах Кузбасса еще не было,— я уехал из того шахтерского города.

Ночь была холодная и ветреная, у Белова нас прихватил крупный дождь, он бил по крышам и окнам, сквозь щели пробивался внутрь, потоками сбегал по лобовому стеклу, дворники с ним не справлялись — водитель решил не рисковать, выехал на обочину шоссе, притормозил.

Я отчаянно мерз без плаща и все думал: что же такое могло случиться в отделе, из-за чего у Владимира Никитича, человека выдержанного и непреклонного, голос стал печальным?

Так началось для меня самое тяжелое дело, с каким столкнула меня милицейская служба: в ночной перестрелке преступники тяжело ранили старшего лейтенанта Коломейцева, в недавнем прошлом фронтового разведчика. Уже после операции он умер от внутреннего кровоизлияния в легкое. Именем его названа тихая, всего на несколько домов улочка в областном центре, помнят его многие люди и сейчас, спустя тридцать с лишним лет после трагедии... Не знаю, сумею ли я когда-нибудь рассказать о тех событиях, смогу ли, а надо бы.

Литературная запись В. Рудина

Б. ЭТИН,
подполковник милиции в отставке

ТЕНИ ПРОШЛОГО

В июле Томь спадает, галечный берег белыми косами далеко вдается в зеленоватую, еще мутную полую воду. Там, под водой, таятся глубокие ямы: летом на этом месте, ниже опор моста, ставят экскаваторы, берут гравий. Купаться здесь запрещено, все это знают. О том же предупреждают и фанерные щиты: опасно! По ту сторону насыпи, ведущей к мосту,— Топольники. Там городской пляж — иди туда и купайся на здоровье! Но ребятню, словно магнитом, тянет именно сюда. И ведь знают, чем все может кончиться: попадешь в яму с холодной застойной водой, схватит судорога — и поминай как звали! Но удержу на них нет, в Топольники не идут, тянутся сюда, где глубже и опаснее.

В тот день здесь, у бетонной опоры моста, их было человек десять, мальчишек и девчонок из Форштадта, и они потом, когда пришлось их допрашивать, никак не могли припомнить, кто затеял игру в прятки в прибрежных кустах: Вася Чурилин или Митя Сапрыкин. Будто это было так уж важно. Словом, устав нырять и плавать, течение все же сильное, сносило далеко, ребятня рассыпалась по кустам, Кате Ледневой досталось искать. Она громко пропела: раз, два, три, четыре, пять, я иду... Обернулась — прямо на нее бежит Алешка Рытвин, пятиклашка, и лицо у него белое-пребелое. Кричит:

— Убитый там! В кустах!

В кустах лежал человек. Головой на мятой газете, лицом

уткнулся в объедки, руки раскинул, на одной ноге полуботинок, другая в носке. На голове мух видимо-невидимо...

Ребята в сторонке постояли, минуточку поглядели: боязно. Вася Чурилин говорит: пацаны, сыпем отсюда, а то в милицию потащат! А Митя Сапрыкин: дурак! Больно ты им нужен, чтоб тебя таскать! Ты, что ли, его убил? А в милицию не позвоним — как убийцу найдут?

Чурилин тоже разозлился: сам дурак! Ну и звони, если такой храбрый! Беги вон в Дом отдыха, там телефон есть!

Храбрый он или нет, Митя сам о себе еще не знал, но к Дому отдыха кинулся сразу, не задумываясь.

Обратно Митя примчался минут через десять. Вся пацанва чинно сидела на откосе шоссе, и даже Чурилин не сбежал: держался в сторонке, молча покусывал травинку. Чуть отдышавшись, Митя уверенно сказал:

— Они сейчас приедут! Нам велели ничего не трогать и посторонних к кустам не пускать!

Вскоре на шоссе притормозили два милицейских газика, из первого выпрыгнул капитан, позвал ребят:

— Давайте все ко мне поближе! Расскажите, как все получилось?

Чурилин в сердцах бросил Мите Сапрыкину:

— Ну вот! Я тебе, дураку, чего говорил?

Капитан удивился:

— Я тебя что, урок отвечать зову, что ли? Кто, ребята, первым увидел убитого?

Катька подтолкнула Алешку Рытвина:

— Вот он. Мы в прятки стали играть, он в кусты полез, а там...

Капитан Алешку обнял за плечи:

— Не побоишься показать, где?

Алешка головой помотал:

— Не, не хочу. Он после будет сниться.

Митя протолкнулся вперед:

— Товарищ капитан, я покажу. Пойдемте.

Они гуськом спустились по откосу: за Митей шел ка-

питан, следом трое в штатском, за ними три милиционера. Последний вел на поводке огромную серую овчарку.

Митя вошел в кусты — зеленые, густые. Пошел не колеблясь. Потом показал рукой: вот там он лежит, идите прямо.

*

Все было так, как сказал звонивший в дежурную часть мальчишка: и труп, и объедки на расстеленной в траве газете, и слетевший с ноги трупа полуботинок. Ребята ничего не тронули. По кустам разбросаны пустые бутылки, одна — из-под шампанского, с отбитым горлышком. Голова убитого залита почерневшей кровью, кровь пропитала и угол газеты.

Капитан Марчук велел проводнику заняться поисками следов. Одного милиционера послал обратно, на шоссе, встретить «скорую помощь». Сам подождал, пока криминалист сфотографирует поляну и убитого. Потом перевернул труп на спину, проверил карманы пиджака. В правом оказался бумажник — уголки пообтерлись, целлулоидная вкладка посеклась. Марчук извлек из бумажника красненькую книжечку с некогда золотым, а теперь потускневшим тиснением — Арефьев Степан Архипович, старший инженер областного управления...

Марчук поморщился: был старший инженер, да весь вышел...

Тут же, в бумажнике, командировочное предписание: товарищу Арефьеву надлежит проверить деятельность... Так, квитанция городской гостиницы: Арефьев выписан вчера вечером...

В другом кармане оказалась записная книжечка в синей обложке. Записей в книжке было много. Это хорошо, что много, подумалось Марчуку.

Эксперт-криминалист позвал капитана, указал на левую руку убитого: был виден четкий след от ремешка или брас-

лета часов. След от кольца виднелся и на безымянном пальце правой руки.

Вернулся обескураженный проводник — собака виновато улеглась у его ног, и Марчук понял: следа не взяла. И точно, проводник доложил: до продуктового магазина уверенно вела, а там как отрезало — затоптан след.

Пришел милиционер, посланный Марчуком к недалеким частным домикам, протянул листок: в сто шестнадцатом доме живут Никитины, мать и взрослая дочь. С вечера слыхали тут, в кустах, смех, пьяные голоса, песни. Криков не было. Тех, кто здесь пировал, не видели.

*

Часам к десяти вечера Марчук понял: пора заканчивать. Усталость брала свое: начали слезиться глаза, строчки в блокнотике Арефьева набегали одна на другую.

Жена вот уже год твердит: очки пора завести! Но Марчук считал, что не пристало ему, офицеру угрозыска, ходить как какому-то канцеляристу в очках, и как мог терпел.

Он проштудировал почти весь блокнотик Арефьева. Выписал все фамилии, имена, номера телефонов. С тем чтобы завтра с утра специально заняться ими. Была в книжечке схема: расчерчены две улицы, дома елочкой, между ними три квадратика, какой-то круг, стрелка змеилась к одному из квадратиков и стояло: «третий этаж, налево». Ясно, что это адрес. Но где и чей?

*

На другой день, часам к двенадцати, в райотдел приехал начальник городского угрозыска подполковник Зелинский. Марчук знал, что Зелинский все и вся насквозь видит. Умеет быстро и четко разобраться в обстановке, заметит малейшую ошибку или промах. Марчук не то чтобы побаивался начальника, но почему-то в его присутствии чувствовал себя скованно, все думал, не упустил ли чего, не ткнут ли его носом: что же ты, товарищ капитан, столь-

ко лет работаешь, а тут... Был у него такой случай года два назад, и снова попадать на хотя и вежливый разнос к Зелинскому не хотелось.

Марчук понимал, о чем пойдет речь, если его вызовут к Зелинскому, и заранее разложил в папочке все нужные бумаги.

Арефьеву, как попросту говорят, «проломили голову». В акте экспертизы значилось: «Смерть наступила в результате перелома черепа, чему предшествовало нанесение множества ударов твердым предметом, вероятнее всего бутылкой; из ран извлечены мелкие осколки стекла».

Сразу за этим актом Марчук положил фотоснимки с места происшествия. На одном из них крупным планом черно-зеленая литая бутылка из-под шампанского. Горлышко у нее было отбито, и Марчук полагал, что Арефьева били именно этой бутылкой. Предстояло отправить ее на экспертизу: возможно сохранились отпечатки пальцев...

Следом шли материалы проверки по гостинице: выяснилось, Арефьев находился в Новокузнецке ровно неделю. Вместе с ним был командирован Иван Спиридонович Ковалев. Они занимали двухместный номер на шестом этаже. Вели себя вполне спокойно, только по утрам горничная убирала из номера бутылки из-под водки и пива и все удивлялась: когда они только работают? С утра принимали спиртное, запивая кефиром, и в обед пили, и вечером...

Выписались они одновременно, накануне убийства. Однако вчерашняя проверка Ковалева Кемеровским угрозыском показала: Ковалев дома не появлялся и где находится — жена не знает.

Ковалев, наверное, исчез не случайно, какую-то роль он во всем этом сыграл. Но какую? И где теперь его искать?

Зелинский был в кабинете начальника райотдела майора Коломина. Едва Марчук вошел, поздоровался и кивнул: садись поближе, к столу. Доложи, что сделал, что думаешь делать дальше? Голос у подполковника ровный и спокой-

ный, но Марчуку кажется недоверчивым: не рано ли мы тебя назначили старшим уполномоченным?

Это впечатление усилилось, когда, выслушав Марчука, Зелинский заметил:

— Покрутиться ты уже успел изрядно. Но ведь белка в колесе тоже крутится, а что толку? — И продолжал: — Где Ковалев? Не знаешь. Был ли он на берегу, когда убивали Арефьева — тоже неизвестно. Говоришь, проверка рынков, вокзала и других мест ничего не дала, а что ты там искал?

— Часы марки «Луч» в золотом корпусе, с золотым браслетом, обручальное кольцо, тоже золотое. Они у Арефьева были. Жена сказала. Об этом из кемеровского угрозыска еще вчера телефонограммой сообщено. Вот и ищем. Может, ухватим какую ниточку.

Зелинский, видимо, и сам понимал, что за сутки большего не сделаешь. Спросил только у Коломина, кого он думает посылать в Кемерово на поиски Ковалева.

Майор указал на Славу Рудюка:

— Он, правда, в угрозыске всего два месяца, но до этого год работал участковым, парень цепкий и решительный.

Заканчивая разговор, Зелинский отметил:

— В прокуратуре дело принял Гринин. Знаете его? Считаю, вам повезло. Следователь он крепкий, сам будет вертеться и вам покоя не даст. Так что, учтите: прибавляйте обороты!

*

День пролетел. Вечером позвонил Гринин, спросил о новостях и, узнав, что нового ничего нет, недовольно хмыкнул. Это вконец испортило и без того невеселое настроение Марчука. Дома в сердцах накричал на сына — сел ужинать, а рук не вымыл, растет, как свинушка. Мальчишка в слезы. Жена промолчала, но по опущенным глазам Марчук понял: обиделась за парнишку... Он молча доел ужин, молча ушел в другую комнату. Сел на диван успокоиться, но мысли продолжали крутиться вокруг Арефьева. И вдруг

Марчук ясно представил схему в его записной книжке: круг, да это же в плане строящийся цирк! А перекрещивающиеся линии — улицы Тольятти и Дружбы. Как же я сразу об этом не сообразил?

*

Утром Коломин выслушал Марчука, покачал с сомнением головой: что это нам даст? Ты лучше скажи: были ли вчера в учреждении, куда приезжал Арефьев?

Марчук пожал плечами: конечно, был, а толку ноль. Арефьев и Ковалев еще в обед отметили командировки и после этого их никто не видел. А если найти дом, что помечен в схеме, может, найдем человека, хорошо знавшего Арефьева. Ведь первым встречным домашних адресов не дают.

Майор вдруг согласился: а что? Давай попробуем. Забирай участкового, там у нас Володя Габидуллин, и, как говорится, с богом.

Габидуллин охотно откликнулся на просьбу Марчука. Приказ начальства был тут ни при чем: во-первых, характер имел легкий, любил помогать людям, а во-вторых, имел от этого поиска и свою выгоду — когда еще дойдут руки до проверки паспортного режима?

Предстояло обойти пять девятиэтажек, и они считали, что к обеду управятся. При этом договорились проверять не до третьего этажа, как отмечено в схеме, а все девять.

Начали бодро и легко. Отмеряв марш лестницы, звонили или стучали в квартиры, Володя лихо вскидывал руку к козырьку, строго представлялся:

— Участковый инспектор лейтенант Габидуллин! Проверка паспортного режима! Кто живет в квартире? Просим предъявить паспорта.

Но когда поднялись на девятый этаж второго дома, Марчук, стесняясь, попросил: передохнем хоть пяток минут. Габидуллин улыбнулся: а давайте, товарищ капитан,

куда они от нас денутся, дома эти? Не сбегут же! Всего три и осталось...

Когда вышли из третьей девятиэтажной громады, у Марчука заныла поясница. Глянули на часы — начало третьего. И обедать не хотелось, и сил идти в четвертый дом не было.

Володя от душевной щедрости предложил:

— Вы, Михаил Прокопьевич, на скамеечке передохните, я пока один пойду, а вы после нагоните. Годится?

Марчук с улыбкой кивнул — спасибо за заботу, добрая ты душа. Мы ведь с тобой и понятия не имеем, кого ищем, ходим на обум Лазаря...

— А что это значит — «на обум Лазаря»? У нас, на азербайджанском, так не говорят.

— Да я и сам точно не знаю, но смысл примерно такой: поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что... Понял? Ну, пошли...

Им повезло в двадцатой квартире, точно на третьем этаже.

Габидуллин привычно подбросил руку к козырьку, лихо произнес, глядя на открывшую дверь молодую, удивительно красивую женщину:

— Проверка паспортного режима! Позволите войти?

Женщина распахнула дверь:

— Проходите, пожалуйста, только зачем так громко?

Она подала им два паспорта, свой и отца. А мама,— сказала печально,— умерла два года назад.

Марчук полистал паспорт женщины — Пятакова Нонна Александровна, не замужем... Работает... Второй паспорт. Пятаков Александр Иванович. Штамп с места работы. И тут жаркими толчками застучало сердце. Вот оно! Пятаков работал там, куда приезжали в командировку Арефьев и Ковалев! Спросил:

— Нонна Александровна, а где сейчас отец?

— Где же ему быть? На работе.

— Когда придет?

— Часа через полтора, он у меня человек пунктуальный. А зачем он вам? Или случилось что?

— Да нет, ничего не случилось, просто нужно уточнить одну деталь, вот тут, по записи в паспорте...

Когда вышли из квартиры, Габидуллин весело спросил:

— Неужто нашли? Ай, хорошо!

— Вроде бы... Чует моя душа: ухватили мы тут ниточку. Спасибо, Володя, за помощь. Иди, я теперь один управлюсь. Да передай Коломину — пусть позвонит в прокуратуру, Гринину. Я к семи приведу человека, чтобы подождали.

Марчук ожидал аккурат полтора часа. Пятаков — грузный, в белом парусиновом кителе и коричневых сандалиях, шел от трамвайной остановки неспешно, прижимая к боку новенький портфель...

Марчук встал со скамейки, вежливо поздоровался: добрый вечер, Александр Иванович!

Тот с недоумением остановился, посмотрел на капитана:

— Добрый вечер и вам... А что случилось?

— Да ничего такого... Я старший инспектор уголовного розыска Марчук. Нам бы надо потолковать, Александр Иванович. Пройдемте в райотдел.

— В райотдел? — Пятаков изумился.— У меня нет для милиции никаких сообщений! С какой стати? Дочь с ужином ждет...

Марчук пожал плечами:

— Это, знаете, в плохих детективах пишут, как свидетели куражатся. А у нас с вами не детектив. Предупреждаю: не пойдете по доброй воле — вызову наряд и доставлю приводом, такие мои права.

— Да? — Пятаков взвился.— Приводом? Арестуете, что ли? Ни за что ни про что?

Марчук вздохнул:

— Ладно вам, Александр Иванович, по пустому артачиться! Вы ведь знали Арефьева?

— Что значит «знал»? Я и сейчас его знаю!

— Сейчас вы его знать не можете. Его уже нет в живых.

Портфель выпал из-под локтя Пятакова, он уставил невидящий взгляд на Марчука и приглушенно проговорил:

— Ну вот... Ну вот... Я же им говорил...

*

Следователь Гринин — резкий, нервный, порою нетерпеливый. Может во время допроса и оборвать: что воду льете? Или: тут все уже понятно, хватит об одном и том же! Или: не тратьте порох, и так все ясно. Он действительно все понимал с лета. Дело свое знал, работал с полной отдачей.

Гринин ждал у начальника райотдела. На Марчука глянул хмуро: чего, мол, всех баламутишь?

Марчук, зная характер Гринина, не обиделся. Сказал спокойно: нашел. В дежурке ждет. Пятаков фамилия. Провожал Арефьева и Ковалева на вокзал. Как узнал, что Арефьева убили, аж портфель свой выронил...

Гринин подобрался: Да? А что ему такое известно?

— Вот этого не знаю, его на улице допрашивать не стал.

— Ах, господи, что ты время тянешь? Давай его сюда!

*

Едва Пятаков — все еще растерянный — вошел в кабинет, Коломин бросил Марчуку:

— Налейте ему воды, пусть успокоится.— И, обращаясь к Пятакову, представился:

— Я — начальник райотдела, а это — товарищ Гринин, старший следователь городской прокуратуры. С капитаном Марчуком вы уже познакомились. Так что можете рассказать об Арефьеве?

Пятаков облокотился на стол, охватил руками огромную голову и сбивчиво заговорил:

— Но как же так?.. За что? Ведь с ними были только женщины... Зачем они поехали? Я же говорил...

Гринин жестко вмешался:

— Да возьмите себя в руки! — он пододвинул к Пятакову бланк протокола допроса: — Вот тут распишитесь, что вы предупреждены об уголовной ответственности за отказ давать показания и за дачу заведомо ложных показаний. Расписались? Ну, теперь спокойно и по порядку: давно ли знаете Арефьева и Ковалева? Какие у вас с ними отношения? Что там за женщины?

Пятаков отпил из стакана воды, достал платок, вытер лицо и начал рассказывать. Получилось вот что: Арефьев руководил одним из отделов главка в Кемерове, Ковалев— работник того же отдела. Года два-три назад Пятаков, будучи в Кемерове, был приглашен Арефьевым домой и отменно угощен.

Пятаков пригласил Арефьева, когда тот будет в Новокузнецке, проведать его, своей рукой нарисовал ему в записной книжке схемку, как лучше найти его. Но Арефьев так у него в гостях и не побывал. В день отъезда из Новокузнецка Арефьева и Ковалева договорились уйти с работы пораньше. Часа в три вместе поехали в гостиницу, сдали там номер, забрали портфели и поехали на вокзал. До поезда оставалась уйма времени. Решили посидеть в вокзальном ресторане. На обед хватило двух часов. И поели, и изрядно выпили. Пятакову потом за это от дочери досталось.

Вот там, в ресторане, Арефьеву вдруг захотелось пива — вынь да положь! А в ресторане его не было. Пятаков вспомнил: пиво часто бывает рядом, в семнадцатой столовой. Пошли. Пиво и правда было, в ларьке, рядом со столовой. Взяли по две кружки, сели за столик. И тут подошла к ним женщина. Лет двадцати пяти, может, чуть постарше. Волосы светлые, высоко зачесанные. Глаза черные, и под ними темные круги. Ниной звали. Она и прилипла к Степану. Ну, к Арефьеву. Угости да угости, дяденька, пивком! Арефьев ей кружку пододвинул. Она ра-

зом половину выпила, а потом взяла руку Арефьева, положила себе на грудь, на вырез и говорит: «Чуешь? Люблю, дяденька, когда сердце вот так колотится!» Тут еще две бабенки подсели, со своими стульями. Видно, тоже из таких... Нинка к Арефьеву льнет, смеется: «А что, дяденька, поехали гулять на Томь?» Я Арефьеву говорю: ты глянь, что это за птицы! Куда ты лезешь? А того уже понесло, кричит: «Гулять так гулять! Поехали!»

Дошли компанией до остановки трамвая, сели на «двойку». Пятаков сошел у кинотеатра «Юбилейный», а Арефьев и Ковалев с тремя женщинами поехали дальше...

Гринин дописал последнюю строчку, спросил Пятакова, может, что еще приметил? Пятаков подумал: а точно, приметил. Те две женщины, что позднее подсели к их столику, до этого сидели за столиком с каким-то парнем. Нет, в лицо парня не запомнил, все на женщин смотрел, удивлялся: какие они развязные и помятые. Ну про Нинку сказал. Да, у нее белые босоножки, платье цветастое, с вырезом, и плащ зеленый, болоньевый. Другая женщина — маленькая, рыжая, лет двадцати, не говорит — тараторит. Все присоседивалась к Ковалеву, а тот на нее ноль внимания, его третья заинтересовала, та, что все время молчала и непрерывно курила сигарету. Уж не знаю, как ее зовут...

Коломин, глядя, как давно успокоившийся Пятаков неспешно подписывает страницу за страницей протокол допроса, ненароком спросил: вы-то когда до дома добрались?

Пятаков, не поднимая головы, объяснил:

— Часов в семь. У подъезда сидела соседка из двенадцатой квартиры, которая еще дружила с моей женой. Увидела меня, глаза стали злые, говорит:—Ирод ты, Александр Иванович, и смерть жены тебя не угомонила, все пьешь!

Коломин кивнул Марчуку — тот вышел к дежурному, связался по телефону с Володей Габидуллиным и велел быстренько проверить у женщины из двенадцатой квартиры показания Пятакова и узнать у дочери, не уходил ли он вечером из дома.

Потом набросал ориентировку, отдал ее дежурному: прозвони по отделам, пусть этих женщин по приметам ищут, не тяни: это по делу убийства Арефьева.

Не прошло и полчаса, Габидуллин подтвердил: все точно. Пятаков вернулся домой около семи вечера, из дома больше не выходил.

Коломин пожал Пятакову руку — все, спасибо за помощь. Дать вам провожатого или сами доберетесь?

— Я могу идти? — Пятаков отчего-то удивился.

Гринин усмехнулся:

— В чем сомнение?

— Да нет, простите, ни в чем... Так я пошел?

*

Слава Рудюк не любил Кемерово — за пыль и битые дороги летом, за вечные запахи в воздухе, за непробойную толкотню в автобусах. И в этот раз, пока добрался до далекой правобережной Индустриальной улицы, натерпелся и духоты, и давки — на три командировки вперед.

Дом — двухэтажный, на шестнадцать квартир,—нашел быстро. На звонок открыл дверь парнишка, тут же из кухни, вытирая руки полотенцем, вышла женщина — видимо, жена Ковалева.

— Вам кого? — она с удивлением смотрела на широкоплечего, высокого лейтенанта.—Да вы проходите, проходите!

— Хотел бы видеть Ивана Спиридоновича.

— А его и нет, он в командировке. Или случилось что? — В голосе женщины промелькнула тревога.

— Да нет, нет. Просто хотел его спросить о товарище его, об Арефьеве.

Тут кто-то ключом открыл наружную дверь — женщина выглянула в прихожую, сказала весело:

— А вот и хозяин сыскался! Иди сюда, Ваня, тут тебя из милиции дожидаются.

Ковалев топтался в прихожей.

Рудюк позвал:

— Что вы там прячетесь, хозяин?

Ковалев стал у двери комнаты, лицо, словно у нашкодившего школьника, жалкое, растерянное. Рудюк недоверчиво спросил:

— Вы что, с вокзала?

Ковалев замотал головой: нет, нет, еще вчера...—он глянул виновато на жену и осекся.

— Ну вот что,— поднялся лейтенант,—вижу, разговора у нас тут не получится. Прошу со мной, потолкуем в райотделе.

Жена всплеснула руками:

— Ваня, что происходит? Ты что-то натворил?

— Нет, нет, Катенька, я ничего...

*

Начальник Кировского райотдела распорядился освободить для Рудюка кабинет. Спросил: с допросом сам справишься? Если что — зови — поможем.

Ковалев рассказал торопливо, словно боялся, что не успеет выговориться. Поведал, как в ресторане сидели, как пили у ларька пиво, как к ним подсели женщины, как поехали кутить на Томь, в Топольники, как сошел с трамвая Пятаков...

Лейтенант не успевал записывать. Остановил Ковалева: не спешите. Так, ну, а в Топольниках что было?

— Мы туда не пошли, устроились по другую сторону моста, в кустах... Опять выпили. Песни пели, уж и не помню, какие. Нинка, одна из женщин, затеяла пить на брудершафт с Арефьевым. Потом просто так стали целоваться. А Шура, маленькая такая, помню, ко мне льнет: ты что, папаша, меня боишься? А потом пьяным туманом все и затянуло. Утром просыпаюсь — лежу на койке, в комнате отдыха на вокзале. До сих пор в толк не возьму, как я там оказался. Ну, ничего не помню...

— А Арефьев?

— Очухался я мало-мальски и решил, что он уехал накануне вечерним поездом. Билеты-то на обоих у него были. Вечера я ждать не стал — автобусом поехал. Добрался до Кемерова, помчался к нему. А его дома нет. Тут я и подумал: не иначе с ним что случилось... А соседка их говорит — к Полине, к жене Арефьева, еще с утра приходили из милиции, она уехала в Новокузнецк... И все. Понял: боком вышла нам та гулянка. Домой не пошел, сам не знаю, чего испугался. Переночевал у друга. Сегодня с утра снова помчался к Арефьеву — там никого... Вот что хотите, то со мной и делайте...

Рудюк дописал протокол, отдал Ковалеву: прочитайте и подпишите.

Ковалев вздохнул: я вам и так верю.

— Читайте, читайте, так вернее. Может, где оговорились, может, я не так понял. Придется нам вместе ехать в Новокузнецк.

— Зачем?

— Арефьев ни свою Нинку, ни вашу Шурку опознать уже не может — убили его.

— Убили?! — в глазах Ковалева застыл ужас.

— Ну да, убили. Там, где вы гуляли. Вы-то хоть опознаете тех женщин?

*

В начале первого ночи милицейский патруль доставил в дежурную часть парня: лицо в кровоподтеках и царапинах, рубашка разорвана, на ногах одни носки. Сержант доложил:

— Вот, товарищ майор, говорит, к нам бежал: побили и ограбили. А от него, паразита, винищем прет!

Парень обиженно подтвердил: ну прет, и что? Пили у меня в квартире, имею право или нет?

Выяснилось, что он, Геннадий Лобков, рабочий железобетонного завода, вчера получил аванс, зашел в ларек к семнадцатой столовой попить пивка. Там компания гуляла,

парень и три бабенки. Одну зовут Нинка-учительница, вот она позвала — подсаживайся, мол, к нам, у нас весело! Когда ларек закрыли, Лобков всех позвал к себе, догуливать. По дороге купил две бутылки водки, закуска дома была — капуста да огурчики, буханка хлеба, немного колбасы. Нинка взяла руку Лобкова, прижала к своей груди, где вырез, а платье такое цветастое... Еще сказала: «Люблю, когда сердце вот так колотится!» А парень как закричит: «Опять за свое, сука?! Скажу Студенту, он с тебя шкуру спустит!» Потом была драка, Лобков полез разнимать, подло же, когда мужик женщину бьет. Тут ему и досталось от всех. Очнулся — гостей и след простыл. Унесли часы, костюм, деньги. Паскуды! Увижу—в куски порву!

Дежурный усмехнулся: да ты никак сидел?

— Ну и сидел, по своей пьяной дурости. Уж пять лет как вышел, вкалываю будь здоров, а они, твари позорные!..

— Ладно, уймись. Как тот парень выглядел—помнишь?

— Пиши, начальник: хлипкий такой, плечи узкие, челка на глаза, голос хриплый, лет двадцати пяти... Почему Нинку звали учительницей, не знаю. Плащ у нее был зеленый, из болоньи, в руке было...

*

Ковалева майор Коломин допрашивал вместе с Грининым. Тот чуть не плакал, клял себя последними словами— и что напился как свинья, и что бросил товарища. Видно было, что весть об убийстве Арефьева действительно потрясла его.

— Вечером наши группы пойдут по злачным местам. С одной пошлем Пятакова — знаете его? С другой вас. Пойдете?

— Конечно! Я этих женщин сразу узнаю, даже по голосу.

За группой Марчука (три дружинника, участковый Володя Габидуллин и Ковалев) закрепили квадрат небольшой, но бойкий: привокзальная площадь, вокзал, сквер,

что тянется вдоль железнодорожной насыпи, и пустырь за зданием перевозки почты.

Дежурить начали с шести вечера, за час обошли весь квадрат, поговорили с работниками транспортной милиции, дежурившими по вокзалу, заглянули на пустырь. Габидуллина оставили для наблюдения у пивного ларька.

Обстановка до одиннадцати была однообразно-спокойной. Еще в девять закрыли пивной ларек, и Габидуллин присоединился к группе.

В начале двенадцатого на стоянке такси вспыхнула драка: пьяные мужики не поделили машину. Дружинники растащили драчунов. Те в запале буянили и сквернословили, пришлось вызывать милицейскую машину.

Ковалев устал, но не сетовал. Когда увезли драчунов, вздохнул: да, беспокойная ваша служба... Каждый вечер, что ли, такая?

Марчук кивнул: это еще по-божески, бывает и похуже.

Около полуночи, обойдя в который уже раз вокзал, площадь и скверы, Марчук присел на скамейку, сказал Габидуллину: бери ребят и Ковалева, посмотрите напоследок пустырь. А вскоре увидел бегущего к нему дружинника

— Товарищ капитан, на пустыре шумят!

Сообщив об этом по рации и попросив дежурного срочно послать к вокзалу патрульную машину, Марчук бросился к зданию перевозки почты. Здесь встретился с запыхавшимся Ковалевым:

— Она! Там она, Шурка! Я по голосу узнал.

Марчук послал Габидуллина и Ковалева в обход. А сам с дружинником, ориентируясь на огонек папиросы кого-то из куривших на пустыре, выскочил из-за почты и негромко скомандовал:

— Стоять всем на месте!

Компания бросилась в темноту. Задержали только женщину.

*

В прокуренной комнате одного из бараков Нижней Колонии на грязной постели валялся атлетически сложенный человек. Белки глаз воспалены, на худых щеках мелкая сетка склеротического румянца, от него несло винным перегаром. Это был Владимир Копылов, больше известный среди своих немногочисленных приятелей под кличкой Студент, человек жестокий и беспощадный.

Отца Студент не помнил — тот ушел от семьи, когда Вовке не было и года, а вот мать, проработавшая всю жизнь машинисткой, и сестренка Лидка стояли перед глазами, будто только вчера расстался с ними.

Всю жизнь мать мечтала вывести его в люди, твердила — вот выучится Володенька на инженера, тогда и она отдохнет на старости лет. Как ни пласталась за своей машинкой, много не зарабатывала, потому и жилось туго, а Вовке хотелось всего много и сразу. С третьего класса он пристрастился шарить по чужим карманам в школьной раздевалке. Когда подрос, стал отбирать у младших копейки, школьные бутерброды. Был он рослым, сильным—если кто сопротивлялся, бил.

В седьмом классе его застали в учительской, когда он шарился по сумочкам преподавателей. Мать умолила директора, чтобы Володечку не отправили в детскую колонию. Но из школы его исключили. Затем, как водится, улица. Компания таких же, как он, свихнувшихся подростков, безнаказанный взлом продовольственного киоска и похвала побывавшего уже в тюрьме за воровство парня, которого улица звала почему-то Метеором. Он и стал их «учителем».

И началась у Володьки воровская жизнь. С дружками забирались в киоски, а краденое носили Метеору. Стали чистить карманы пьяных, отбирать в подъездах деньги у женщин. Тогда же Вовка и приобщился к водке. Но через несколько месяцев их выловили — вместе с Метеором все они угодили за решетку.

И пошло-поехало. Сначала колония для несовершеннолетних, затем тюрьмы. Всего хлебнул Володька. И лес валил в тайге, и котлованы копал, и в штрафных изоляторах, случалось, за нарушение режима сидел. Освобождался по амнистии и по окончании срока. Но, выходя на свободу, снова брался за старое.

Последний раз Студент сидел за групповой грабеж и месяц назад, освободившись из колонии, вернулся в родной город. Остановился у Кисы — Мишки Ферапонтова, с которым когда-то вместе сидел — тому досталась комната после смерти бабки.

На третий день, очнувшись после беспробудной пьянки, увидел рядом в постели растрепанную Нинку-учительницу. Киса, знакомя их при первой встрече, сказал, что баба она мировая и годится на любое дело. И, разглядывая тогда испитое лицо спящей молодой женщины, сначала удивился, потом вдруг вспомнил Лидку, свою сестру, подумал о матери — сколько же ей сейчас? Поди, совсем состарилась? И резанула по сердцу горькая обида на мать.

Он написал ей недавно открытку: мама, мамочка, я на воле, может, наведаюсь на неделе, до Киселевки — рукой подать. Ответ матери не заставил себя ждать. «Не знаю, как тебя называть и как к тебе обращаться,—писала она,— но назвать сыном язык не поворачивается. Все, что могла, я для тебя сделала. Но ты на все это наплевал и стал вором, преступником, а потому забудь о матери и сестре. Знай, что мы выбросили тебя из своей жизни... Когда тебя посадили в первый раз, я думала, что тюрьма тебя исправит, как она исправляет многих. Ночи напролет плакала, все ждала, что сын постучит в окно, но не суждено было сбыться материнским надеждам. Если мать избитого и ограбленного тобой парня мне скажет, что я вырастила подлеца и зверя, я в свое оправдание ничего не отвечу, потому что это правда.

Живи как знаешь, но не смей вспоминать меня как мать. Можешь говорить всем, что у тебя нет матери, что ты ее

не помнишь. Проклинаю тот день, когда родила тебя!»

Потянулся к тумбочке, к начатой бутылке водки, жадно припал к горлышку. В голове зашумело. Словно из тумана явилось скорбное лицо матери, и Студент, впервые за много лет, заплакал. Заплакал горько, навзрыд, как плачет обиженный взрослым ребенок. И чем дольше он плакал, тем сильнее росла в нем жалость к себе.

В коридоре послышались торопливые шаги. Студент прислушался, вытащил из-под подушки финку, натянул на подбородок одеяло — в комнату, тяжело дыша, ввалился Киса, прохрипел:

— Шурку замели!

— Чего?! — Студент отбросил одеяло — удар в челюсть свалил Кису на пол.

— Ты что же, подлюга, засыпать всех хочешь? Мало я тебя уродовал, а ты все лезешь туда, где менты ошиваются! Места тебе мало!

Киса молча поднялся. Косясь на Студента, отошел к двери.

— Нужно сматываться...— голос был едва слышен.— Шурка очень даже может расколоться.

Студент бросил презрительный взгляд в его сторону. Надел пиджак, сунул ноги в стоптанные ботинки, проверил карманы, спрятал за пояс брюк финку. Выключил свет, молча вытолкал Кису в коридор, вышел следом.

*

Шурка в милиции сразу же подняла крик: ни в чем она не виновата. Причитала, размазывая по щекам черные слезы.

Помощник дежурного, молодой лейтенант, еще не привыкший к пьяным бабьим истерикам, смотрел на Шурку и брезгливо морщился. Габидуллин подал ей стакан воды.

— Ты замолчишь или нет? Выпей вот, авось полегчает.

Выпив, Шурка как-то враз успокоилась, спросила Габидуллина, чуть прищурившись:

— Долго, что ли, меня продержишь?

— От тебя зависит. Сейчас следователь приедет. Выложишь ему все начистоту — сам тебя домой отвезу.

— Начистоту! Об чем это «начистоту»? Про Кису и Студента, что ли? Так они мне голову сорвут. Ни в чем я не виновата.

— Вай, Шурка! Я ведь тебя специально вылавливал, весь вечер дожидался. Тебя да Нинку. Поняла?

Шурка вдруг испугалась:

— Врешь, красавчик! Скажи, что врешь! Ну скажи!

Зазвонил телефон. Помощник дежурного снял трубку, послушал, потом сказал Габидуллину: веди ее к начальнику. Марчук уже приехал, ждут ее.

*

Коломин осуждающе посмотрел на измазанное лицо женщины и спросил, кого это она так испугалась? Кто такие Киса и Студент?

Шурка оглянулась на Габидуллина.

— Вон чернявый лейтенант обещал, если расскажу, так отпустите. Правда отпустите?

Вмешался Марчук:

— Что же ты, Александра, торгуешься? Не на рынке ведь! Если не виновата, говори, что знаешь. Кто такой Киса?

— Ферапонтов он, живет на Нижней Колонии, в бараке. Показать могу. А Студента не знаю. Месяц назад он приехал из колонии. Вот и живет у Кисы, с которым когда-то вместе сидели. Сама я Гладышева, родилась в деревне Мылово под Новосибирском. Там мама и сейчас живет...

В кабинет вошел Гринин, Гладышева замолчала. Коломин заметил:

— Продолжайте, Гладышева. Это старший следователь прокуратуры, так что, не смущайтесь.

— Боюсь я его. Студент с финкой не расстается. Вчера выпивали у Кисы, так он мне сказал: «Если продашь—завалю!»

Вскоре по картотеке управления выяснилось, что под кличкой Киса значился именно Ферапонтов, Михаил Михайлович, 1943 года рождения, он же Федоров, он же Сухов. Последний срок отбыл за квартирную кражу, прописан на Нижней Колонии. Студент по картотеке не значился, видимо, залетный. Тут же был сделан запрос в Кемерово, возможно, он значится там.

*

Крутились почти до утра, и все без толку. Комната Ферапонтова в бараке на Нижней Колонии оказалась запертой. Уезжая оттуда, Коломин оставил у барака засаду. Прочесали три раза вокзал, и подъездные пути, и стоявшие в ожидании отправления грузовые составы. Киса и Студент исчезли.

Коломин из машины вызвал по рации дежурного:

— Дела такие: никого не задержали. Будет звонить Зеленский, доложишь. До десяти даю людям отдых. Что у тебя? Прием!

Дежурный откликнулся:

— Из медвытрезвителя звонили: женщина там, с ночи пьяная. По приметам схожа с Нинкой. Босоножки белые, платье цветастое, плащ зеленый болоньевый.

Коломин приказал:

— Доставь ее в райотдел, мы с Марчуком сейчас приедем, так до нас не допрашивать!

*

После того как Коломин уехал, Гринин провел Гладышеву в умывальник. Вышла она оттуда умытая, с аккуратно прибранными волосами. И спокойно сказала Гринину:

— Ну, прокурор, фарт мой, видно, кончился. Пойдем, все расскажу.

Говорила она долго и откровенно.

— А на трех мужиков нас Студент навел. Сидели мы все — я, Нинка Ширякова, Таська Соловейко, Киса и Студент, значит, у ларька возле семнадцатой столовой, пили пиво. Смотрим, подходят трое мужиков, у двоих портфели. Заказывают пиво, а сами уже чуть теплые. Студент подмигнул Кисе, кивнул в их сторону, поднялся и ушел. Киса пошептался с Нинкой, а та нам и говорит: девочки, пойдем поговорим, может, что и перепадет.

Ну, мы подсели к ним, разговорились. Выпили за знакомство. Нинка зовет их прогуляться на берег. Я поддержала. Двое, те, что с портфелями, сразу согласились, а третий заупрямился и все уговаривал не ехать. Только наша взяла. Сели на трамвай, поехали. Тот, что не хотел ехать, где-то по дороге смылся. Нинка с одним мужиком — он себя называл Михаилом — сбегала в магазин, водки четыре бутылки купили, бутылку шампанского, консервов и хлеба. На берегу устроились в кустах. Пили. Песни пели. Нинка все обнималась с Михаилом. Второй сначала льнул к Таське, но она его отшила. Тогда он стал приставать ко мне... Помню, снова пили. Проснулась на рассвете где-то в стороне. Как туда попала — ума не приложу. Хотела найти место, где компанией сидели, пошарилась по кустам, покричала Нинку и Таську — никто не отзывается. Вышла на дорогу к трамваю. Вечером в сквере у вокзала встретила своих девчонок. Таська, как и я, ничегошеньки не помнила. Говорит, проснулась утром в своей комнате. Ну а Нинка рассказала, что вместе с мужиками добралась до вокзала и там с ними распрощалась...

Об ограблении квартиры Лобкова Гладышева тоже рассказала со всеми подробностями.

— Я там совсем не виновата. Подхватили его вечером в сквере и пошли пьянствовать. Мы к нему не напрашивались — сам зазвал. Да мужичонка больно уж зачуханный

попался. В квартире ничего ценного. Потом Нинка с Кисой стали его бить, а Таська шарила по карманам, в шифоньере... Я просто глядела. Вот хоть мамкой поклянусь!

Гладышева расписалась в протоколе, встала, потянулась, сладко зажмурилась — ох, и засну я сейчас!

Гринин кивнул: ты уж не обижайся, Александра, в дежурке пока на лавке поспишь.

*

Уйти из райотдела Гринин не успел: приехали Коломин и Марчук. Тут же привезли и Нинку-учительницу, женщину высокую, статную, с испитым, но еще не потерявшим красоты лицом.

Коломин заглянул в справку из медвытрезвителя, удивился — так тебя в Точилино подобрали? Как туда попала? Или там живешь?

Женщина качнула головой:

— Не помню.

Гринин развернул бланк протокола допроса, разгладил его ладонью:

— Что о себе можешь сказать?

— А зачем вам? — она подняла голову, оглядела всех.

— Хватит придуриваться! О себе не хочешь говорить, расскажи про Кису и Студента!

Нинка вдруг вскочила, подалась вперед, закричала Гринину в лицо:

— Ничего не скажу! Не хочу! Не могу! Понятно вам? — и забилась в истерике.

Марчук плеснул воды в стакан, шагнул к женщине:

— На, выпей! Возьми себя в руки! Почему тебя зовут учительницей?

Ширякова сделала несколько судорожных глотков, всхлипнула:

— Была я учительницей, давным-давно... Ладно, пишите, теперь уж все равно... Витьку вот только жалко... Куда он теперь денется?

Да, не удалась жизнь у Ширяковой. Родилась и выросла в Новокузнецке, закончила десять классов. Сначала все шло хорошо, прошла по конкурсу в пединститут, закончила филфак и получила направление в школу одного из пригородных совхозов. Там познакомилась с механиком, на первый взгляд скромным и начитанным парнем. Поначалу жили хорошо. Но скоро муж стал приходить домой навеселе. На ее просьбы не пить отшучивался, а однажды пьяный, не желая слушать упреков жены, избил ее. Убежала из дому и назло ему, купив в магазине бутылку водки, тут же за углом выпила половину прямо из горлышка. Дома реакция мужа оказалась совсем неожиданной. Увидев ее пьяной, бросился обнимать, целовать, побежал в магазин и принес еще бутылку. Стали пить вместе... Утром очнулась с дикой головной болью и ощущением надвигающейся неведомой беды...

— Не обмануло меня то предчувствие...—Ширякова горько усмехнулась.— Только первое время, как стали пить, жили весело. Что ни день — пьянка... Турнули меня из школы: кто будет держать пьяную учительницу? А у меня уже сын был, Витька... Забрала я его, мужу сказала, что жить с ним не буду. Уехала к матери, в Новокузнецк. Устроилась комендантом в общежитие. А пить бросить не смогла. Снова уволили. Денег не стало... Месяца три назад на вокзале познакомилась с Шуркой Гладышевой. С тех пор дома почти не бываю... Так, найдет иногда просветление... Зайду к маме, Витьку поласкаю и опять ухожу... Видно, судьба у меня такая... Как Витька без меня живет? А не знаю... Мамка моя или соседи подкармливают... Маленький он, еще пяти лет нет...

Преступлений за Ширяковой набралось за три месяца на удивление много: вместе с Шуркой и Таськой знакомилась с пьяными мужчинами, угощалась за их счет. Когда мужчины спивались, уводили их куда-нибудь в укромное место и обирали. Вещи продавали по дешевке, деньги шли на пропой.

Месяц назад Шурка привела Ширякову домой к Кисе: сказала, что познакомит со своим мужем. Вместе выпили. Переночевали. А утром Киса налил женщинам по стакану водки и сказал: «сейчас пойдем брать квартиру». Ширякова отказалась наотрез: нет, не пойду! Тут же получила удар в висок и потеряла сознание. Очнулась на кровати с мокрым полотенцем на голове. Шурка сидела у стола, а Киса, увидев, что она очнулась, присел на кровать: что ломаешься? То ли ты пьяных не обирала? Повязана ты с нами одной веревочкой...

В тот день, часов в двенадцать, приехали они втроем на улицу Дружбы. Ширякову Киса послал в первый подъезд большого дома. Она поднялась на пятый этаж и позвонила во все три квартиры. Никто не ответил. Спустилась, сказала об этом Кисе. Тот велел ей быть возле подъезда: если кто в него войдет, обгонишь, предупредишь нас с Шуркой. Мы будем шуровать.

Минут через двадцать Шурка с Кисой вышли из подъезда. У обоих было по два чемодана. Приехали к Кисе домой. Шурка сбегала за водкой, выпили и легли спать. Проснулась Ширякова поздно вечером. Кисы и чемоданов не было. Спросила об этом у Шурки — та объяснила, что барахло Киса повез к какой-то бабе Кате. Тут же спохватилась — не дай бог, Киса узнает, что я бабу Катю помянула! Прибьет!

Поздно вечером Киса вернулся, уже без чемоданов. Дал женщинам по двадцать пять рублей и выгнал, предупредив, что завтра в семь вечера будет ждать в вокзальном сквере...

За месяц ограбили семь или восемь квартир, Ширякова уже и адресов всех не помнила. Ходили всегда втроем, Таську не брали: Киса предупредил, что ей верить особо нельзя.

Ширякова замолчала и долго смотрела, как Гринин дописывает протокол. Когда же расписалась, произнесла с облегчением:

— Все. Больше за мной ничего нет.

Коломин с сомнением покачал головой: так ли? Ну да, пока прервемся. И повернулся к Марчуку: отправляй ее в КПЗ.

*

Утром начальник городского угрозыска Зелинский приехал в райотдел уже с готовым заключением экспертизы: на горлышке от бутылки из-под шампанского оказались отпечатки пальцев Ширяковой. Бурые пятнышки на правом рукаве плаща — кровь второй группы, как у убитого Арефьева. По амбулаторной карточке Ширяковой у нее группа крови первая. Вот так!

Спросил, где задержанные? Коломин объяснил: Ширякова в КПЗ. Гладышева в дежурной части. Жену Арефьева еще вчера, после опознания, проводили домой. Ковалев в гостинице, он опознал Гладышеву по голосу, но очной ставки между ними еще не было. Пятаков дома, к одиннадцати будет на работе. Можно вызвать в любой момент.

Зелинский приподнял бровь: докладываешь—даже слушать приятно. А где Киса и Студент? И хмуро посмотрел на Марчука.

Коломин вступился: не его вина, что ушли! Ночью на пустыре ловить — что за ветром гоняться!

Зелинский пожал плечами:— А если эта парочка еще дров наломает? На кого спишем? Может, на то, что пустырь не электрифицирован?

Ширякову привезли из КПЗ. Однако она заявила, что ни два, ни три дня назад ни с какими мужчинами не знакомилась, в Топольники ни с кем не ездила и вообще ночью рассказала все, и больше ей говорить не о чем.

Зелинский в упор спросил:

— Как же у тебя, учительницы, рука на человека поднялась?

— Что? — Ширякова вскочила.— Какого человека? Я ничего не знаю! Не шейте мне чужие дела!

Зелинский попросил Марчука:

— Ведите Гладышеву, что нам время зря терять? И Ковалева держите наготове.

Увидев веселую, выспавшуюся Гладышеву, Ширякова бессильно опустилась на стул, скрещенные ноги упрятались под стул.

— Что, Нина, может, сама все расскажешь? — спросил Гринин.— Суд бы учел твою откровенность и раскаяние...

— Мне каяться не в чем...— сквозь слезы упрямо проговорила Ширякова.

— Гладышева, вы знаете эту гражданку? — Гринин перешел на официальный тон, пошла очная ставка со всеми юридическими атрибутами. Но вот добрались до сути:— Гладышева, расскажите, что было на вокзале? Как познакомились с мужчинами у пивного ларька? Куда потом поехали?

Но едва та заговорила, Ширякова вскинулась:

— Не надо! Уведите ее! Сама все расскажу!

Поначалу ее повествование было таким же, как и у Гладышевой: познакомились — Киса велел. На Томь повезли троих мужчин. Но один по дороге исчез. Пили на берегу, в кустах. В какой-то момент исчезли Шурка и Таисья. Сама была пьяна сверх всякой меры... Потом сказала такое, чего не было в показаниях Гладышевой. Проснулась ночью, женщин нет, мужики оба пьяные спят. Пыталась их разбудить — оба только мычали. Она их оставила, по насыпи поднялась к шоссе, пошла к городу. Тут догнало такси. За рулем оказался знакомый Женька Гвоздев. Довез до вокзала. Переночевала на скамейке, с утра шаталась по городу...

Гринин, не дописав протокола, достал из папки фотоснимок:

— Вот смотрите, Ширякова, что из пьянки получилось. Это убитый Михаил Арефьев, череп у него проломлен бутылкой из-под шампанского. А на горлышке бутылки — отпечатки ваших пальцев. И кровь на вашем плаще... Что скажете?

— Что же тут скажешь?.. Убила... Не хотела, так вышло... Он приставать вздумал... Вот я и схватилась за бутылку...

— А часы, кольцо? Их-то зачем взяли?

Ширякова не ответила. Опустила голову. Лицо отрешенное. Будто не о себе самой сказала. Только слезы капали на сжатые кулачки.

*

Таисью Соловейко задержали в семь вечера у ресторана «Тополь»: вместе с полупьяным парнем ломилась в запертую дверь.

Расхождений с показаниями Гладышевой и Ширяковой в ее рассказе почти не было. И как обирали пьяных, и как чистили квартиры. И куда Киса вещи носил, тоже знала. К бабке Катерине Молчановой, что живет в Точилине. Ох и хитрая бабка! Не зря всю молодость по тюрьмам провела. Заплатит десятку, сплавит за тридцатку, в три-четыре раза барыша имеет.

Зелинский хмыкнул: такого не ожидал. Переспросил: значит, фамилия у бабки Кати—Молчанова? Откуда же тебе известно, что она была в колонии?

— Как откуда? — удивилась Соловейко.—Я же освободилась почти три года назад и жила у нее на квартире, а уж потом, когда устроилась дворником, получила комнату в секционке. Теперь отберут ее, наверное, ведь она служебная...

— Сами-то вы принимали участие в квартирных кражах?

— Нет, на этот раз я по квартирам не ходила. Я ведь Кису этого знаю давно. Еще до того, как меня посадили. Взяли мы с ним несколько квартир. Сам он, гад, наживался, а мне, бывало, кинет две-три десятки—и все. Вот я ему и закатила скандал. Отлупил он меня, потом сказал—в жизни, мол, тебя ни на какое дело не возьму! Видно, до сих пор помнит. Когда Шурка мне рассказала о квартирах,

я сразу поняла, почему он меня не берет...—Таисья вдруг спросила: — а Кису-то и Студента, поди, не сцапали?

Зелинский развел руками: нет еще. Скрываются. Подставили вас, дурочек, а сами в кусты. Вас в суд на отсидку, а они на свободе останутся и вас не вспомнят...

Таисья зло засмеялась.

— Ну, это как сказать! Они тоже в «черном вороне» с нами поедут! У Шуркиной матери их ищите, там они!

— Откуда же знаете?

— От Шурки. Она еще на той неделе мне рассказывала, что Студенту Новокузнецк поперек души, они с Кисой хотят рвануть к ее матери, куда-то под Новосибирск. Спросите у нее, она точно скажет.

*

Утром, сразу после селекторного совещания, Зелинский приехал в райотдел, собрал в кабинете Коломина оперативный состав уголовного розыска.

— Вот так, товарищи, теперь, кажется, просвет в деле показался. Бабка Катя, или Екатерина Васильевна Молчанова. Судя по картотеке, числится за ней по молодости аж пять судимостей, три из них—еще до войны. Вот такая редкостная старушенция. Если Гладышева подтвердит, что Студент и Киса поехали к ее матери—будем действовать в этом направлении.

Открылась дверь — вошел Гринин.

— Ну что?—спросил Зелинский.

— Гладышева, правда, не утверждает, что оба уехали к ее матери, но такой разговор Киса с ней вел и даже адрес взял. Деревня Мылово. В тридцати километрах от Новосибирска.

Зелинский посмотрел на часы:

— Что еще сделано за вчерашний день?

— Вскрыли с понятыми комнату Кисы,— ответил Коломин.—За кроватью нашли портфель Арефьева. Установили и допросили шофера такси Гвоздева. Ширякову он,

действительно, подвозил. Ехал из Кузнецка, догнал ее на улице Кирова. Портфель у нее в руках видел, но ни о чем не спрашивал: Нинка, как он выразился, «лыка не вязала».

— А откуда он ее знает?

— Стоянка такси у вокзала. А она там постоянно вертелась — вот и шапочно познакомились.

— А теперь о Новосибирске. Ехать туда, думаю, надо капитану Марчуку.

*

Прежде чем дать санкцию на арест Ширяковой, прокурор города решил потолковать с ней сам.

За тридцать лет прокурорской работы он видел немало таких вот трагедий, но так и не отвык от жалости к потерявшим себя людям. И, жалея их, все же делал неукоснительно то, что требовал от него закон.

Выслушав ее биографию, огорченно спросил:

— Как же так, была учительница, стала убийцей?

Ширякова сквозь слезы призналась:

— Не хотела я, поверьте... Не хотела! Думала, Михаил спит, стала снимать часы, а он вдруг открыл глаза. И говорит: «У тебя, что ли, опять сердце колотится?» А когда понял, что я часы снимаю, вдруг закричал: «Ах ты, тварь продажная!» Я и стукнула его бутылкой. Он упал. Я часы забрала. Еще кольцо, тяжелое. Денег рублей восемь. Сунула в его портфель и пошла... После, уже далеко за мостом, меня догнал таксист, он подвез...

— И куда же все это дели? Себе взяли?

— Нет. Я ради Студента старалась. Боялась его. Он, правда, когда обнимает—добрый. А в другое время хуже зверя. Однажды положил руки на шею и говорит: «Смотри, Нинка, продашь или не сделаешь, чего велю—вот этими руками задушу».

— Тюрьмы не боитесь?—прокурор внимательно посмотрел на женщину.

— Боюсь, конечно. Но что теперь сделаешь? Раньше надо было думать о жизни. Витьку вот очень жалко. Когда теперь его увижу...

*

Гринин и Рудюк полдня дотошно изучали все ориентировки о кражах, поступившие в райотдел за последние три месяца. Переписали похищенное и теперь знали, что нужно искать.

— Понимаешь, Слава,— рассуждал Гринин,—оснований для обыска у бабки Кати предостаточно. Однако ни Гладышева, ни Ширякова ее в лицо не видели. Прямые показания может дать только Киса. А его пока нет. Да и будет ли рассказывать...

— Нам лучше, чтобы не Киса изобличал бабку, а она его. Ведь должна же она объяснить, как к ней попали ворованные вещи?

Председатель уличного комитета в Точилино Иван Григорьевич внимательно изучил удостоверения неожиданных гостей и отрекомендовался сам: шахтер. Двенадцатый год на пенсии. И почти все это время—в председателях. Улица тихая, народ спокойный, все больше пенсионеры. В праздник ежели и бывает перепьют и шуметь дома начинают, — жены сразу сюда... Ну, у меня успокаиваются быстро...— Иван Григорьевич, сжав в кулак широкую, как лопата, ладонь, добродушно засмеялся.

— А интересует вас, между прочим, наверно, Молчанова... А?

— Точно! — удивился Рудюк.

— Так вы же все время в окошко поглядываете на домишко Молчановой — вот и вся догадка!

Рудюк достал пачку сигарет, закурил.

— Словом, так, Иван Григорьевич, задержали квартирных воров, а они говорят, что сбывали похищенное через Молчанову.

Иван Григорьевич понимающе кивнул:

— Теперь понятно, с каким товаром зачастила бабка на базар. А то, бывало, все лучком да огурчиками по воскресеньям торговала. А так женщина она с соседями аккуратная, на собраниях вроде попусту не говорит, пьяницам от нее достается... Я вот что думаю, ребятки: нынче у нас суббота. Завтра Молчанова обязательно пойдет на базар. Вот вы ее и перехватите да и гляньте, что она понесет. А подождать с утречка можете здесь, у меня.

*

Екатерине Васильевне Молчановой пошел с весны семидесятый год, однако бурно прожитая жизнь почти не состарила ее. Правда, последнее время пошаливала печень: сказывались прошлые попойки, до которых она была большой охотницей.

В молодости Катерина была воровкой и провела в колониях в общей сложности пятнадцать лет. Повзрослев и поумнев, решила, что на воле все-таки лучше, чем за решеткой. Потому, отбыв последний срок и приехав в Новокузнецк, познакомилась и сошлась с Колькой Мерзлым, тоже известным среди уголовников вором.

Первое время жили тихо. Муж устроился на шахту, вступил в профсоюз. На собраниях мог «резать правду-матку» любому начальству в глаза, на язык был боек, за словом в карман не лазил. Ну и бригада на него не обижалась — работал парень честно.

Катерина копалась в огороде, кормила кур и поросенка. Приторговывала на рынке яйцами, салом, овощами.

И никто: ни соседи, ни товарищи Николая по работе — знать не знали, что они ведут двойную жизнь: сбывают ворованное.

Так прошли многие годы. Однажды Николай не вернулся с шахты: его и еще двоих горняков завалило в забое.

Катерина—теперь ее на улице уже звали бабой Катей—недолго погоревала, и все началось по заведенному обычаю. Шли и шли к бабе Кате какие-то люди, что-то несли,

Обычно она говорила соседям, что это заглядывают к ней родственники и хорошие знакомые, которых у нее много разбросано по городам Кузбасса.

Кое-кто подумывал, что дело тут не все чисто, иные толковали между собой — не иначе старушка спекулирует, но разговорами и ограничивались: не пойманный — не вор. Так вот оно и шло — год за годом...

А сегодня, достав из чулана две нейлоновые кофточки, пару женских туфель и отрез японского кримплена, бабка уложила их на дно старого чемодана, прикрыла газетой, а сверху аккуратно уложила зеленый лук и ранние огурчики. Подумала: до утра в холодке постоит, а часиков в семь пойду на электричку, шахтеры в Прокопьевске с ходу возьмут.

С утра и двинулась к трамвайной остановке. Слава Рудюк догнал бабу Катю, спросил по-доброму: не тяжело с чемоданом-то? А то давайте, помогу.

Бабка огрызнулась:

— Скользи, соколик, своей дорогой!

Слава рассмеялся:

— Слушаюсь, бабуля, только Киса велел спросить о расчете. Что передать?

— Вот и передай, соколик, вернусь с базара, пусть приходит, а с тобой мне говорить не о чем.

Слава Рудюк понимающе хмыкнул: повезла, значит?

— Повезла, не повезла — не твое дело. Исчезни!

— Нет, бабуля, придется нам воротиться домой. Из уголовного розыска я,—и Рудюк показал ошеломленной бабке служебное удостоверение.

В дом Молчановой явились Гринин и понятые — Иван Григорьевич с соседкой. На их глазах Рудюк извлек из чемодана уложенные под овощи вещи. В комоде, под бельем, оказались две сберегательные книжки — на одной значилось десять тысяч рублей, на другой—чуть больше семи. В простеньком, кустарной работы платяном шкафу аккуратно висели на плечиках три новеньких мужских кос-

тюма и с десяток платьев. В чулане, в деревянном ларе лежало много мужской и женской обуви.

Гринин сверил по своим записям — почти все вещи оказались из тех, что были похищены из квартир в последние два месяца.

Иван Григорьевич все недоуменно качал головой — ну баба Катя! Ну шельма!

Баба Катя безучастно смотрела в низенькое оконце...

*

В девятнадцать часов, точно по расписанию, в аэропорту Толмачево приземлился самолет из Новокузнецка.

Через час Марчук и Габидуллин были в кабинете начальника Новосибирского угрозыска. Полковник выслушал внимательно, сказал неспешно:

— Ну что же, поможем.— Нажал кнопку селектора:— Капитана Сейлина ко мне. И поищите к телефону участкового, обслуживающего деревню Мылово.

Через минуту-другую явился совсем молодой капитан Сейлин. Полковник кивнул: знакомьтесь, Виталий Владимирович, и послушайте, с чем пожаловали гости. Поезжайте в Мылово, свяжитесь с участковым. И если преступники там — действуйте по обстановке. И будьте осторожны: преступники, судя по всему, бывалые и опытные.

Загудел зуммер селектора:

— Товарищ полковник! Мылово обслуживает младший лейтенант Гафаров, квартира у него там же, он на месте. Что ему передать?

— К нему подъедут наши товарищи, пусть ждет. Нестлучно.

*

В Мылово приехали в полночь, нашли дом участкового.

— А мы вас уже давненько ждем, давайте к столу,

ужин стынет! — пророкотал басом вышедший навстречу лейтенант.

Шипящая глазунья и кувшин молока из погреба пришлись кстати: все четверо, включая шофера, изрядно проголодались. Потом участковый сказал жене:

— Маша убери стол да иди отдыхать, а мы с товарищами займемся.

Выслушав Марчука, Гафаров пояснил:

— Знаю я эту Гладышеву. Живет одна. Зимой соседка пожаловалась: Гладышева у колодца принародно оскорбила, пьяная была. Пришлось пристыдить.. Где-то у нее взрослая дочь, снимки на стене видел. А что дочка сидела—не знал. Вы меня подождите, я сбегаю, присмотрюсь к ее дому.

Вернулся он минут через двадцать. Едва переступив порог, сказал возбужденно:

— Здесь они оба, у Гладышевой! Пошли!

— Не торопись, Саша,—остановил его Сейлин.—Расскажи-ка, что ты видел?

— Сбегал к продавщице сельмага. Спросил, что Гладышева сегодня покупала? Говорит, что обычно берет полбулки хлеба да граммов двести колбасы, а тут взяла три булки, колбасы два килограмма, сыру и еще четыре бутылки водки. Я, говорит, еще спросила: куда, мол, тетя Настя, тебе столько одной-то? Она рукой махнула и пошла.

Марчук усмехнулся:

— Ясное дело, Кисе и Студенту одной бутылки на двоих маловато! А что за дом у Гладышевой?

— Дом как дом: сени, кухня, две комнаты, в каждой по окну.

— Собака есть? Сумеем ли тихо подойти?

— Сумеем! Собак нет ни у Гладышевой, ни у соседей.

— Значит, так,—подытожил Сейлин.—Гафаров и я в форме, потому заходим в дом мы. Габидуллин и шофер блокируют окна. Вы, Марчук, остаетесь на крыльце и дейст-

вуете по обстановке. Оружие применяем лишь в крайнем случае.

В полной темноте оперативники осторожно окружили дом. Гафаров постучал в дверь. В оконце вспыхнул свет. Отдернулась занавеска, кто-то пытался посмотреть во двор.

— Кто там? — тихо спросил из-за двери женский голос.

— Свои...— как можно спокойнее ответил Гафаров.—Тетя Настя, это я...— Услыхав скрип отодвигаемого засова, отвел предохранитель пистолета.

Не обращая внимания на отпрянувшую в испуге женщину, Гафаров, прыжком преодолевая узкие сени, рванул на себя дверь и очутился на пороге кухни. Под потолком тускло светила лампочка. На табурете, возле окна—щуплый парень с нависшей на лоб челкой, лицо не то оторопевшее, не то испуганное. У другой стены—высокий, плотный мужчина, рука за спиной. Не иначе, Студент... Гафаров крикнул:

— Бросай нож, дурак!

И тут парень, сидевший у окна, вскочил, саданул табуретом в окно и под звон стекла нырнул в темноту. Второй молча прыгнул на Гафарова, но тут же покатился по полу — его подсек Сейлин. Следом на кухню ворвался Марчук, навалился на Студента, прижал к полу. Гафаров резко вывернул ему руку—об пол глухо стукнулся нож. Щелкнули наручники — Студент понял: конец...

Во дворе стоял Габидуллин и спокойно курил. Сейлин осветил его фонариком. У ног его кто-то связанный. Уже поняв, что это Киса, спросил:

— Управился?

Габидуллин пожал плечами:

— А куда ему к черту деться?

В. КОСТИН,
мл. советник юстиции

НЕ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ДЕЛО

Из-за этого нового дела, что переслал ему начальник следственного отделения майор Селиванов, Сергей Кулагин буквально взвился. У него семь дел, и он бился над ними в полнейшей запарке. К тому же неделю назад схлопотал «плюху» — суд вернул оконченное им дело на дополнительное расследование. И хотя это случилось лишь второй раз за всю его следственную практику—первая произошла в начале службы, когда он еще не успел разносить тесных и скрипучих казенных ботинок,—за нее пришлось объясняться перед своим начальством и прокурором и теперь ждать наказания. Это было не очень приятным занятием—ждать наказания, но Сергей все же заставил себя работать по всем делам, в том числе и возвращенному, словно ничего не произошло. Словно не было никаких неприятностей. Составил жесткий график и строго следовал ему, прихватывая вечерние часы, субботы и воскресенья. А куда денешься, коли приспичит, бывало такое и раньше. Но еще одно новое дело означало, что график надо ломать, втискивать в него новые следственные действия. Словно можно растянуть сутки на лишние два-три часа. Потому нового дела и раскрывать не стал — сказал с обидой Селиванову:

— Ну ты, Паша, даешь! Ты же знаешь, сколько у меня дел. А у Романцова? Всего три! Есть же разница — восемь и три?

Селиванов хмурился, молчал, потом бросил:

— Что ты себя с Романцовым равняешь? То ты, а то он!

Жалость к самому себе захлестнула Кулагина:

— Всегда так! Какая лошадь получше тянет, на ту и грузят! Будь хоть раз человеком: отдай дело Романцову, у меня же все сроки горят!

...Они за многие годы службы привыкли друг к другу, им легко работалось вместе. Начальником следственного отделения Селиванова поставили всего год назад, и Кулагин считал это справедливым, не как иные-некоторые, кого зависть грызла. И они с Селивановым остались друзьями. Тем горше была сейчас для Кулагина эта явная несправедливость...

— Лады, Кулагин. Ты в деле что кроме обложки видел?

— Ничего не видел! То ли от этого суть меняется? Может, добавится часов в сутках?

— Ты прав. Оставь дело и иди.—В голосе Селиванова была горечь.

Кулагину отчего-то стало неловко. Помолчал — тощая серая папка лежала перед ним. Спросил нерешительно:

— Считаешь, Романцов не потянет?

— Вот именно! Не его профиль. Пока разберется, что к чему, никаких следов не останется.

— Автодорожное, что ли?

Селиванов взял со стола дело, раскрыл:

— Я, брат, таких автодорожных у нас и не видел. Вчера на Горловском шоссе тяжелый грузовик вылетел на полосу встречного движения и в лепешку разбил «жигуленок». Что там от людей осталось — говорить не хочется. Муж с женой ехали... А четырехлетний сынишка их, представь, синяками отделался. В травматологии он сейчас.

Сергей протянул руку: автодорожные были по его части, тут он считался признанным специалистом:

— Ладно, дай хоть гляну, что там оказалось на месте происшествия, может, что подскажу.

Но Селиванов дела не дал.

— Ничего не оказалось. Воробьев, что по делу нужно,

ничего не нашел. Он как трупы обгорелые увидел, так до ночи в себя прийти не мог. Еще удивляюсь, как он разбитую машину сюда доставил.

— Воробьев? — Сергей удивился.

Воробьев, здоровенный новоиспеченный лейтенант с рыжеватыми усиками и светлой челкой, всего месяц назад пришел в отделение после окончания университета. Следователь он пока был никакой и будет ли он им в будущем— такое бабка надвое сказала. Парня держали «на подхвате». И он присматривался, и к нему присматривались. Сергей так и сказал:

— Что-то новое у нас! Студент осматривает место происшествия с двумя трупами!

— Да вот, понимаешь, этот негодяй-шоферюга грузовика, специально такое время выбрал, когда у нас никого кроме Воробьева в горуправлении не было. Я перед начальством краснею, Романцов на орсовскую базу укатил, ты со своим Марконей по душам беседуешь, дежурный следователь на выезде.

...Про квартирного вора со смешной фамилией Марконя Селиванов, конечно, ввернул зря. Не иначе, от досады. Вчера сам же сказал—а что, попытайся! Может, разговоришь своего Марконю. Может, его рук дело... В райотделе давно висела кража, уж больно схожая с той, на которой попался Марконя. Кулагин с ним вчера, считай, до ночи просидел, и совсем не напрасно: Марконя поначалу ершился, потом рукой махнул, а — пишите, мол, гражданин следователь, моих рук дело! Со всеми деталями и рассказал, как в дом забрался, где что лежало, чем поживился, и все это перекрылось старым протоколом осмотра и перечнем похищенного.

Если б это новое дело с утра не испортило настроения, Сергей чувствовал бы себя совсем именинником. Он, когда к Селиванову шел, думал о новых хлопотах, неизбежных, когда надо возобновлять приостановленное дело, соединять два разных дела в одно производство, но хлопоты эти были

обычные, рабочие. Даже при мысли о «плюхе» горечи на душе больше не было.

Теперь же Сергей просто не знал, как поступить. Отказаться он не мог: автодорожные дела вел только он. И чем скорее за такое дело возьмешься, тем лучше. Тут иной раз не сутки—час может быть решающим. Шоссе, сотни машин туда-сюда, все затрут, заездят... Конечно, прежде чем к Селиванову идти, надо было хоть в дело заглянуть...

Селиванов, так и не выпуская тонкой папочки, спросил:

— Кому же тогда это дело отдать, как считаешь? У кого из наших меньше шансов его загробить?

И Кулагин нашел выход:

— Давай я его сначала гляну, тогда видно будет.

Вернувшись к себе, Кулагин постоял у окна. Между рамами привычно упиралась в косяки сваренная из железных прутьев решетка. Ему было не по себе: вот, с Селивановым зря поцапался... Опять же восьмое дело... Хорошо кинознатокам: втроем ведут одно-единственное дело, ни сроков у них, ни прокурорского надзора... Вот бы себе так! Нет, Селиванова можно понять...

Сергей присел на подоконник, раскрыл папочку...

Селиванов позвонил через час, спросил сердито: что дело не несешь?

— Я, Павел Савельевич, с твоего разрешения себе его оставил. Только завтра утречком дай мне Воробьева. И пусть пока со мной поработает. Лады?

— Почему бы тебе не поехать на место сегодня?

— Сегодня Рагулину обвинение надо предъявить, срок вышел.

Рагулин, жилистый и лысый, был элементарным психопатом. Его сжигала ненависть ко всему белому свету. Больше пяти минут он спокойно разговаривать не мог, не хотел и не умел, чуть что—срывался на крик. Напиваясь до зеленых чертей, истязал жену и трех девочек. Жена, неизвестно чего ради, терпела и не жаловалась, зареванные детишки разлетались по соседям. Когда Кулагин две недели

назад по вызову впервые приехал к Рагулину, начавшему снова пьяно куролесить, и увидел забившихся в уголок испуганных девчушек, у него тогда зашлось сердце...

Рагулин в тот раз раскричался: нет такого закона, чтобы муж не смел учить собственную жену, отец—детей, а как учить—вы мне не указчики!

Словом, с Рагулиным возиться пришлось чуть не до вечера.

На обратном пути Сергей неожиданно для себя вышел из автобуса на Кузнецком проспекте; отсюда до областной больницы было рукой подать.

Ему выдали тесный, порядком застиранный халат без единой пуговицы и длинным сумрачным коридором провели в палату. В небольшой, на четыре койки, комнате за столом сидел черноглазый мальчик и рисовал корову, раскрашивая ее почему-то в зеленый цвет. Медсестра, немолодая усталая женщина с темным, посеченным морщинами лицом, коротко кивнула на мальчика и ушла. Кулагин подсел к столу.

— Ты кто, тоже больной? — спросил мальчик, поднимая глаза.—Или ты врач?

— Врач,—ответил Сергей, осматриваясь.—А где же твои соседи?

— На ужин ушли.

— А ты что же?

— Я не ходячий, мне сюда носят.

— Почему ты не ходячий?

— Мы с папой и мамой в машине опрокинулись.—Мальчик вздохнул и, повторяя, видимо, чьи-то слова, добавил:—Что вы, там целая история была.

— Нога сильно болит?

— Не очень. А мама скоро за мной придет?

Кулагин не ожидал такого вопроса и растерялся, не зная, что ответить. Какими же мелкими показались ему все его недавние невзгоды по сравнению с тем, что произошло в жизни этого пацана...

Неожиданно севшим голосом Сергей спросил:

— Почему же у тебя корова зеленая? Разве такие бывают?

— Не бывают, — согласился мальчик. — Но у меня нет рыжего карандаша.

— Как тебя зовут?

— Сережа.

— Тезки, значит. Вот и познакомились.—Только сейчас, когда настала пора прощаться, Кулагин остро пожалел, что не догадался купить хотя бы яблок.—Ну ладно, тезка, я пошел, а завтра забегу еще. Не возражаешь?

Жена ворчала привычно, потом от слова к слову стала раздражаться:

— Мог ведь позвонить, раз задерживаешься! Только о себе думаешь! Эгоист высшей марки!

В ее представлении это было самое унизительное, что можно сказать о человеке. Катерина не была ни злой, ни вредной, они совсем не плохо жили первые годы, но теперь что-то разладилось. Кулагин уже по опыту знал — лучше промолчать: она выговорится. Да и состояние у него сейчас такое: даже на жену смотреть не хочется.

Она хлопнула дверью и ушла в спальню и весь вечер пробыла там, предоставив мужу возможность поразмышлять наедине о смысле семейного благополучия. И Сергей, напряженный, оцепеневший, еще хранящий в памяти серьезный взгляд осиротевшего малыша, рисующего в больничной палате зеленую корову, проторчал до полуночи у телевизора, незряче уставясь в экран, где куда-то шли какие-то люди, о чем-то говорили и смеялись. Мысли его были заняты двумя людьми: разобиженной женой и маленьким мальчиком, спящим сейчас на больничной койке. Впрочем, Кулагин думал и еще об одном человеке — о водителе грузовика, разбившего на полном ходу легкие «Жигули». Его предстояло найти, и Сергей пока не знал, как это сделать...

Под утро Сергей проснулся от боли: жена во сне вце-

пилась обеими руками в его руку, что-то бормотала и всхлипывала. Ему стало нестерпимо жаль Катерину. Так и пролежал неподвижно, боясь ее разбудить, до шести. Когда вставал, она вздохнула: уже уходишь? Сколько сейчас? Темно еще как... Сам чай попей, пожалуйста... Будто и не ссорились вчера...

Столь раннее появление Кулагина в райотделе не удивило дежурного: значит, так надо.

Сергей прошел к себе, достал из сейфа новое дело и стал строка за строкой перечитывать протокол осмотра места происшествия. Так, с этим более или менее понятно: начало торможения, длина тормозного пути, рисунок протекторов и тому подобное Воробьев описал старательно, но внизу, после подписи понятых, рукой «студента» была сделана приписка: «С места происшествия ничего не изъято». Кулагин отложил дело и по внутреннему телефону позвонил дежурному.

— Не знаешь, Воробьев пришел или нет?

— Вроде пришел, а точно не знаю,—неуверенно ответил дежурный.

— Разыщи и направь ко мне. Только сразу. Очень нужен.

Воробьев, подтянутый, в новеньком, еще не пообносившемся мундире, зашел к Кулагину минут через пятнадцать.

— Звали, Сергей Петрович?

— Звал, звал,—ответил Кулагин,—Скажи-ка, друг Воробьев, не ты ли день назад был на Горловском шоссе?

— Я, а что?

— Расскажи подробнее, что видел.

— Так я все описал там,—осторожно сказал Воробьев, кивая на лежащее на столе уголовное дело.—Или что-нибудь не так?

— Так, все так. И все же?

— Да что рассказывать, Сергей Петрович? «Жигули»— всмятку, груда железа...—Воробьев вдруг поморщился:

видно, трупы обгоревшие вспомнил.—Грузовик, думаю, был тяжел, да и шел на приличной скорости. На кой ляд он только выскочил на встречную полосу? Может, пошел на сбгон?

— В протоколе ты записал, что с места происшествия ничего не изъято. В самом деле нечего было взять, или поленился?

— Ничего не было,—пожал плечами Воробьев.—Только из «Жигулей» стекло высыпалось. Богато было стекла, а так больше ничего. Я не стал стекляшки собирать, зачем они? И так все ясно.

Кулагин на это не нашел что сказать. Одно слово: «студент». Как это пели: «От сессии до сессии живут студенты весело...» Им лишь бы троечку за хлопоты, а с чем потом придешь на следственную работу, чего заранее печалиться? Там все само собой образуется, добрые люди пропасть не дадут...

— «Жигули» разбитые где сейчас? Во дворе?

— Нет, я их в отделовский гараж сгрузил.

Кулагин на секунду-другую задумался:

— Вот что, спустись вниз и найди двух понятых. Тут любые годятся, может, кто в паспортном сидит, очереди ждет. Пойдем машину осматривать. А я пока налажу фотоаппарат и вызову эксперта-автотехника.

В гараже было прохладно и сумрачно. Увидев разбитую, обгоревшую машину, две женщины-понятые прижались друг к другу и тихо зашептались. Искореженные «Жигули» были для них символом горя, напоминали о чьей-то смерти. Они не думали, что эта бесформенная груда железа может нести в себе какую-то нужную следователю информацию.

Кулагин, сфотографировав машину с нескольких точек, принялся внимательно, въедливо, квадрат за квадратом ощупывать ее и осматривать. Воробьев крутился рядом и, как водится, больше мешал, чем помогал: он просто не понимал, зачем и для чего все это делается. Наконец Кулагин нашел то, что искал: в месте удара среди растрескав-

шейся, отлетевшей желтой «жигулевской» краски он заметил несколько прерывистых темно-зеленых полос чужой окраски — вероятно, встречного грузовика.

Сергей удовлетворенно хмыкнул, долго прикидывал, как бы половчее сфотографировать эти полосы, затем, подозвав понятых, сделал с десяток снимков и тщательно соскреб зеленое в свой носовой платок.

Во второй половине дня лейтенант Воробьев привез Кулагина на место. Выйдя из машины, Сергей огляделся. Ровной серой лентой Горловское шоссе плавно сбегало от окраины города вниз, туда, где в зыбком сквозящем мареве виднелись небольшие березовые колки, смутно проступали тесовые крыши недалекой деревеньки. Справа, за полем дозревающей пшеницы, высился старый, заброшенный копер. Большой, жарко дышащий город обрывался здесь сразу, без частного сектора, только невдалеке от места происшествия невесть каким образом сохранился домик, крытый потемневшей от времени черепицей. Возле калитки, прислонившись к покосившемуся забору, стоял старик и смотрел в их сторону.

Кулагин раз-другой медленно прошел по обочине, всматриваясь в глубокие свежие еще борозды на откосе, в смятую внизу траву, в жирные черные потеки.

— А где же стекло?

— Тут было...—растерянно произнес Воробьев и потопал ногой по асфальту.—Вот здесь было насыпано. Черт, куда же оно делось? Кому понадобилось?

Сергей остановился, почувствовав, как вновь охватывает его глухое раздражение. Все одно к одному! Упущений по делу столько, что и до белых мух не выправить. Но я его все равно найду, этого шоферюгу. Спать и есть не буду—найду!

— И что прикажешь делать?—С нескрываемым недовольством спросил он Воробьева. Тот виновато отвел глаза

и, не ответив, спотыкаясь, побежал к домику под черной черепицей. Кулагин вытряхнул из пачки сигарету, закурил, глядя, как Воробьев, показывая рукой на шоссе, что-то говорит старику, а тот молча и согласно кивает. Потом они вместе вышли на шоссе.

Шагах в трех от Кулагина старик остановился и, лихо сдвинув каблуки разношенных яловых сапог, произнес:

— Здравия желаю, товарищ начальник!

Кулагин подал руку и с удовольствием отметил, что темная рука старика оказалась неожиданно крепкой.

— Стекляшки, выходит, ищите?—спросил старик, немигающе глядя в глаза Сергею.—Здесь их правда много было. Усыпано все. Когда машины стукнулись, я аккурат в садочке копался. Слышу как взвизгнули тормоза—и удар, будто пустую бочку с крыши кинули. Я—за калитку... Гляжу—легковушка уже в овраге валяется и пламенем взялась... Я сразу до больших домов побег, людям сказал.

Кулагин смял сигарету, отбросил.

— Спасибо, товарищ. А другую машину видели?

— Видел, а как же! Большая такая, грузовая.

— А марки какой?—Воробьеву теперь не терпелось как-то поправиться.—Это для нас очень важно.

Старик посмотрел на него и недовольно сказал:

— Известно какой, я о том и говорю: грузовая. Или не понятно?

— Понятно, отец. Еще раз спасибо.—Произнес Кулагин. — А стекляшки все-таки куда же делить?

— Смел я их, товарищ начальник. Вон в те кустики высыпал. Тут мой внучек на велосипеде гоняет. Резину опять же мог спортить, я все и смел. А что, не надо было?

— Покажите, куда вы их ссыпали. А ты, друг Воробьев, организуй, будь добр, понятых. Стекло заберем с собой.

Как и предвидел Кулагин, новое дело неумолимо ломало все его графики и расчеты. По новому делу пока пришлось крутиться самому; Воробьеву ничего серьезного поручить было нельзя. Лейтенант, переживая свои очевидные

упущения, смотрел на Сергея с преданной готовностью бежать, лететь, делать... Ждал, видно, нахлобучки, но Сергей пожалел и его, и себя.

Сразу после обеда он взялся за телефон—дозваниваться до горГАИ.

Его начальник был старшим однокашником Кулагина. Нельзя сказать, что они были близкими друзьями,—просто не забывали перезваниваться от случая к случаю, поздравлять друг друга с праздниками. Звания у них были одинаковыми, а службы—разными, и это обстоятельство играло не последнюю роль в сохранении между ними добрых отношений.

Начальник оказался на месте, снял трубку одновременно с секретаршей и, заглушая ее щебетанье, произнес густым баритоном:

— Афанасьев слушает.

— Здорово, Афанасьев. Это Кулагин мешает тебе работать.

— Ты, Сергей? Здравствуй! Что это тебя дернуло позвонить? До праздников вроде еще далеко...

— Соскучился, потому и звоню.

— Вот спасибо! Говори толком, какая у тебя нужда, а то через пять минут у меня совещание.

— Своим мотоциклистам будешь хвосты накручивать?— засмеялся Кулагин.

— Заноза ты, Сергей! Когда только повзрослеешь?

— Ладно, Афанасьев, долго не задержу. Что у тебя есть по случаю на Горловском шоссе?

— Нового ничего, а дело, выходит, ты повел?

— Я. А что?

— Да мы тут сообща на твоего Селиванова нажимали, чтобы расследование тебе поручил. Знаешь, как отбивался? Дел, говорит, у него невпроворот... Ну, раз ты взялся—все в норме. Какая нужна помощь?

— Проверить все автоколонны и предприятия. Авария произошла около семи вечера, машины, как правило, воз-

вращаются к пяти. Диспетчерская служба точно скажет, какие пришли в гаражи позже—их тщательно осмотреть.

— Ладно. Распоряжусь. А ты бумагу пришли.

— Ну и бюрократ ты, Афанасьев! Ничем тебя не исправишь. Будет тебе бумага.— Он положил трубку и велел Воробьеву подготовить запрос в ГАИ на нужную проверку грузовых автомашин по автоколоннам.

— Закончишь письмо, готовь на экспертизу стекляшки. Времени тебе на все—час.

Воробьев выложил из своей коричневой с богатым тиснением папки листочки лощеной бумаги, повертел в пальцах ручку—он просто не знал, с чего начать. Сергей, держа в руке трубку, подсказал: такого-то числа во столько-то часов на Горловском шоссе произошло... Вот и пиши, что там произошло.

Минуту он смотрел, как Воробьев, склонив голову к плечу, пишет, потом позвонил жене.

Она откликнулась сразу, и Сергей спросил как можно спокойнее:

— Катерина, у тебя когда обед?

— Обед? У меня? Что случилось, господи?

— Ничего пока не случилось. Так когда?

— Сережа, я не понимаю...

— Скажи, ты можешь уйти из своей парфюмерии на часок? Сейчас, сразу? Я к тебе подъеду...

По ее молчанию Сергей понял: плачет. Странная какая у женщин логика. Она вдруг торопливо сказала:

— Могу, Сережа, конечно, могу!

Кулагин управился минут за двадцать: купил по пути альбомчик для рисования и цветные фломастеры: карандашей в магазине не оказалось. Тут же, на базарчике, взял два килограмма огромных сочных яблок. Удивительное дело — он испытывал сейчас ту радость, то давнее волнение, с каким ездил к Катерине до женитьбы.

Ничего не спрашивая, Катерина села к нему в машину и молчала всю дорогу до больницы.

— Мы сейчас навестим одного мальчишку, Сережкой его зовут. Отец и мать у него недавно погибли, но он этого не знает, так что не проговорись.

Мальчишка его, оказывается, не забыл. Увидев входящего в палату Сергея, разулыбался, потом, взяв альбом и фломастеры, удивился:

— Какие карандаши чудные, такими еще не рисовал. А тут рыжий есть? Это мне мамка прислала?

Кулагин, не отвечая, обернулся—Катерина, подхваченная волной жалости, во все глаза смотрела на мальчишку.

— А мы тебе знаешь каких яблок принесли? Их сразу можно есть, они мытые.

Мальчишка, вытянув тонкую белую шейку, заглянул в пакет.

— Можно, я их замест обеда? Тут все каша и каша, а я картошку жареную люблю...

— Я нажарю! Мы завтра принесем! — Катерина осторожно погладила ладонью его стриженую головенку.

Прежде чем уехать, они разыскали лечащего врача. Кулагин представился и спросил:

— Ну, как мальчик?

— Сережа? Идет на поправку.—Врач мельком взглянула на Катерину.—Случай просто удивительный: ушибы мягких тканей и ссадин много. Но, к счастью, ни одного перелома. Паренек, что называется, в рубашке родился. Через недельку будем выписывать.

— Тут, понимаете, какое дело...—Кулагин замялся, он думал о своем и не хотел этого выдавать.—Мальчик, кажется, остался один на белом свете. Я уже выяснил: близких родственников у него нет. Престарелые родители матери на Псковщине едва ли смогут взять его на воспитание...

— А вы разве ему не родня?—врач снова внимательно посмотрела на Катерину.—Ну что же, тогда придется определять мальчика в детский дом.

Дома за ужином Катерина была на удивленье тихой и

сдержанной. И только, убирая посуду, спросила: можно ли ей ходить к мальчику, или одну не пустят?

Сергей сказал—отчего не пустят? Ходи на здоровье. Сама же обещала картошки принести!

Катерина помолчала, а потом, как показалось Сергею, сдерживая слезы, снова спросила:

— Ты, Сережа, объясни, зачем меня к мальчику возил?

Семь лет назад они перешагнули через несчастье: у них не стало шустрой пятилетней девчушки Оли, и с тех пор они избегали говорить о детях. Был какой-то молчаливый уговор: этого не касаться. Из-за этого Катерина тогда бросила работу в школе, пристроилась в парфюмерный магазин...

Сергей ответил серьезно—такие слова только и надо было сказать серьезно:

— Катюша, пойди к зеркалу, глянь на себя. Лицо-то какое сегодня... Ты же у меня красавица...

— Не надо, Сережа. Лучше скажи, очень это хлопотно будет, если нам мальчика забрать?

У Сергея радостно застучало сердце, но он тоже постарался сдержаться:

— Конечно, хлопотно. Заявление, комиссии, проверки. Как живем и сколько получаем. Не будет ли мальчик в чем нуждаться... И исполком не каждый день заседает.

— А тем временем он в детском доме окажется?

— Не думай ты об этом. Улажу как-нибудь,—сказал уверенно только для того, чтобы погасить ее беспокойство, хотя знал, что «уладить» будет совсем не просто. И вообще не известно, удастся ли. Но главное было в том, что мысли Катерины потекли в том именно направлении, о каком мечтал и он.

Утром позвонил Тихоненко, эксперт-автотехник.

— Как спалось, Сергей Петрович?—Голос у него был

на удивление бодрый, чтобы не сказать радостный.—Кошмары ночью не мучили?

Кулагин удивился: Тихоненко, человек серьезный, не выносивший пустословий, и вдруг так разговорился.

— Еще как мучили,—в тон ответил Сергей.—Всю ночь убегал от той треклятой машины.

— Что вы говорите!—засмеялся Тихоненко.—И какая машина вас преследовала? КрАЗ? КамАЗ? «Колхида»?

— А шут ее знает, во сне разве поймешь? Вроде, МАЗ был. Угадал?

— А вот и нет!—воскликнул довольный эксперт.—«Татру» надо искать, голубчик.

— «Татру»?

— Да, да, именно ее. Задачу вы мне задали со своим мешком стекла, прямо скажем, хитроумную. Так вот: я нашел осколки фары. Стекло, безусловно, чехословацкого производства. Даже часть маркировки есть.

— А не могло произойти так, что стекло было поставлено на отечественный автомобиль, скажем, при капитальном ремонте? Может такое быть?—высказал сомнение Кулагин.

— Может, конечно, и такие случаи в практике бывали. Но здесь, Сергей Петрович, все бьет на «Татру»: и состав шпаклевки, и краситель, и ширина колеи, и даже то, что внешняя сторона следа на асфальте отразилась более четко, нежели внутренняя. Впрочем, знаете, о чем это говорит? О том, что ось колеса смещена относительно вертикали вовнутрь. Признак характерный тоже для «Татры».

— Вот уж спасибо, Игорь Михайлович! Когда будет готово заключение?

— Приезжайте через пару деньков.

Кулагин положил трубку. Пара деньков! Он полистал календарь. Сегодня четверг. Значит, раньше того вторника ждать нечего. Впрочем, что ни делается, все к лучшему: до вторника он займется Марконей и Рагулиным, допросит и свидетелей по возвращенному делу. А Воробьев пусть по-

ка с гаишниками поищет «Татру»—остальные грузовики теперь в счет не шли, задача упрощалась, а искать можно и не дожидаясь заключения эксперта.

Воробьев старался вовсю. Составил в ГАИ список всех «Татр» и лазил по базам весь остаток недели. К воскресенью в городе не осталось ни одной не осмотренной им «Татры».

С утра в понедельник он уже поджидал Кулагина. Воробьев явно был собой доволен. Но то, что он принес, явно загоняло дело в тупик.

Во-первых, все «Татры» были целехонькими, без единого признака столкновения. Во-вторых, все вернулись на стоянки до того, как произошло столкновение. И только в автохозяйстве абразивного завода нашлась «Татра» со свежими следами ремонта в левой передней части кабины. Однако, судя по путевому листу и диспетчерскому журналу, машина вернулась с линии в шестнадцать часов, а ремонтировалась она за сутки до столкновения.

Выходит, не наша машина, не городская, думал Кулагин, глядя на светлую челку лейтенанта. Неужели придется расширять поиск? А если расширять, то до какого предела? Области? Республики? Ах, как это скверно, как все осложняется! Сколько же времени уйдет на это! И что теперь делать с делом? Ждать истечения срока следствия и потом приостановить за неустановлением преступника? Расписаться в собственном бессилии? А еще специалист по автодорожным... Все бьет на «Татру», вспомнил он слова Тихоненко и усмехнулся. Вот тебе и бьет!

Он еще раз взялся за просмотр бумаг, принесенных Воробьевым—когда дошел до «Татры» абразивного завода, пробежал справку, перелистнул и снова к ней вернулся, опять перечитал. Ремонт за сутки до аварии на шоссе... Передняя часть кабины слева... Левое крыло сменено... Та «Татра», которую он искал, тоже ударила «жигуленка» левым крылом...

Кулагин позвонил дежурному, велел найти Воробьева—

лейтенант явился мгновенно, словно ожидал вызова. И через пять минут от его радостного, победного вида ничего не осталось. Оказалось, с водителем машины не разговаривал, с механиком по ремонту тоже, причину ремонта не выяснял, справку составил со слов Валентины Шубиной, диспетчера—хоть то хорошо, что в журнал заглянул!

— Так эта Шубина с инспектором ГАИ в большой дружбе, Сергей Петрович, уж так вокруг него порхала! С чего ей врать!—Воробьев оправдывался с жаром.—Они при мне по журналу все просмотрели, там же записано, я прямо с журнала срисовал!

— Ладно, Воробьев, давай вместе еще раз туда съездим. Чтобы уж никаких сомнений не было.

Механика гаража они нашли в дальнем боксе.

Полный, еще не старый, с крупной головой, вытирая руки тряпкой, он мельком взглянул на удостоверение Кулагина, кому-то крикнул: «Мишка, давай пока сам, я отлучусь минут на десять!»

Они вышли на воздух, закурили, и механик, ладонью загораживая глаза от солнца, с сомнением переспросил:

— Значит, четвертого августа?

— Четвертого,—кивнул Сергей.—Часов в семь вечера.

— На той «Татре» работает Гусев. Сейчас на выезде. Парень работящий, ничего плохого о нем сказать не могу. Слышал я, что тут вчера приходили из ГАИ, с диспетчером говорили. Я и сам в журнал заглядывал: машина с линии пришла без задержки. Чем же можно вам помочь?

— А чего ради ее ремонтировали?—поинтересовался Кулагин.

— Я, знаете, тогда в отгуле был. Знаю, там левое крыло меняли, но как—не видел. Гусев себя клял—ворота, мол, при въезде задел. Но со столбом он поцеловался не четвертого, а днем раньше.

— Тогда, выходит, четвертого Гусев на линию не дол-

жен был выезжать?—прикинул Кулагин и многозначительно глянул на Воробьева. Тот стоял совсем сумрачный: тоже понимал—дело что-то не чистое.

— Не должен,—согласился механик.—Но выехал. Он сразу же крыло поменял. Успел.

— А бампер?

— Что—бампер?

— Я говорю—бампер тоже успел заменить?

— Нет, его только выправили. И подкрасили, конечно.

— Видать, здорово ваш Гусев о столб рубанулся. Кабина ведь тоже пострадала?

Механик промолчал, только смотрел на Кулагина встревоженно.

— Ну ладно, а где теперь разбитое крыло?

Механик на минуту задумался.

— А черт его знает,—сказал он наконец.—Может, в лом выбросили, может, еще куда.

— У вас что же, можно запросто ставить на машину новые детали, не сдав старых?

— Да по-разному бывает. Когда сдают, а когда и нет. А вам сильно то крыло нужно?

— Сильно—не то слово.

— Если нужно—значит, найдем. Погодите трошки, я сейчас.

Оставив Кулагина и Воробьева, механик ушел и вскоре вернулся, ведя за собой долговязого, в распахнутой на груди рубашке парня.

— Вот это автослесарь,—кивая на парня, сказал механик.—Помогал Гусеву крыло менять. Говорит, сам выбросил его в лом. Точно выбросил или брешешь?—обернулся он к парню.

— На кой оно мне, Иваныч,—обиделся парень.

Кулагин, рассматривая широкое, в конопушках лицо парня, кивнул:

— Вот и пошли, покажешь.

Пока пробирались на площадку, где годами копился лом, Кулагин спросил у парня:

— Когда вы с Гусевым ремонт делали: третьего или четвертого?

— Третьего,—помедлив, ответил парень.—А может, четвертого.—Он повернулся к механику:—Слышь, Иваныч, ты когда с отгула пришел — пятого? Ну вот, значит, крыло мы меняли вечером четвертого. Точно—четвертого. Гусев приехал в гараж, кабы не соврать, часов в девять, светло еще было. Я в тот день задержался на работе... Ну, личная надобность была. Смотрю: едет, и крыло разбито, а меня увидел, прямо обрадовался. Говорит: «Давай, Саня, помогай, пузырек с меня будет!» Я сперва на завтра отложить хотел, так он пристал: сейчас надо, завтра с утра в рейс. Спрашиваю—чего, мол, приключилось? Он смеется: со столбом, говорит, разминуться не мог. И вроде трезвый был. Как его угораздило, ума не приложу.

— Постой, что ты мелешь?—механик остановил парня.—Гусев же сам мне говорил: на столб наехал третьего.

— Слушай ты этого Гусева больше!—огрызнулся автослесарь.—Он тебе и не такое зальет!

— Погоди, погоди!—не на шутку разволновался механик.—А как же тогда диспетчер? Она же отметила, что Гусев приехал четвертого сразу после обеда.

— Кто это, Валька Шубина, что ли?—усмехнулся парень.—Да Гусев ей только мигнет глазом—она вся выложится. Ты, Иваныч, прямо как с луны свалился! В гараже все об этом знают.

— Ну, Санька, смотри у меня!—погрозил пальцем механик.— Если что наврал про Гусева — самолично уши отверну.—Он заметно расстроился, догадываясь, что Гусев его обманул и что тот натворил что-то серьезное, коли им интересуется милиция.

Санька полез на груду ржавеющего металла и вскоре вытащил искореженное, крашенное темно-зеленой краской левое крыло «Татры».

— Вот оно! Я же говорил: самолично менял, самолично выбросил.

Кулагин внимательно осмотрел крыло. Там, куда пришелся удар, краску снесло до блеска железа. Воробьев протянул руку—давайте, Сергей Петрович, в машину снесу.

— На, держи. А вам, товарищи, превеликое спасибо!— поблагодарил он механика и слесаря.

Гусев, тщедушный, остроносенький, с увертливыми широко расставленными глазками мужичок, запирался не долго. Косясь одним глазом на заключения экспертов, предъявленные ему Кулагиным, он тусклым, безжизненным голосом говорил:

— Так я что, рази виноват, что этот «жигуль» откуда-то вывернулся? Дело было так: иду за молоковозкой, скорость держу небольшую, километров на пятьдесят, не больше. Глянул вперед—чисто. Включил левый поворот и пошел на обгон. Только вывернул, а навстречу «жигуль». Откуда он взялся—не пойму.

Кулагин, не поднимая головы, молча дописывал протокол допроса. Так, думал он, насчет пятидесяти километров Гусев, безусловно, врет. Тихоненко по тормозному следу подсчитал, что перед столкновением скорость «Татры» была не меньше восьмидесяти, это определенно... И что не видел встречные «Жигули», тоже врет, дорога там прямая, обзор хороший. Скорее всего, понадеялся, что успеет проскочить. Каких дел натворил, лихач чертов! И скрылся! Сбежал! Даже не глянул—может, люди пострадали? Может, помощь требуется?

Гусев долго читал протокол. Брал ручку, целился подписать, но, помедлив, откладывал. Наконец коряво расписался и поднял глаза на Сергея.

— Я свободен, товарищ следователь?

Кулагин аккуратно сложил бумаги в папку.

— Нет, Гусев, не свободен—отныне не свободен. Сейчас

буду просить у прокурора санкцию на арест. Нельзя вам оставаться на свободе, никак нельзя.

Катерина плакала. Сидела за столом в темной кухне и плакала, Сергей включил свет, прошел к плите, потрогал чайник—холодный. Снял крышку со сковороды—пусто. Сел за стол.

— Была сегодня у мальчика?

— Была, конечно. — Встала, ушла в ванную. Пустила воду. Минуту спустя вернулась.—Извини меня, сейчас ужинать будем.

— Снова картошку жарила?

— Жарила... Уплетает за обе щеки, улыбается: мамка моя, говорит, тоже так вкусно готовит... А докторша одно твердит: в пятницу отправим Сережу в детдом! Я ей объясняю: мы его к себе заберем! Она свое: нет у меня права ребенка вам отдать. Что, у нее сердца нет, что ли?

Сергей вздохнул:

— Сердце у нее есть, а вот против закона она не может пойти.

— Какого закона? От закона ребенку зла не может, не должно быть, а детдом—разве это радость?

Сергей молчал: он-то знал, что усыновление—процедура не одного дня, а Сережу в больнице держать не станут. Придется пока это время ездить к нему в детдом...

На кухне вкусно запахло чуть поджаренным омлетом. Катерина налила терпкого, душистого чая, села напротив Сергея.

— Ну ладно, а заявление на мальчика кто должен писать—я или ты?

Ю. ПЫЛЬ,
майор милиции

ДОЛГАЯ НОЧЬ

Динамик в комнате дежурного наконец-то ожил. Диктор объявил: московское время семнадцать часов. Николай облегченно вздохнул: в Москве семнадцать. Плюс разница. Итого девять. Дежурству конец.

Уже сменившись и сдав оружие, Николай заглянул в Ленинскую комнату. Просто так, дверь была распахнута. А домой все равно не к спеху: у жены, Вали, сегодня допоздна занятия, после десяти вечера приедет, не раньше.

В ленкомнате Саша Табачников, помощник дежурного, играл сам с собой в шахматы.

— Скучаешь, Сашок?

— Что-то тихо сегодня...—проворчал Саша.—Не к добру, уж ты поверь.

— Как в природе: затишье перед бурей.—Философски изрек Николай.—Ну что, сгоняем блиц?

— Садись! И заранее сдавайся, несмышленыш.

— Тоже мне, маэстро из Нью-Васюков!

Они всегда дружелюбно подначивали друг друга, а шахматное счастье любило их одинаково и улыбалось им попеременно.

В комнату вошел капитан Горелин:

— Отставить шахматы! Табачников, на выезд!—И, после короткой паузы, Николаю:—И вы тоже, Щапов.

Николай хотел было напомнить, что рабочий день у не-

го закончился, дежурство сдано. Однако промолчал. Тем более, что с Горелиным не поспоришь.

В старом «газике» устроились пятеро: шофер, Горелин, Табачников, Щапов и оперуполномоченный угрозыска Бадайкин.

— До ночи-то хоть вернемся? — спросил ворчливо шофер Доронин.

— Чего не знаю, того не знаю, — хмуро ответил Горелин.—Гони в Кийзак.

Там в пристанционном поселке час назад некий Кутепов выстрелом из ружья тяжело ранил свою жену, ее увезли в городскую больницу, останется ли жива—пока не ясно. Сам же Кутепов закрылся в доме с какой-то женщиной, пьянствуют, никого не подпускает, грозит всех перестрелять.

— Что-то часто семейные дебоширы стали за ружья хвататься,—задумчиво сказал Алексей Бадайкин.

Горелин, сидевший на переднем сиденье, обернулся:

— Так мы, видно, не дорабатываем! В смысле предупреждения. Знать надо, у кого оружие имеется, что за люди. А мы всего лишь машем кулаками после драки. Плохо!

— Специфика у нас такая. Охотников по улусам больно много, — опять философски произнес Николай.

— Специфика в основном та, что пьют!—отрезал Бадайкин.—А напьются—им и море по колено!

...Дом-пятистенник, в котором засел Кутепов, стоял в глубине двора, с трех сторон его окружал огород, а дальше тянулось болото, и за ним виднелась еще одна усадьба. А дальше стеной взбегала на увал черно-зеленая тайга.

К дому Кутепова скрытно ни откуда не подойти. Из окон Кутепову все они как на ладони, а из какого окна он может грохнуть—неизвестно.

От группы женщин к машине подошла старуха-шорка, сказала:

— Ага, начальник, Мишка от браги совсем дурной стал, свою жену стрелил...

Бадайкин кивнул:

— Ну, это мы, мамаша, знаем. Он где работает, Кутепов?

— Совсем нигде. Охотник, по тайге ходит...

Николай знал, что такое шорец-охотник: одной дробиной белке в глаз, чтобы шкурку не попортить... Поинтересовался, кто там с ним, в избе? Что за женщина?

Старуха откликнулась с готовностью:

— А дочка моя, учительница. Ходила Мишку с женой мирить. Он дочку теперь не отпускает. Вы скажите, пусть отпустит!

Горелин успокоил:

— Скажем, мать, обязательно скажем. А вы что же толпой под окнами стоите? А ну шарахнет из ружья?

Шорка покачала головой: не шарахнет. Предупредил: за калитку к нему не заходить, через ограду не лезть, застрелит. А по улице ходить можно, не тронет.

Горелин встал на подножку «газика», закричал:

— Эй, Кутепов! Слышите меня? Кутепов! Выбрось ружье через окно, выходи добровольно! После хуже будет!

Дом молчал.

Горелин чертыхнулся, ступил на землю, сказал Бадайкину:

— Вы все-таки людей с улицы удалите, он же пьяный, Кутепов, черт знает, что ему может померещиться. Возьмет и шарахнет.

Шорцы расходиться не хотели, удивлялись: зачем уходить? Зачем Мишке в нас стрелять? На улице никого не тронет, точно. И вы к нему не лезьте, он завтра трезвый сам выйдет...

И разошлись, когда стало уже темнеть. Ушла и старая шорка, мать учительницы, кормить внуков.

Николай стоял у калитки, смотрел на мрачный, молчаливый дом, на полосу огорода, усаженную большими, еле различимыми в вечернем сумраке кочанами капусты. Если махнуть напрямик, в три прыжка будешь у окна... Он выстрелит... Почему-то подумалось, что умирать совсем не

страшно: это ведь всего миг. Думать о смерти страшно, а потом, когда уже умер — какой тогда страх? Тогда уже ничего нет... Почему бы не рискнуть? Он даже не почувствовал обычного в таких случаях волнения: вот сколько раз прыгал с парашютом в армии—всегда волновался... А тут — никакого волнения... Только Горелин не разрешит...

Горелин, конечно, не позволил. Он все ходил от забора к машине, от машины к сложенным обочь дороги бревнам, поглядывал то на дом, то на милиционеров... Наконец решился:

— Щапов, вы вместе с Табачниковым остаетесь здесь до утра. Ты—старший. А Кутепов пусть сидит. Ваше дело не подпускать к дому людей, чтобы не подстрелил кого. Понятно? И за домом приглядывайте, может ночью и в тайгу уйти.

Ну вот, на пост поставил, на всю ночь...— Николай был разочарован.—Когда что серьезное—тут как тут работники уголовного розыска. А семейных дебоширов сторожить—участковые да милиционеры! Кутепов—вот он, рядом, руку только протяни! А тебе мыкаться тут до утра... Теперь уж Валентина давно пришла, его дожидается...

Но все эти мысли Николай оставил при себе: ничего не попишешь — приказы надо выполнять.

Уезжая с Бадайкиным, Горелин отдал Николаю свой пистолет—тот перед выездом не успел получить свой. Время вдруг поползло черепашьим шагом. Правда, сначала это было не так заметно, потому что на улице еще толкались люди.

В густых уже сумерках подошла небольшого роста женщина, одетая в железнодорожный бушлат. Ее слегка покачивало, язык заплетался:

— Товарищи! Не... волнуйтесь! Тетя Шура сейчас все сделает. Сей же час! Да я его... — Она взмахнула руками и от этого чуть не упала.—Я его щ-щас... поленом! И... все!

Избавиться от нее стоило большого труда, так уж ей хотелось покрасоваться. Время от времени она даже рва-

лась к дому Кутепова, но высокий, ловкий, еще по-армейски тренированный Николай успевал ее остановить — куда тебя несет, дуреха? Иди домой! Она наконец согласилась:

— Вот завтрева утречком явлюсь! Я этому фулюгану вложу по первое число! Будет знать тетю Шуру!—и пошла по проулку.

Потом явился полупьяный парень, плечистый и мордатый. Он стал кричать, что все вокруг трусы, что он, когда служил в армии, и не таких брал.

Паренек из местных, Паша Чиспияков, с иронией спросил:

— Кого же ты «брал» в армии, Сенька?

— Как кого?—вскричал Сенька.—А в патрули сколько ходил? Короче, вот что, командир!—обратился он к Николаю, неизвестно как угадав в нем старшего.—Сейчас я иду и вяжу Мишку Кутепова тепленьким.

— А это видел? — показал кулак Саша Табачников.— Дуй домой, и чтобы до утра тебя видно не было.

Сенька ничего не ответил, только криво усмехнулся, махнул рукой и побрел по проулку.

Паша Чиспияков сходил за хлебом и свежими помидорами, принес старый тулуп. Кончался август, ночи стали холодными, в кителечках к утру стало бы не сладко. Николай и Саша устроились на бревнах против кутеповской калитки. Накинули на себя просторный тулуп.

Паша, присев рядышком, поинтересовался:

— Вы, наверное, недавно из армии? А я еще не служил... Как считаете, стоит мне идти в милицию? Возьмут в уголовный розыск?

Николай потянулся за вторым помидором, терпеливо, чтобы не обидеть, объяснил:—Знаешь, Паша, в угрозыске работать—особые статьи надо иметь в характере. Храбрость, например. А ты еще и армию не отслужил, что сам о себе знаешь? Да, скажем, совсем простое задание—вот так просидеть с нами, всю ночь...

— Разве это трудно? — Паша искренне удивился.

— Пока не трудно, не известно только, что может произойти через минуту. Какой он фортель выкинет, этот Кутепов?

Словно в подтверждение этого со стороны дома раздались глухие удары. Саша сбросил тулуп, вскочил, за ним Николай, кинулись к калитке—тут никого не было, побежали вдоль забора в проулок. Их догнал Паша, бросил на бегу:

— Так и знал!

— Чего знал?—Николай остановился.

— Знал, что этот дурак Сенька что-нибудь натворит! Он еще давеча говорил, мол, попробует выманить Мишку из дому. Вот он сейчас камни на крышу и бросает.

Паша не ошибся.

Сенька стоял в проулке вместе с какой-то девушкой и мальчуганом лет семи-восьми. Брал из рук мальчишки камни и бросал в темноту, в крышу кутеповского дома — камни скатывались по шиферу с громким стуком.

Николай подступил к Сеньке, спросил грозно:

— Вы что здесь делаете?

Сенька, распаленный собственной храбростью, огрызнулся:

— А чего же, понимаешь, ждать, пока вы расшевелитесь? Надо брать Мишку, покеда еще кого не подстрелил!

Сашка крутанул Сеньку за руку:

— Слушай, ты!.. Сам под пулю лезешь и других тянешь?

Приказал непререкаемо:

— Марш по домам! Если я тебя, Сенька, сегодня еще раз увижу, пеняй на себя! Пятнадцать суток обеспечу.

Угроза как будто подействовала. Парень повернулся, незлобливо чертыхаясь, исчез во тьме вместе с мальчиком и молчаливой девушкой.

Николай и Саша вернулись к своему посту. Никаких признаков жизни в доме не было, что делал там Кутепов, было непонятно.

— Может, уже ушел болотом? — предположил Саша.

— Может, и ушел,—мрачно ответил Николай. Потом обратился к Паше—паренек так и крутился около них:— Что он вообще-то за человек, Кутепов?

Паша ответил сразу, словно ждал вопроса:

— Знаете, я сам удивляюсь. Такой всегда спокойный мужик, и не сказать, чтобы пьяница, И чего он развоевался? Еще учительницу не отпускает...

— Интересно, спиртное у него еще есть?

— Если медовухи нет, то откуда? В поселке сейчас ничего не купишь.

— Вот я и спрашиваю, нет ли у него чего домашнего?

— Не знаю.

— А какое ружье?

— Шестнадцатый. Одностволка.

Они опять уселись на бревна. Саша достал «Север», закурил.

— И откуда все берется?—заговорил опять Паша.— Ведь не скажешь, чтобы дядя Миша был сильно злой. Просто удивительно. Как смерть человека: вчера ходил, разговаривал. И вдруг... раз—и мертвый. Так и это. Вчера сосед мой был, а завтра—заключенный...

— Ну и при чем тут «злой», «не злой»? Вон в Ольжерасе вчера пьяный шофер сбил девочку, прямо насмерть. Он что, злой был, когда утром шел в гараж? Или злым стал, когда стакан браги выпил в обед? Сам он, может, и не злой, только людям от него зло... Так и Кутепов, сосед твой... Учительницу силком держит. Жена не известно, выживет ли... Вот тебе и злой, не злой...

Николай посветил фонариком на часы—шел третий час ночи. Сказал Паше:

— Все, парень, ступай домой. А за тулуп спасибо, утром заберешь.

Привалившись к теплой, мягкой овчине, Николай глядел на далекие яркие звезды, слушал сонное сопение Табачникова. Валя, не дождавшись его, видимо, позвонила

дежурному, тот, как положено, успокоил—ничего, мол, серьезного, утром освободится с дежурства, придет... Вот тоже случай: в первый месяц, как пришел из армии, познакомились в кино, их места оказались рядом, и все... На всю жизнь... Потом вспомнилось, как зимой ловили насильника. Вот это была засада! Мороз за тридцать, а они в снегу у железнодорожного полотна лежат. По насыпи неспешно в перевалку ходил для приманки в женском пальто и платке Илья Бацура, грузный, широкий, как торговка с рынка. На втором часу лежания стало совсем морозно, зубы сами собой выстукивали дробь, самое скверное было в том, что нельзя даже встать, побегать, чтобы согреться. Боялись спугнуть преступника, какого-то типа с отклонениями в психике, который уже дважды пытался перехватывать работниц завода железобетонных конструкций, возвращавшихся с вечерней смены. Женщинам удалось убежать, но слухи о насильнике распространились, и женщины стали бояться ходить на работу в ночные смены.

Три ночи, с часа до пяти утра, работники милиции мерзли в снегу, ожидая встречи с негодяем. На четвертый день Николай дрожал от одной мысли, что ему опять придется лежать в этом проклятом сугробе. Но в тот раз ждать пришлось недолго.

Сосед Николая тихонько свистнул: сигнал внимания. Слева по шпалам навстречу Илье Бацуре шел мужчина. Идти было неудобно, и со стороны казалось, будто он подпрыгивает. Вот они сблизились, Бацура бросился навстречу.

Вскочил и Николай. Рядом из снега, словно куропатки, спугнутые охотником, взметнулись две фигуры. И все было кончено. Илья сидел верхом на лежащем парне и светил ему фонариком в лицо.

— Ну, Илья, ты даешь! Чего мы здесь сидели, мерзли! Ты и один бы управился!

— А кто его знал, что он такой хлипкий?—добродушно рассмеялся Бацура.

Глаза парня были закрыты, из губы сочилась кровь. Он действительно оказался с психическими отклонениями и после экспертизы был определен на лечение в больницу.

От воспоминаний Николая отвлек какой-то шум. Он толкнул Сашу в бок—тот разом проснулся. Из проулка, справа от дома Кутепова, тяжело дыша, выбежал человек, торопливо зашептал: «Он там! Он уходит!»

— Кто он? Куда уходит? — Николай отбросил овчину, вскочил.

— Мишка! В тайгу уходит! — Это, конечно, был неугомонный Сенька. Вот беспокойная душа! Четвертый час ночи доходит, а он все шарашится. Николай не знал, то ли радоваться такому добровольному помощнику, то ли гнать его прочь. Сказал в сердцах:

— Мы-то хоть на службе, а тебе чего не спится?

Сенька задохнулся от обиды:

— Как чего? Я в армии служил! Дядю Мишу в тайгу пускать нельзя! Жену свою стрелял—отвечать должен? Или нет? Пошли быстрее, не то правда уйдет.

Николай подумал: приказа задерживать Кутепова не было, не упускать же его! Сказал Сашке: оставайся здесь, смотри за домом. Мы пошли.

Сенька и Николай в темноте обогнули дом Кутепова и выскочили на болото. В ботинках Николая зачавкала вода.

Сенька остановился:

— Вы правее держитесь, там у косогора дорожка, а я в сапогах, рвану по болоту и на вас его загоню.

— Как же ты его загонишь?

— Видал? Я ему самбу покажу!—Николай понял, что Сенька поднял кулак.

— У него на твое самбо—ружье!

— Да он и поднять не успеет, как я его—бац!

— Болтун ты, парень!

— Болтун или нет, дело покажет, а вы все равно по болоту в своих туфельках не проберетесь.

Тут Сенька был прав. К тому же, парень он здоровый и, видать, не из робких. Николай явно уговаривал сам себя. Вздохнул:

— Ладно, топай, да будь осторожен!

Сам свернул вправо и скоро выбрался из болота. Огляделся—у дальней усадьбы, на опушке, горел фонарь, и Николай, осторожно ступая по тропе, пошел туда. Удивительную предрассветную тишину нарушал лишь далекий лай собаки в поселке.

Дикий крик, раздавшийся со стороны болота, просто парализовал Николая. Он никогда не слышал, чтобы так кричал человек. Николай застыл на месте, сжимая в руке пистолет. Полыхнула мысль: «Неужто с Сенькой что?» Николай сколько ни напрягал зрение, ничего не видел. А над болотом снова повисла тишина.

— Сенька!—не выдержав закричал Николай.—Где ты, Сенька?

— А-а-а!—отозвался плачущий голос с болота.

— Лезь сюда!—Николай вдруг обрадовался: жив, чертушка!—Лезь же, я тут!

Зачавкала грязь, затрещали кусты, казалось, сквозь чащу продирается медведь. Из болота появился Сенька. Николай зажег фонарик:

— Живой, Сенек?

— Ага, живой-живой...—Он говорил почему-то шепотом, оглядываясь на болото и прижимая левую руку к глазу.—Там он, Мишка. Иду я, а он стоит... Как врежет мне кулачищем.

— А где он сейчас?—Николай не знал, то ли плакать, то ли смеяться.

— Не знаю. Куда-то смылся, однако...

Николай внимательно осмотрел Сенькино лицо. Ну точно — балбес! Это он на сук в потемках напоролся, как еще глаз себе не вышиб! Да и сам хорош: нашел, кому верить.

— Ладно, не переживай: глаз целый. Спасибо тебе, а теперь шагай домой!

—

У дома Кутепова по-прежнему все было тихо. Но вскоре показалось, что в доме тихонько скрипнула дверь. Сашка замер, прошептал:

— Ты видишь что-нибудь?

Они до рези в глазах вглядывались в темноту, но ничего не заметили.

Еще с полчаса было тихо, потом слышно хлопнула дверь в соседнем доме.

— Хозяйка корову доить пошла,—сказал Сашка.—Вон, над горой видишь, небо посветлело...

— Не рано ли еще?

— Это нам с тобой рано, а у них тут хозяйство.

Было уже видно, когда женщина с ведром молока возвращалась от стайки к дому. Николай не удержался:

— Доброе утро, хозяюшка.

— Вы все еще здесь? Оголодали, поди,—засмеялась женщина.—И чего вам не спится?

— А вам?—спросил Николай.

— У меня работа.

— И у нас работа,—с вызовом ответил Саша.

— Да какая же это работа—по ночам шлындать? А жены, поди, сидят дома, ждут...—Женщина прошла в дом, а потом вернулась, неся в обеих руках по большой эмалированной кружке с парным молоком.

— Попейте, страдальцы. А то до солнца не дотянете!— и женщина лукаво улыбнулась. А насчет работы—простите. Это мне просто жен ваших жалко. Да и чо его сторожить, Мишку-то. Подурил, выспится и будет как муха, знаем мы его...

— Ну, ну, мог бы уже и давно проспаться, а он что-то все молчит...

Роса мелкой сыпью покрыла траву, бревна, осела на тулупе. От болота тянул холодный низовик.

В начале седьмого, когда окончательно рассвело, Николай пошел искать мать учительницы, которую Мишка, видимо, и не думал отпускать. Черт неугомонный! Все еще не накуражился.

Старуха сидела на лавке у окна старого рубленого барака, у ног ее играли два маленьких пацана.

Выслушав Николая, старуха что-то наказала мальцам по-шорски и встала: пойдем!

Подошли к дому Кутепова. Старуха решительно открыла калитку и смело шагнула к крыльцу. Закричала по-русски:

— Миша-а! Пусть Полина деньги бросит из окна! Парнишкам молоко и хлеб купить, а деньги у нее. Пусть бросит, а я подберу.—Старуха сделала еще шаг.

И тут вдруг неправдоподобно громко грохнуло Мишкино ружье. Старуха с испуга присела, прикрыла голову руками.

Николай от калитки прыгнул к ней, подхватил под мышки, отбросил назад, к ограде.

Сашка, выхватив пистолет, кинулся к ограде:

— Пригнись, пригнись, Николай!

Тот обернул злое лицо:

— Не стреляй, Саша! Не стреляй! Тут он нас не тронет.—Обнял потрясенную женщину:—Извини нас, мамаша. Видишь, какой стервец! Иди, иди к внукам, мы уж сами...

Николай понимал, что зря затеял всю эту историю. Вот тебе и не злой дядя Миша! Убил бы старуху—с него, видно, станется! И чего лютует?

На выстрел сбежались люди—узнав, что ничего страшного не случилось, покачали головами, подивились мишкиному упрямству и разошлись. А вскоре подошла милицейская машина. Приехали Горелин, Бадайкин и Эдуард Михин, еще один оперуполномоченный угрозыска. Николай доложил, что Кутепов продолжает отсиживаться.

— Значит, не сбежал? — Горелин искоса глянул на тулуп, распластавшийся на бревнах.

— Сидит себе, товарищ капитан.—Докладывать, как прошла ночь, не хотелось.

— И не высовывался?—удивился Горелин.

— Да нет, недавно стрелял. В мать учительницы...

— А ты куда смотрел?—нахмурился Горелин.

Николай смутился, потом решительно сказал:

— Брать его надо, товарищ капитан, что тянуть. И пробраться к дому ничего не стоит. Вон с той стороны, с болота, пока Кутепов калитку караулит. Вы тут отвлеките его, а я обойду дом с болота. Я там ночью был...

Горелин с минуту подумал:

— А что — это мысль. Давай попробуем.

С задней стороны дома Кутепова тянулись сени без окон, если не считать небольшого отверстия под верхом сеней. Самым простым и безопасным для Николая оказалось взобраться на пологую крышу сеней и с нее спрыгнуть сразу на крыльцо дома.

Не прошло десятка минут, как вся опергруппа очутилась во дворе. Кутепов, конечно, догадывался о маневрах милиционеров, но толстую дверь дробью не прошибешь, оставалось одно: бить через окна.

Он затаился, не отвечая на окрики. Почему-то молчала и учительница.

Вдоль стен работники милиции подобрались под самые окна. Николаю и Эдику Михину достались те два окна, что смотрели на болото. Горелин громыхнул в дверь:

— Кутепов, выходите! Дом окружен! Выходите, Кутепов!

Раздался выстрел, и в одном из окон разлетелись стекла.

Снова наступила тишина. Поднималось солнце, в округе запахло полынью. По траве прыгали кузнечики. Один из них уселся на завалинке прямо против Николая и, словно прислушиваясь, шевелил усами.

— Эдик...—тихо позвал Михина Николай.—Если он

бросится в наши окна, кидаемся на него вместе, чтобы не сообразил что к чему.

— А если он из ружья в упор врежет?

— Не должен...—неуверенно ответил Николай.—Что он, совсем дурак?

— А кто же? Дурак и есть. Да еще пьяный...

И тут Горелин вдруг приказал в дом пока не лезть и вообще без него ничего не предпринимать. Через минуту хлопнул дверкой машины и уехал.

Согнувшись, Николай пробрался под окнами к Бадайкину—тот остался за старшего,—спросил с досадой:

— Чего это он?

— Не знаю.—Бадайкин был зол.—Сказал только, что не намерен подставлять нас под пули. Поехал, наверное, за шефом.

— Что же будем делать?

— У тебя есть предложения?

— Есть. Давай разом устроим шум по всем окнам. Будто в дом решили ворваться. Возьмем камни—и по стеклам... Да еще пальнем вверх для страха. Ей-ей, не выдержит Кутепов. Он же тоже ночь не спал — не железный, поди...

Бадайкин молчал.

— Что скажешь?

— А что говорить? Думаю...

Николай знал эту черту в характере Бадайкина. Тот никогда не перебивал собеседника, не вклинивался в рассказ со своим «да-да» или «ну-ну», потому нельзя было понять, соглашается ли он с говорящим или вообще его не слышит.

Наконец Бадайкин вздохнул:

— Чего прятаться будем? Горелина ждать—полдня пройдет.

— Ну, решили. Я сейчас остальных предупрежу...

Минуту спустя Бадайкин крикнул:

— Кутепов, берегись!—и выстрелил в воздух.

По окнам хлестанули камни. Зазвенели и посыпались стекла. В доме грохнуло, словно упало что-то тяжелое — дверь распахнулась, на крыльцо выскочил Мишка Кутепов — растрепанный, плачущий, ружья в его руках не было.

— Не надо убивать! Сдаюсь я!

Бадайкин прыгнул на крыльцо:

— Что же ты, дурень, упирался? Сразу бы так!

Пока Бадайкин застегивал наручники на запястьях Кутепова, Николай бросился в дом: что с учительницей? Почему она-то молчит? Не выходит?

В углу комнаты, на самотканом половике лицом вверх лежала молодая женщина с черными косами. Глаза ее были широко открыты. С ходу Николай подумал: «Пьяна, что ли?» Но тут же понял: убита... Что же ты, подлец Мишка, наделал? Николай разом остановился: нет, нет, трогать ее нельзя. Тут дело следователей.

В сенях, рядом с дверью, валялось Мишкино ружье, — на столе в кухоньке разбросаны патроны. В углу блестела темным стеклом бутыль с брагой...

Кутепов сидел на корточках у крыльца и, держа в стянутых наручниками руках сигарету, жадно затягивался. Глаза его были устремлены в одну точку.

Николай проследил его взгляд. В собачьей конуре возились два толстых черных щенка. Собаки не было видно. Он удивился, что щенки не визжали, не просили есть. Видимо, Кутепов ночью все же выходил, накормил их. Не тогда ли и скрипнула дверь?

Бадайкин сидел рядом на ступенях крыльца и что-то писал в блокноте. Саша Табачников вынес из дома бутыль, стал выливать в огороде брагу. Мужики от забора кричали:

— Чо делаешь, чо делаешь-то? Ай, добро пропадат!

У стены дома одиноко гудел шмель.

Николай подошел к Кутепову, окликнул:—Эй, Кутепов!

Тот медленно поднял погасшие глаза.

— Учительницу ты убил?

Кутепов молча кивнул.

— За что?

— Сам не знаю. Пьяный был.

И тут прибежала мать учительницы—почуяло ее сердце неладное, а как взглянула на милиционеров, поняла—нет в живых дочери. Рванулась к Кутепову, кричала, мешая русские и шорские слова:

— Ты что наделал? Что наделал, дурья голова? Тебе жить нельзя! Дай я плюну тебе в глаза!

Николай обеими руками держал старую женщину:

— Нельзя так! Нельзя! Арестован он, под суд пойдет!

— Что мне ваш суд!—кричала убитая горем мать.—Может, он велит Полине стать живой? Может, мамку ребятам вернет?

Кутепов безучастно мусолил сигарету, не сводил неживых глаз с возившихся у собачьей конуры щенков.

Успокаивая женщину, Николай спросил:

— Отец-то ребят где?

— Где, где? В шахте, в ночной смене, скоро придет. Лучше увозите Мишку, а то худо будет.

— Вот он придет, его накормить надо, да и ребята ждут—иди, мать, домой, иди.

К удивлению Николая, старуха, плюнув в сторону Кутепова, тихонько пошла прочь...

Подкатил милицейский газик, скрипнул тормозами. Горелин и начальник горотдела выскочили, навстречу им бросился Бадайкин, доложил:

— Товарищ майор! Кутепов сдался! В доме убитая женщина, Шадычакова Полина Евсеевна. Застрелена Кутеповым, когда пыталась помешать Кутепову стрелять в его жену. Нужен прокурор.

Майор Бажин, начальник горотдела, выслушал молча, кивнул, обернулся к Горелину:

— Видишь, как все обернулось? А ты говорил: «удерживает насильно». Убил, гад! Отправляй Кутепова, а об-

ратным ходом пригласи прокурора и следователя. Мы пока будем здесь.

Николай стоял в сторонке, думал: ну вот и все, сейчас отправят с Кутеповым, а через час-другой буду дома, еще, наверное, застану Валю. И вдруг перед глазами снова возникла Полина Шадычакова с большими черными косами. А муж ее с ночной смены возвращается...

И когда Горелин скомандовал: Щапов, Табачников, Кутепова в машину. Едем!—Николай обратился к майору:

— Разрешите мне остаться. Ее муж с шахты вернется—поддержать.

По травянистой тропке Кутепова вели к машине. Толпившиеся соседи молча и осуждающе смотрели ему в спину.

Б. СИНЯВСКИЙ,
журналист

ВАМ НЕ БОЛЬНО?

Агафонов дернул ручку в третий раз с такой силой, что кольнуло в локте: дверь подъезда была заперта изнутри. Он чертыхнулся и побрел к телефонной будке.

— Старичок,— полился из мембраны привычно бодрый и напористый Костин голос,—забыл, пардон, предупредить: там код набрать надо. Погоди, я спущусь.

— Да что ты бегать будешь? Давай код, сам справлюсь.

— Иди, иди, я мигом. А пока спускаюсь, ты бы за пивком сгонял. Погребок прямо в нашей хате, с торца. Там с утра чешское было... Прихвати десяток. Ко мне народ придет, пообщаемся...

Дверь, щелкнув хитрым запором, выдохнула спертый запах многоквартирного подъезда. Костя, изображая интерес, отстранился:

— Да ты весь на элеганте! Подкадрить решил кого в городе-герое?

Агафонов усмехнулся: его темно-синий польский костюм не стоил и половины Костиных вельветовых брюк.

Квартира оказалась на пятом этаже. Костя распахнул входную дверь, гостеприимно посторонился:

— Проходи, смотри, как существует рядовой аспирант.

Аспирант существовал неплохо. Поначалу Костя, как и все, жил в общежитии, потом снял квартиру и обитал один в двух комнатах, что шикарно даже для Москвы.

Небрежно разрезав шпагат на большом пакете, пере-

данном ему Агафоновым, Костя вытащил два кожаных пиджака и, энергично встряхнув ими, крикнул:

— Ланька, смотри, для тебя кожа, как по заказу.

Из кухни вышел парень. Он взял один из пиджаков и презрительно сморщился:

— Монгольский?

— Похоже...

— Пусть его Чингисхан носит, — Ланька отбросил пиджак в сторону.—А этот?—он скользнул взглядом по этикетке.

— Не видишь? Телячья кожа, высший сорт. Суоми.

Парень вывернул пиджак подкладкой, внимательно осмотрел и отбросил все с той же брезгливой миной.

— Ты что?—набычился Костя.

— Ношеные вещи не беру.

— Тебе, собственно, никто и не предлагал еще.

— Да я так. Посмотрел, сказал...—Ланька глянул на запястье, сверкнувшее вороненой сталью японских часов «Сейко».—Попылил я. Да, чуть не забыл...—задержался он на пороге.—У тебя «Каин» есть?

— Есть.

— Какой?

— Черный и хиты.

— Мне «Джаз» нужен.

— Этого нет.

— Ну давай тогда. Пошел я.

— Бог дает. У него работа такая,—Костя щелкнул замком.

— Зовут как-то по-кошачьи,—кивнул вслед ушедшему парню Агафонов.

— Откликается, значит, нравится. Не геморрой, в конце концов, не на всю жизнь,—сегодня Ланька, завтра Ванька.

Костя порылся в бумаге, из которой только что вынул пиджаки.

— Моя Лидуха ничего больше не передавала?

— Нет, пакет только. А что—еще надо было? Забыла, может?

— Забыла! С ней случается! Кожа мне эта до фени, парень один попросил сдать. Я капусту жду, за диски должны... Черт, вчера же созванивался, сказала—с тобой отправила...

Костя зло отбросил пустой пакет к порогу, похлопал по карманам висящих на вешалке пиджаков и из одного вынул пачку десяток, перетянутую розовой резинкой.

— Надо же придумать,—куда сунуть...

Пересчитав купюры, Костя достал кожаный портмоне, заправил в него деньги и повернулся к Агафонову:

— Бросай бутылки в холод и проходи.

Резко, требовательно зазвонил телефон.

— Володя,—крикнул из кухни Костя,—послушай, кто там.

— Кистинтин?—поинтересовался мягкий баритон.

— Нет, нет... Пригласить?—Агафонов положил трубку, заглянул на кухню.—К тебе. Просили встретить.

— Старичок, не в службу... Сгоняй открой им, я тут пока с креветками разберусь.

Пришли двое—плотный средних лет мужчина с бородкой метелочкой и молоденькая девушка, худенькая и беловолосая.

— Ирок, лапушка! Сто лет тебя не видел,—заголосил Костя.—Как жизнь?

— Плохо.

— Что такое?

— Мнительность замучила.

— Кофе на ночь не пей. Знакомьтесь,—Костя кивнул в сторону Агафонова,—друг детства. Володя, а это Ирочка и надежда отечественной науки Валерий Михайлович. Лапушка, иди, помогу раздеться...

Агафонов внизу еще, едва только открыл гостям, почувствовал, что между ним и субъектом в бородке взаимопонимание вряд ли возможно.

— Кока,—прогудел Валерий Михайлович,—не будем трогать науку... И не приставай к ребенку. Что-то долго ты с ее плащом возишься...

— Сразу и заметят, не дадут взрослому человеку красивую девочку в руках подержать.

— Ты, небось, ради гостей и бутылку выкатишь? — Валерий Михайлович шагнул в комнату.

— Почему нет, когда да... Можно виски заморского, можно пивка — «Световар» есть, креветочки.

— На виски глаз ложу, и с пивцом... Только ты, наверное, креветки варить не умеешь—диссертацию не по ним пишешь...

— Обижаете...—Костя щелкнул тумблером на усилителе.—Что поставить?

— Ты же знаешь,—Валерий Михайлович погрузил тело в застонавше кресло,—ну и мебеля у тебя, музыки не надо.

— Поставь, Костя, Иглесиаса или итальянцев,—протянула, по-московски растягивая гласные, Ирина.

Костя бросил взгляд на бородача.

— Ну, если женщина просит...—развел тот руками.

Собеседником Валерий Михайлович оказался еще худшим, чем можно было полагать. Фразы он выкатывал плотно, одну за другой, не давая никому вклиниться. Рокотал баритоном, разминая пальцами креветок, подливая в стакан пиво; при этом высоко поднимал бутылку, взбивалась пена и ложилась рваными хлопьями на его усах.

...Валерий Михайлович прихлопнул по столу ладонью, словно поймал в воздухе последнюю фразу и припечатал ее.

— Дело в том, что мы самая безалаберная нация на свете...

Агафонова так и подмывало сцепиться с «надеждой отечественной науки»: Валерий Михайлович раздражал, в его словах сквозило что-то сквалыжное, похожее на кляузу.

«Сидит вот круглый человек, пьет пиво и скорбит,—

размышлял Агафонов.—Лишенец. Бедолага. Все проблемы — полчаса до работы на метро ехать надо».

— Хвалимся тем, что изобрели паровоз, а сделать — кишка тонка, пришлось покупать у немцев.—Валерий Михайлович повесил на усы очередную порцию пены.

Агафонов не выдержал:

— Паровоз, кстати, не мы, а англичане изобрели.

— Да ты никак грамотный?—Валерий Михайлович уставился на Агафонова, как будто только теперь его и увидел.—Надо быть не грамотным, а сообразительным. Вот ты,—ткнул он пальцем,—ты сидел?

— Как это?—опешил Агафонов.

— Как положено. Согласно кодексу.

— Да вы что?

— Ах, не сидел? Ну, ничего.—И добавил по-английски:—Будем надеяться на лучшее.

— Надеюсь, этого не будет,—тоже по-английски ответил Агафонов, ответил автоматически, хотя, может, и в пику бородатому, судя по произношению, тот языка не знал, а просто пижонил.

— Вот,—Валерий Михайлович бросил слово так, словно уличил в неприличном,— спикаем...

— Володя английский в школе будь здоров сечет,—пояснил Костя.

— Ах, так! Мы есть учительница? Тогда ясно, откуда у нас комплексы. Школы поовдовели, а работать в бабском коллективе...

— А что, скажите, плохого в бабском? Может...

Но Валерий Михайлович досказать не дал—стал просто топтать:

— Да-а-а... Делать вид, что работаешь, когда делают вид, что тебе платят, это...

— Да если хотите знать...—Агафонов запальчиво повысил голос.

— А вот этого не надо,—Валерий Михайлович расстегнул пуговки жилета и откинулся, почти лег на мягкие ва-

лики.—Обсуждать проблемы среднего образования я не намерен и воспоминания рыцаря школьного журнала мне ни к чему. Кока, неси своего длинного парня, трахнем мы его, а то тут товарищ нервничает.

— А виски на пиво ничего?

— Неси, неси, да и колбаски порежь, тараканы эти надоели,—он отмахнул от себя коричневую горку криветок.— Надо чего посущественнее пожевать. Правда, кутенок?

Ира, когда ее тронули за плечо, вынырнула из своих дум, отпила пиво, которое в ее стакане, казалось, не кончится никогда, провела тонкой рукой по бороде соседа.

— Правда. И поставь, Костя, поновее что-нибудь, это я у тебя слышала...

Костя перещелкнул тумблеры магнитофона, выскользнул на кухню, загромыхал тарелками.

— Говорим красиво...—Валерий Михайлович пододвинулся вплотную.—Добрыми быть хотим, толстовцы сиволапые. От доброты сопливой весь вред и идет. Знаешь, какая самая полезная сказка для детей?.. Колобок. Его съели, а знать, что съесть могут—полезно, жизни вообще верить нельзя. Есть и бить надо уметь обеими руками, а такому только злой научить может... Ты какую фарцу гонишь?

— В смысле?..

— В смы-ы-ысле...—передразнил Валерий Михайлович,—смысл везде ищете... Чем фарцуешь, спрашиваю,— штанами, дисками?..

— С чего это вы?..

— Испугался. Действительно, как это мы, с нашими чистыми лапками и вдруг фарца? Видишь красоту?—Он кивнул на висящие по стенам японские календари.—Четыре, и все на будущий год. Зачем их столько? Долго им тут висеть?

— Откуда я знаю...

— Все ты знаешь. Неделю повисят, и толкнет их Костя, как найдет нужного человека, так и толкнет. Косте, как и фирмачам из «Чори», не красота нужна, а деньги, капуста,

так сказать. Все на продажу... На стене висит просто товар. Ты бы к гостям, конечно, убрал, постеснялся...

— Я-то тут при чем?..

— Именно, ни с какого боку... Тебе чистым остаться надо. Черт те что... Жену толком одеть не могут, а рассуждать... То, чем Костя живет, тебе удобно не замечать, а прислониться не прочь. Самому рогом пошевелить—ни ума, ни духу, а на чужие—будьте любезны. А откуда это все? Послушай,—Валерий Михайлович дохнул в лицо Агафонову.—Ведь вы ничего не умеете. Ни украсть, ни покараулить. Посмотри, какие сейчас ребята цепкие! Если не можете за ними бежать, так хоть под ногами не путайтесь... А что это с нами?—сделал он издевательскую паузу.—Что это с нашим личиком? Вам не больно?

...Правую руку выбросило, как долго сдерживаемую пружину. Туда, между усами и бородой, где шевелились яркие, словно накрашенные, губы, Валерий Михайлович врезался затылком в стену, прямо в календарь с полураздетой японкой. Глаза его широко раскрылись, зрачки отразили полкомнаты: большие катушки «Акаи», зажженную люстру, перепуганную Ирину, потом все исчезло, потонуло в темно-синей волне животного страха...

— Что, клопа давишь?

Агафонов вздрогнул — он не слышал, как вернулся Костя.

— Проводил?

— В лучшем виде. Сразу мотор схватили, да им и недалеко,—Костя включил магнитофон, который, пока хозяина не было, отдыхал. — Оценил звук?

— Еще бы...

— Брал не кота в мешке, по каталогам заказывал. Я от низов торчу. Слышишь, как пукают? Упругие такие, круглые, как кольцо резиновое...

Костя продолжал что-то говорить, нахваливая аппаратуру. Нажал какую-то кнопку, и по черной панели уси-

лителя побежали огоньки маленьких красных лампочек... Агафонов, весь еще взвинченный, перебил:

— А ведь он сволота, твой Валерий Михайлович! Он хоть кто есть?

— Руководитель мой научный, кафедрой заведует.

— А Ира?

— Понравилась? Могу телефончик дать. Только она на дому не принимает, ее выводить надо.

Костя отправился мыть посуду.

Плавная, прилизанно-красивая музыка успокаивала, но и она не могла увести от пережитого.

— Слушай,—Агафонов насилу дождался возможности продолжить разговор.—Что тебе перед ним шею гнуть?.. Не защитишься, что ли?

— Не лез бы не в свое,—оборвал Костя. Взяв со стола пачку пластинок, он стал устанавливать их на место, но вдруг повернулся.—Чего боюсь, спрашиваешь?.. Его-то я не боюсь, с ним у нас соглашение вполне джентльменское: я знаю, что мне от него надо, он знает, что может иметь от меня. А бояться, старичок, надо... Шпаны подростковой, например. Если встретят толпой в темноте—изувечат ни за что. Стадо людское; попадись под ноги—задавят. Кричи-не кричи, по живому пройдут. И еще... Сколько тебе лет-то?

— Как это сколько? С тобой вровень—тридцать шесть.

— Ну и что собираешься делать дальше?

— Мало ли... Дочку поднять еще надо...

— Дочку поднять, шкап купить...—Костя подсел на диван, от него пахнуло выпитым, стало заметно, что он захмелел.—Ровесников своих, старичок, бойся. Вот кого. Самые страшные люди те, кому сорок или около. Пацан по дури своей считает, что у него все впереди, старик притерся к тому, что имеет, а у сорокалетнего последний шанс... И мне свое взять надо... Успеть...

— Мало ты успел? Диссертацию заканчиваешь.—Агафонова несколько озадачила Костина откровенность.—А что еще надо?..

— Все! — Костя вскочил.—Все мне надо! Мир наш слоистый, как пирог... В осадок выпасть—раз плюнуть, а карабкаться — ногти пообломаешь. Одному бутылка «Агдама»—праздник, другому в «Жигулях» тесно. В один слой я влез, дальше грести надо... На второй день после свадьбы теща мне заявила: «Ты думай—Лида жить должна соответственно». Квартиру нам соорудила в соседнем подъезде... Ох и баба! Ей бы развернуться! Думать я, конечно, научился... И жить... Ты в ювелирном бывал когда?

— Что мне там делать?

— Тебе, конечно, нечего. Разве только накопишь пару сотен на стекляшку в золоте Катерине к совершеннолетию. Я как-то забрел к открытию, там перстенек выложили. С бриллиантом. Двадцать тысяч. Пока на цену глаза пялил, подошел дядя, положил на прилавок чек и опустил нежно завернутую коробочку в карман. Купил, как банку шпрот... Попробуй такого съешь... В «Жигулях» можно и в драпе ездить, но если парень крутит баранку «Мерседеса», то на нем и кожа японская, и «рэнглер» последний...

Костя сходил на кухню, принес бутылку пива.

— Как там баба моя?

— Лида? Нормально, да я почти у нее не бываю.

— Плохо, что нормально и плохо, что не бываешь. Да ладно. Мне, старик, думать надо, как в Москве зацепиться.

— Защититься, может, по лимиту пропишут.

— Нелюдь пусть ждет лимита... Прописка—не проблема. Сходи под венец и все. Ира и возьмет недорого за услугу...

— Как это—под венец? А Лида, Лешка?

— Пацана я обеспечу. Мне бы его забрать, чтобы без исполнительного. Такие бумаги не в почете...

— Вы что, разводитесь?—поняв, куда клонит Костя, спросил Агафонов.

— Разводитесь... Говоришь, как тетка... Думать надо... Старичок, я тут два года... все мы живые... Зацепку бы мне... Лидочка, она ведь ручная... Ты всегда ей нравился.

Мог бы и на амбразуру для друга, а героизм, как известно, у нас без внимания не остается...

Агафонов не сразу и сообразил, что ему предлагают, а когда понял, похолодел. Тут же отбросил дурные подозрения: да ну, шутит Костик, друг детства...

Кончилась кассета, Костя встал поставить другую. Агафонов, подождав, когда он закончит возиться у магнитофона, поднялся:

— Пойду я... Мне добираться еще...

— Куда спешишь? Оставайся, места хватит.

— Да нет, пойду...

У порога Костя придержал за рукав:

— Не бери в голову... Шутка—понятие широкое. Ты загружаться в столице сильно будешь? Пакетец я хотел тебе подбросить. Не волнуйся, я тебя и к самолету доставлю, и за вес лишний заплачу. Прихватишь?

— Да, конечно.

Лифт вызывать Агафонов не стал. Мысли, которые крутились в голове, требовали, чтобы их меряли шагами.

Открыв дверь подъезда, он шагнул в темноту. На землю упал мелкий осенний дождь. Тонкая жесть палого тополиного листа, утром еще гремевшая на асфальте, раскисла и тянулась за ногами грязными, липкими лохмотьями...

Николай Михайлович Алексеев проснулся, как от толчка. Такое с ним последнее время случалось все чаще и чаще — засыпал быстро, как в яму проваливался, но потом сон сдувало. Мог проснуться и в два, и в три. Чем тише и глубже была ночь, тем обидней оказывалось вынужденное бодрствование. Из темноты возникали и лезли в голову мысли, они продолжали прожитый день, возвращали в дела и заботы по-хозяйски смело и напористо.

Алексеев скрывал свое состояние от жены, пытался незаметно принимать снотворное, но жена быстро догадалась

о его ночных бдениях, поворчала, неодобрительно и в третьем лице поминая тех, кто сам свое здоровье губит.

— Беды себе захотел? Иди лучше на завод работать— смену кончил, станок остановил и свободен. Нельзя же так.

Он знал, что жена выговаривает просто, чтобы не молчать. Понимает, что ни на какой завод он не пойдет, да и работал он уже на заводе, и там, кстати, находил дела, которые сменой не кончались. Потом рекомендовали его на юрфак, считай, по комсомольской путевке пришел на теперешнюю работу. Стал именоваться инспектором уголовного розыска.

Николай Михайлович тихо, стараясь, не разбудить жену, встал и прошел в другую комнату.

Сережка спал на диване, скомкав во сне и одеяло, и простыни. Вот для кого бессоница—понятие более чем абстрактное: его только уложи, а потом пушками не добудишься. Николай Михайлович включил настольную лампу, сдвинул к краю стола Серегины учебники—у них с сыном который год ведется шутливая баталия за обладание единственным столом—кто быстрее займет.

Полистал тетрадки—похоже, Сережка вчера так и не закончил домашнее задание, а утром телефон раскалится. Теперь ухарцы эти наловчились по телефону задачи решать. Не успеет сын сесть за стол, как кто-нибудь звонит уже: «Сережка, ты еще не решил?» Алексеев ворчит, но в глубине души доволен—головой сын пошел в деда: любые задачи с ходу берет, вот только лень-матушка... Мог бы круглым пятерочником быть, на каждом родительском собрании только об этом и разговоров. Да и не контролирует его никто, все времени не хватает. А должно хватать: в таком возрасте от них многого можно ожидать. Кто мог подумать, например, что самое крупное дело по фарцовщикам, которое, похоже (тьфу, тьфу, не сглазить) к концу близится, начнется с таких же пацанов? Привела однажды инспектор детской комнаты милиции Анна Петровна Назарова подростка лет четырнадцати, а потом, без него уже,

рассказала, чем он промышлял—показывал сверстникам за деньги журнал «Пентхауз». Потом журнальчик этот вывел на группу, которую Алексеев отрабатывал давно,—к трем парням из студии звукозаписи. За одно то, что пацанам продавали такие журналы, удушил бы Николай Михайлович холеную тройку собственными руками, да жаль, законом не дозволено! У него против этой пакости свои методы. Полгода ушло на эти методы—пока прощупал, откуда товар, кто его привозит, в каких количествах, какие у поставщиков связи. И вот связались нити. Оформил Николай Михайлович себе командировку в Москву. Конечно, арест произвести могут и московские коллеги, но очень захотелось сделать это самому, посмотреть обстановку, в которой жил все это время человек, доставивший столько хлопот...

Задумавшись, Алексеев и не услышал, как в комнату вошла жена.

Ольга, ничего не говоря, прошла к креслу, села, подперла голову руками и уставилась на мужа. Алексеев сколько мог помолчал, потом все же не выдержал:

— Ну чего ты, спала бы себе...

— Хочу посмотреть на инспектора Варнике за работой...

Николай Михайлович подошел к жене, прижал к себе ее голову и тут же почувствовал тепло человека, который минуту назад спал, покоем и тихой радостью повеяло на него!.. Он всегда, с самого начала знал, что жена его — женщина необыкновенная. Иначе бы не женился. Но по-настоящему ее оценил лишь недавно, после дела Орлова. Хотя, казалось бы, какое отношение может иметь скромная учительница к его делам?

...В баре, в самом центре города, произошло убийство. Наглое, дерзкое, на глазах у многих посетителей. Казалось бы—работы на три дня, но не тут-то было: свидетели вдруг стали уходить от показаний, а самый главный свидетель—бармен Торгунаков—вообще скрылся. Почему так происходило, выяснилось довольно быстро: и Торгунакову, и другим свидетелям угрожали. Николай Михайлович вскоре

испытал это и на себе—ему позвонили и предложили разумнее вести дело, иначе инспектору придется бросать работу и ходить за своим сыном — провожать его в школу, встречать, да и то вряд ли это поможет... Николай Михайлович порекомендовал абоненту обратиться к психотерапевту и положил трубку.

Только через полгода он узнал, что подобный звонок был и Ольге, только ей предлагали еще и пять тысяч. Откровенно сказать—Алексеев удивился, когда узнал об этом: где Ольга нашла в себе силы не только бросить трубку, но и не сказать мужу о звонке? Он вспомнил об этом и сейчас.

Ольга мягко отстранилась.

— Что у тебя опять?

— Фарцовка.

— Спекулянты?

— Я ж говорю—фарцовщики.

— Какая разница?

Николай Михайлович промолчал. Действительно, какая Ольге разница, кем он занимается, спекулянтами или фарцовщиками, ей и те и другие на одно лицо.

— И из-за этой ерунды ты не спишь? Из-за того, что надо поймать кого-то, кто продал пару сапог?

— Я никого не ловлю. Это совсем по-другому называется...

Ольга примирительно погладила его по руке и умолкла, но вопрос ее пробудил у Алексеева желание выговориться.

— Пару сапог... Если бы в этом дело было... Да хотя бы и пара сапог. Почему ты неизвестно кому должна отдавать честно заработанные деньги? Знаешь, чем отличается фарцовщик от простого спекулянта?

— Понятия не имею. А они еще и отличаются?

— Существенно. Спекулянт просто перепродает вещи. Любые. Фарцовщик «работает» только с фирменным товаром.

— И все?

— Это «и все» дорого нам обходится. Фарцовщик, если

хочешь, не просто враг, а враг идеологический. Он — ярая пропаганда того, что нам мешает жить и воспитывать детей так, чтобы из них вырастали настоящие люди. В том, что он никогда не пачкает руки перепродажей отечественного—большой смысл, его работа как бы гарантия и реклама качества. Купленное у фарцовщика—дорого, но качественно. Фирма, одним словом. Они, знаешь, изначально ставят вопрос так—у нас в стране ничего качественного нет и быть не может. Это касается и джинсов, и любой другой одежды. Кроме того—фарцовщики почти все работают и с самым настоящим идеологическим товаром—продают музыку. И в записях, и в пластинках. Представляешь хоть, сколько может стоить пластинка у такого «продавца»?

— Понятия не имею...

— Ну, примерно...

— Рублей десять, наверное...

— Десять... Некоторые альбомы до двухсот рублей доходят, а шестьдесят, пятьдесят рублей — самая ходовая цена.

— И покупают?—удивилась Ольга.—За две сотни?

— Еще как покупают... Причем покупатель в основном подросток.

— Где же они деньги такие берут?

— Вот видишь, сама дошла. А ты говоришь—какая разница... Берут, купят пластинку и записи с нее продают. Ведущие западные ансамбли ежегодно выпускают свои альбомы. Такие пластинки у нас обычно не продаются. И тут как тут гражданин фарцовщик. У них, знаешь, и терминология своя. Они никогда не скажут, что пластинка стоит, скажем, шестьдесят рублей, скажут—шесть, а ноль в уме. Чтобы не шокировать общественность... Теперь представь—купил подросток пластиночку такую, а на ней картинки—там оформлять умеют, другой раз и в конверт плакатик вложат—на картинках много чего... Группа «Кисс», например, наряжается вурдалаками, а последние две буквы «С» пишутся двумя молниями, как на нашивках «СС». Улавли-

ваешь намек? Группа «Квин» рекламировала один свой диск плакатом, на котором тридцать голых девиц на велосипедах. Фарцовщик может и настоящую порнографию предложить, и литературку кой-какую... Для тех, кто стал на этот путь, святого ничего нет...

— И все равно—неужели они стоят таких твоих нервов?

— Стоят. Разгром этой нечисти и большего стоит.

Костя заехал в гостиницу на такси, помог снести вещи с этажа, и, сев рядом с водителем, скомандовал:

— Во Внуково.

— Зачем во Внуково?—удивился Агафонов.—Времени достаточно, можно и в городской. Накрутит будь здоров.

— Не считай по мелочи.— Костя обернулся.— Живи шире.

Когда подрулили к аэропорту и вышли из машины, Костя пояснил:

— У меня тут на посадке девочка знакомая, так что шмона не будет,—он кивнул на «пакетец». Костина передача на деле оказалась довольно увесистой коробкой, запеленутой в красивую плотную бумагу.

— В багаж если сдать, не проверяют.

— Эрудицией поражаешь? Ты уж с собой возьми, не поленись.

— Разбиться может?

— Разбиваются только надежды...

Объявили посадку. Механический голос накрыл пространство аэропорта. Агафонов вздрогнул. Костя, заметив это, усмехнулся:

— Не трясись, не бомбу везешь...

Прошла неделя, а за коробкой никто не приходил. Владимир Николаевич начал уже беспокоиться—Костя сказал, что передачу заберут на следующий же день. Поразмыслив, Агафонов решил, что Лиде, Костиной жене, звонить не стоит, а надо поговорить с Равилем. Тот жил на одной с

Зуевыми площадке, часто толкался у Кости и мог знать, кому адресована коробка.

Равиль, едва только Агафонов назвал Костю, испуганно перебил:

— У тебя время есть? Встретимся сейчас где-нибудь. Разговор не телефонный.

Владимир Николаевич издалека увидел несуразную фигуру Равиля. Тот тоже заметил—нетерпеливо зашагал навстречу.

— Ты что, ничего не знаешь? — спросил он с ходу.

— Нет. А что случилось? С Костей что?

— Взяли его.— Равиль с каким-то даже сожалением посмотрел на Агафонова.—Под белы ручки... В столицу за ним съездили. К здешним делам московские налипли.

— Какие дела?

Равиль посмотрел уже как на дурака:

— Даешь ты... Скажи еще, что ничего не знаешь. Хотя правильно, так и говори...

— Кому говорить-то?

— Тому, кто спросит. Дяденька в красивой форме позовет и спросит.

— Да объясни ты толком...

— Чего объяснять, старик? Взяли Костю на фарцовке. И валюта там, и порнография...

— Погоди....—Владимир Николаевич с трудом собрал мысли.—Куда мне девать?.. Коробку Костя со мной передал...

— Давай так.—Равиль встрепенулся:—Меня не впутывай. Мне ни к чему. И не звони, слушай. Я в ваших делах ни с какого боку...

— В чьих это «ваших»?

— В ваших с Костей.

Агафонов опешил.

— Нет у меня никаких дел. Ни с Костей, ни с кем еще... Чего у меня спрашивать?

— Откуда мне знать? Может, как у свидетеля спросят, а может, как у обвиняемого.

— В чем обвиняемого?

— В соучастии, например. Коробочку-то ты привез. Ты хоть представляешь, на сколько твоя коробочка потянет?

У Агафонова потемнело в глазах. Равиль ободряюще потрепал по плечу:

— Не сливай воду, старик. Ситуация твоя, конечно, дырявая. Костя по мелочи не работал, но, может, выцарапаешься. Ума не приложу, зачем тебя он втянул, у него своя связь будь здоров. Хотя, наверное, знал, что делал. Может, чувствовал, что там проколоться может и решил новый вариант использовать. Ему бы притихнуть на время, но жадность... Фраерочки всегда на этом горят... Ну, пока, пошел я. Обо мне забудь, слышишь?

Агафонов с ненавистью проводил глазами сутулую спину Равиля.

— Побежали крысы,—подумал он.—А Костя хорош... «Новый вариант»... Свинья.

Ничего больше, как идти к Лиде, не оставалось.

Лида открыла дверь, не удивившись, словно виделись сни вчера, вяло поздоровалась. Агафонов прошел в комнату и остановился, не узнав ее. Исчез дорогой югославский гарнитур, ковры, книги.

Лида, выслушав Агафонова, покачала головой:

— Извини, Володя, но Костиных дел я не знала и знать не хочу. Кому эта коробка, разбирайся сам.

Тягостно помолчала, потом, видимо, решившись, спросила:

— Ты Нину его видел?

— Какую Нину?

— Жену его новую, как он ее всем представлял. Костя хорошо жить собирался. Нас вот только с Лешкой в виду не имел... Его арестовали утром, подняли вместе с Ниной этой.—Лида рассказывала так, словно речь шла о чужих людях. Видимо, перегорела.

— Костя понимал, что ему грозит. Самые дорогие вещи к Нинкиным родителям переправил. И золото у него было, и бриллианты. Ничего, и их потрясут... И деньги, наверное, у них. Господи!—чуть не закричала она,—пропади они пропадом, деньги эти! Володя, ведь мы с ним и радость знали, ты же помнишь... Сначала ему без лейбла вещи не было, потом без лейбла и человек стал не человек, все по этикетке мерялось. Помнишь, как мы Новый год встречали? Под настоящей елкой. А теперь, если и придет кто, то только за тряпками или дисками, а кто за стол сядет, то злые все, яичницу на каждом жарить можно... Выбрось ты эту коробку.

Осень затянулась. Собственно, время она взяла только свое, зимы не убавила, долгой же показалась потому, что пожалела красы, придержала ее в своих сундуках. Обошлась она и без горького, но такого нужного тепла бабьего лета. Сразу за августом установилась хлипкая пора, небо намокло, зябко и нудно заморосило. Дожди потушили березовый лист, который так и не успел вызолотиться. Захотелось снега, а он все не шел.

Агафонов устал невероятно, так, словно первое сентября отзвенело не два месяца назад, а давным давно. Утрами он вставал с натугой, на уроках несколько оживал, но домой брел такой же серый и мрачный, как и клонящийся к закату день. Дело было, разумеется, не только в погоде—неожиданно свалившийся на душу груз мог бы потушить самые светозарные летние дни.

Коробку он затолкал на антресоли—от греха подальше. Прошла еще одна неделя. Никто, конечно, не пришел. Просто однажды из газет, вынутых из почтового ящика, выпал конверт с казенным штемпелем вместо адреса. В конверте оказалась повестка. Явиться туда-то, к стольки-то, к тому-то... Как ни странно, снизошло облегчение, но минутное, затем нахлынул страх—Агафонов испугался не судебной

или следственной там ошибки, ужасала сама мысль, что предстоит включиться в несвойственное ему, оказаться там, про что даже и читал с неохотой—детективов он не любил. Владимиру Николаевичу казалось, что как только он переступит порог заведения, в которое приглашала повестка, как только будут ему заданы первые вопросы, так он перейдет, по словам Кости, в другой слой, станет как бы человеком совсем иного сорта и вернуться к обычной своей жизни уже не сможет. Вызова к следователю он боялся так же, как боятся, вероятно, чумного барака.

Нужный кабинет Владимир Николаевич нашел на третьем этаже. На двери табличка «Инспектор уголовного розыска Алексеев Николай Михайлович». Хозяин кабинета, неожиданно молодой, симпатичный, в костюме-тройке мышиного цвета, привстал, предложил сесть.

— Агафонов Владимир Николаевич?—уточнил он.

— Да, — в тон ему ответил Агафонов, чувствуя, как не ясная ранее беда сжалась плотным кольцом.

Прошло не менее получаса, прежде чем Агафонов понял, что спрашивают у него, в сущности, самые простые вещи: «Кто бывал у Зуевых?», «Как часто они меняли мебель?», «Записывал ли Зуев в присутствии его, Агафонова, кому-либо музыку?» и тому подобное. Подумал: «Мало на допрос похоже». И тут же одернул себя—откуда знать, как строится тот самый допрос? Может, так и надо—сначала успокоить. И снова сжался, ожидая вопросов про коробку, про Москву. «Знает или нет?» — билась мысль. И тут инспектор спросил:

— Вы в Москву недавно ездили?

— Ездил...

— Зуеву ничего не отвозили?

— Отвозил. Пакет, от его жены.

Ответил и стал лихорадочно соображать: «Зря сказал, теперь спросит, а что из Москвы привез... Ну не врать же в конце концов... Тем более, он, похоже, знает...»

— Что в пакете было?

— Не знаю. Я отдал и ушел...

«Вот и соврал»,—поздравил сам себя Агафонов, но рассказывать про Ланьку, про «капусту» было выше сил.

Инспектор сразу утратил интерес, встал, подошел к окну. Долго молчал, потом, словно отвечая самому себе или завершая разговор, который вел внутри себя, сказал:

— За то, что учим доброму, разумному, вечному, деньги получаем. Два раза в месяц сумму прописью... А честность в жизни никто не оплачивает... Тут уж как бог на душу... Фарисейство...

Подошел к столу, взял авторучку.

— Давайте повестку. Отмечу, что были на допросе...

«Допрос все же»...—уточнил про себя Агафонов и протянул Николаю Михайловичу желтую бумажку.

Агафонов вышел во двор и присел на скамейку. Его колотила нервная дрожь.

«Боже, боже мой,—думал он,—так ведь это он про меня, это он меня фарисеем назвал...»

Вспомнилось лицо инспектора. Лицо молодого еще человека, у глаз которого глубокими птичьими лапками залегли морщины. Владимир Николаевич вдруг понял, как устал этот человек, который только что задавал ему вопросы, как устал от необходимости задавать подобные вопросы, видеть и терпеть подлость, трусость, ложь. «А ведь он Костю знает лучше, чем узнал его я за всю свою жизнь», — понял вдруг Агафонов. Он встал, зашагал по улице.

Еще на первом этаже Владимир Николаевич услышал музыку. Катя выскочила навстречу разгоряченная, бросилась на шею:

— Папа, мы Зинки Лусниковой день рождения празднуем. У нее дома родители не разрешают. Можно?

Агафонов кивнул, потрепал дочь по волосам и пошел к себе.

«А Катька куда, если что со мной?—вдруг ошарашила мысль.—В детский дом Катьку? Это у Кости надо спросить, куда он ее предполагал...»

Под утро приснился сон. Огромный японский календарь с нэцкэ. У одной фигурки голова дразнила малиновым языком: «Ты сидел?»

Агафонов проснулся, ощущая тупую боль в сердце. Полежал, успокаиваясь, вернее—в который уже раз пропуская через себя события, разговоры, встречи последних двух недель.

Проводив Катю, Агафонов позвонил в школу, попросил замены, а потом по бумажке набрал еще один номер.

Николай Михайлович звонку не удивился, сказал, что ждет и пропуск закажет. Агафонов вызвал такси—нести коробку по городу он бы не смог.

Дальнейшее происходило, как в кино. Николай Михайлович пригласил понятых. При них открыли коробку и инспектор стал диктовать девушке в лейтенантских погонах:

— Грампластинки производства Великобритании—девять... производства ФРГ—двенадцать; производства Франции—две; компакт-кассеты производства Японии в нарушенной упаковке—сто двадцать... Журналы «Плейбой», коллекционный выпуск—пять... Валюта Соединенных Штатов Америки, купюры достоинством сто долларов—десять...

Николай Михайлович придвинул три сколотых скрепкой листочка.

— Прочитайте и распишитесь.

Агафонов подписал не читая.

— Умно сделали, что сами принесли,—подчеркнул инспектор.—Найди мы все это у вас при обыске...

— При обыске?..—обомлел Владимир Николаевич.

— А как же. Зуев показал, что последнюю партию из Москвы он с вами передал, даже перечислил все вложенное. У него учет строгий—иначе ни с должников не взыс-

кать, ни с кредиторами рассчитаться, а он большими тысячами ворочал...

Помолчали.

— Я могу идти?—спросил Агафонов.

— Минуточку,—Николай Михайлович достал из ящика стола фотографию и протянул ее Агафонову,—вы этого человека не знаете?

С фотографии нагло улыбался Валерий Михайлович.

— Знаю...

— Где вы его видели?

— На квартире у Зуева, в Москве.

— А этого?—Алексеев протянул еще одну фотографию.

— Этого не знаю... Правда, не знаю, — поспешил заверить Агафонов, заметив некоторое разочарование инспектора.

— Верю. Этот человек не всем показывается, у него, так сказать, и подданство к осторожности обязывает. Можете идти, но вы еще понадобитесь для опознания хотя бы кожаных пиджаков, что в Москве не видели.—Николай Михайлович еле заметно улыбнулся.—И очной ставки с Зуевым вам не миновать. Он утверждает, что Колосов,—инспектор прижал пальцем фотографию Валерия Михайловича,—никогда на квартире у него не бывал. Вы прояснили важную деталь. И в суд вас наверняка вызовут: кто же еще так хорошо Зуева знает? Друг детства как-никак.

Дождавшись, когда Агафонов прикроет за собой дверь, Алексеев набрал номер телефона.

— Алексееву, пожалуйста, — попросил он и, дождавшись, когда жена взяла трубку, изменил голос:—Мне сказали, что по этому телефону может ответить Ольга Алексеевна, самая красивая девушка Сибири и Дальнего Востока.

— Она вас слушает,—поддержала игру Ольга.

— Тогда, возможно, она осчастливит одинокого мужчину и посетит с ним сегодня театр?

— Случайных знакомств не завожу... Ты что это, Коля, серьезно?

— Конечно.

— С чего бы это? Премию получил?

— У меня другой праздник.

— Какой же это?

— Человека нашел. Вернее, нашел он сам себя, но я помог.

Агафонов постоял у подъезда управления, не понимая, что же изменилось вокруг, потом сообразил—посветлело. Наконец-то началась зима.

На клумбах белел первый снежок...

В. РУДИН,
писатель

●

ШУТНИК

Сиверцев молчит.

Он молчит уже целый час — с момента, как его привели ко мне на допрос. И, честно говоря, я не могу понять, что творится в его душе, что прячется за этими неправдоподобно, совсем по-детски, синими глазами.

У Сиверцева огромная кудлатая голова и широченные плечи. Я тоже не маленький, но встретиться с ним один на один в темном переулке не хотел бы... Брови Сиверцева иногда сходятся к переносью, потом нервно взлетают вверх, и снова на лице равнодушие. Почему он избрал такую тактику? Нет, не понимаю.

Дело же для меня совершенно ясное: был пьян, и вчера на глазах у всей Чувашки перевернул на Мрассу лодку с людьми. Запираться нет никакого смысла—слишком много очевидцев. Этого он не может не понимать. Я листаю их показания — вот они, на столе. Целая кипа. Так что деваться Сиверцеву некуда. И весь мой разговор с ним—нудная, пустая формальность. Надо уточнить детали. Как будто они воскресят погибших. Сиверцев был пьян—не протрезвел даже когда его самого выудили из воды. Так вот, надо выяснить, где он напился и когда—до того, как брал пассажиров, или после? Видите ли, это нужно для суда.

Вздыхаю и снова принимаюсь за опостылевший допрос.

— Послушайте, Сиверцев!

Он переводит на меня глаза и молча ждет.

— Где вы взяли пассажиров? В Мысках?

Молчание.

— Вы меня слышите?

Молчание...

Все, кому надо вверх по Мрассу, собираются в Мысках у моста. Так уж издавна повелось. Мост построили в пятьдесят четвертом, когда на восток вели автодорогу. А раньше здесь был паром. Так оно и осталось: хочешь плыть в Тоз, или Мзасс, или в Камешок — иди к мосту. Там к отлогому галечному берегу подлетают лихачи-шорцы на своих длинных узких лодках, на каких их предки промышляли рыбу и сто и двести лет назад. Только теперь на корме лодок бензиновый мотор. Бывает, что и леспромхозовские катера людей берут. Да и лесорубы моторами обзавелись: река-то—единственный путь. Все тут гоняют, а лишний рубль почему бы не перехватить?

Ожидающих было трое: технорук Тозинского участка Базылев—высокий, худой, левая рука на перевязи. Ехал он из больницы и все переживал, что до дому засветло не доберется.

Тут же на двух узлах сидела молодая женщина с пятилетней девочкой на руках, видно, приезжая: и горы вокруг, и зеленоватая вода с плывущими по ней бревнами были ей в диковинку.

Поодаль, у валуна, курил бухгалтер с Камешковского участка Сатушев, шорец лет сорока. Он был спокоен, потому что Камешок — это на полпути до Тоза, и плыть ему всего-то два часа, и уж кто-кто, а он дома будет...

Снизу, от лесобиржи, подошла леспромхозовская лодка и острым длинным носом уперлась в гальку берега. Базылев поднялся и обратился к женщине:

— Садите ребенка. Я хоть и однорукий, но с вашим багажом управлюсь.

— Вот спасибо-то!

Базылев не ожидал, что ее тюк окажется столь тяжелым—повернул к женщине покрасневшее от натуги лицо:

— Ишь, спасибо! Этим не отделаешься!

Бросив тюк в нос лодки, метнулся за вторым, а уложив его скомандовал:

— Давай, Сатушев, пересаживайся к корме! И вы туда же, а я лодку столкну.

Но как ни упирался Базылев, лодка накрепко сидела в гальках. Базылев с досадой спросил моториста, огромного парня с кудлатой головой:

— Багор-то у тебя есть?

— Ну, есть, а что?

— Так помоги, что ли? Видишь, мне не под силу.

— Эх ты, длинный—что с тебя проку? Садись, я сам!

Но тут с моста по откосу сбежал парень в солдатской выгоревшей гимнастерке без погон:

— Эй вы, солдата прихватите!

Базылев и солдат навалились, и лодка, поскрежетав днищем по галькам, пошла. Шагая в лодку, солдат чуть замешкался, зачерпнул воду за голенища сапог.

Моторист дернул шнур раз, другой, третий—лодку медленно сносило к лесобирже, а мотор все молчал. Но вот он судорожно чихнул, окутался сизым дымком и затарахтел.

Вода стремительно несется под вздернутый нос лодки и белой всклокоченной пеной отлетает от кормы к медленно уплывающим берегам. На реке всегда так: если смотреть на воду, так лодка—летит, прямо как самолет. А посмотришь на берега—она вроде и на месте.

Солдат откинулся на тюк, прищурившись, смотрит в небо: там ястреб. Вдруг он резко бросается в пике, и тут же с реки с гомоном и плеском срывается утиная стая. Ястреб взмывает вверх и снова начинает делать круг за кругом.

— Странное все же название у вашего города—Мыски...

Женщина, прижав к груди осоловевшую от жары девочку, осторожно вытягивает занемевшие ноги.—Отчего так назвали?

Базылев—он сидит спиной по ходу, лицом к женщине—откликается:

— Мыски—холмы, значит. Тут в округе места ровного не сыщешь. Здесь прежде шорский улус стоял, Тетенза, а рядом деревушка русская Бородино. Теперь местные остряки шутят: у нас, мол, Мыски, как Москва, только горы наши повыше да Бородино поближе.

Женщина чуть слышно смеется.

— А вы, видать, не здешние? — поворачивается к женщине солдат.

— Нет, из Костромы. Фельдшер я, вот в Тоз с дочкой едем.

— А в тюках-то что?—Базылев машет здоровой рукой за спину.

— Да книги—их только и взяла, остальным, думаю, там обзаведусь.

— Обзаведетесь, конечно,—соглашается Базылев.

Солдат смотрит на славное лицо с чуть курносым носом и как-то чересчур уж безразлично осведомляется:

— Что же одна в такой путь подалась?

Женщина вздыхает:

— Так уж получилось...

— Без мужа, значит?—уточняет солдат.

— Значит, без мужа...

И тут что-то резко бьет лодку по днищу. Накренившись, она черпает воду бортом и тут же выравнивается.

Базылев, инстинктивно вцепившийся здоровой рукой в борт, обрушивается на моториста:

— Ты что, дубина гороховая, не видишь, куда лодку ведешь? Утопить нас хочешь, что ли?

Моторист лениво огрызается:

— Да не бухти ты! Подумаешь, бревно примяли, лодка новенькая, ей эти бревна, что семечки.

— А ну, дыхни! Да ты никак пьян?

— Ну, чего там—пьян! По жидкому плыть да жидкого внутрь не принять—такого закона нет.

— Вот паршивец! Все-таки я тебе завтра дам закон!

— Ты?

— Я!

Молчавший всю дорогу Сатушев неприязненно замечает:

— Ты, Сиверцев, не шибко задирайся, а то и вправду в приказ попадешь.

— Да плевал я на ваши бумажные приказы, понял?!

— Пьешь ты шибко, чужих девок больно любишь,— силы у тебя много, а голова пустая. Зачем такой зряшный человек живет?

— Ну, это тебя не касаемо. Твою бабу же я вроде еще не любил.

Шорец с презрением сплюнул за борт.

— Совсем пустой человек. Ты лучше кончай болтать, чаль лодку к берегу, вон в Камешке мой дом виднеется.

...Взяв с Сатушева рубль, моторист минуту-другую молча смотрел, как шорец по мелкой воде бредет к берегу. Потом повернулся к Базылеву:

— Ну, что, сойдете, что ли? А то ведь я пьяный, утоплю ненароком.

Базылев молчал. Солдат и женщина ожидающе смотрели на него. До Тоза еще километров пятнадцать. Можно, конечно, и пешком, по берегу. Ну, да зачем маяться, да и девчушку мучить. Обойдется, поди. Базылев решился:

— Ладно, заводи мотор, поплыли. Только поосторожней смотри!

Моторист снова закуражился:

— Нет уж, постой. Ты вот законом грозился. А мне сто грамм хлопнуть, что кобелю муху схарчить.

Он рванул из кармана куртки бутылку, зубами выдернул пробку и плеснул в рот мутноватую жидкость.

Базылева взорвало от такой великой наглости, он вскочил и здоровой рукой выбил бутылку.

Кудлатый моторист было оторопел, потом мотнул головой, медленно поднялся, исподлобья глядя на Базылева. Солдат понял, что дело может кончиться плохо. Он выскочил из лодки и, разбрызгивая воду, бросился к мотористу:

— Ну чего ты завелся? Человек тебе дело говорит, а ты в бутылку!

Кудлатый осоловело осел на корме и, глядя на солдата снизу вверх голубыми глазами, опять забубнил:

— А какое он имеет право? Подумаешь, шишка на ровном месте! Да я ему...

Солдат положил на плечи кудлатого тяжелые руки и сказал вполголоса:

— Не лезь, набью при женщине морду, я самбист, понимаешь? Потом каяться будешь.

Ничего этого я пока не знаю. Это станет известно потом, в конце допроса. А сейчас Сиверцев все еще молчит. И лицо у него по-прежнему совершенно безразличное. И вдруг меня осеняет: не хочет ли он прикинуться этаким дурачком? Как же я сразу не догадался? Конечно, симулирует психическое расстройство. В жизни это иногда бывает: человек от нервного потрясения лишается рассудка. Я смотрю на могучие плечи Сиверцева, на белые пряди, нависшие над бронзовым лбом: то ли прошлогодний загар не сошел, то ли уже новый пристал? А может, это и не загар, а просто кожа такая смуглая от того, что вечно на воде да на воздухе. Мысли же бегут дальше: если психическое расстройство—направляю его на экспертизу, а если он и вправду болен—дело прекращать и в суд, и по суду—на принудительное лечение... А что ему лечение? Разве это наказание?.. Я снова и снова всматриваюсь в безразличное лицо Сиверцева. Взгляд его устремлен куда-то мимо меня. Да нет, не похож он на больного. И молчит зря. Впрочем, теперь я тоже молчу. Мне давно надоела эта бессмысленная карусель: я понимаю, что сегодня от Сиверцева ничего не добьюсь. Так тоже случается: то ли из-за неумения следователя, то ли из-за упрямства допрашиваемого, но бывает...

Ну ладно, сделаем паузу. Напишем-ка пока письмо ма-

тери солдата: надо сообщить ей о трагедии. Эта тяжелая обязанность тоже на мне, а Сиверцев пусть пока посидит, подумает.

Я достал из ящика стола документы погибших, разложил на столе. Все отсырело, кроме анодированного портсигара да паспорта женщины: он был завернут в целлофан и перетянут ниткой. Достал часы на сыром ремешке, приложил к уху и услышал мелодичное постукивание. Живет железка, а человека нет... И вспомнилась мне Германия, и ясный июньский день сорок пятого года, услышал стук лопат: под Берлином выкапывали тогда из могилы у немецкой деревушки Дебериц трупы четырех наших танкистов, чтобы перезахоронить их на общее кладбище в Панкове. Танкисты эти нарвались на засаду фаустпатронщиков в один из последних дней войны, второго мая. И когда переносили очередной жиденький дощатый гроб, когда ставили его в грузовик, из щели гроба вдруг посыпались чистенькие, красные тридцатирублевки—танкистам перед Первым мая давали зарплату. И так меня это тогда поразило—пролежали бумажки полтора месяца в земле, а все как новенькие... Старшина неторопливо подобрал их и пачечкой сунул обратно в гроб...

Так ведь то была война!

А здесь? Здесь за что люди погибли?

Негодяй он, этот кудлатый, сволочь и негодяй! И хватит с ним возиться—пора кончать допрос! Я поднял глаза на Сиверцева: он подался вперед и в упор смотрел на стол—на часы, на портсигар...

Лодка, высоко задрав нос с большими буквами «ЛПХ» и цифрой «17», мчалась вверх по реке, к Тозу.

Пассажиры молчали: какие уж тут разговоры, коли на моторе пьяный! Держался, правда, моторист, как ни в чем не бывало, и глаза смотрели обычно, и лицо покраснело в меру. Но солдат остался рядом с кудлатым. Известно же:

пьяному море по колено, а лужа по уши! Кто знает, что ему в голову взбредет! Так хоть чтобы рядом с ним быть,— может, мотор перехватить, если что...

Девочка уже выспалась и теперь, сидя подле матери, то и дело опускала ручки в воду и звонко смеялась, когда радужные струйки окатывали ей локоть, а то и плечо.

Солнце ушло вправо, к западу, и только изредка било длинными косыми лучами сквозь мохнатые пихты на верхушках отступивших от реки гор. Весь правый берег за Мзасской скалой был огромной местами заболоченной поймой. Скалы теперь перешагнули через реку и громоздились слева—здесь было глубоко даже летом, когда полая вода уходит и когда Мрассу в иных местах переходят вброд. Скалы здесь отвесно уходили под воду метров на двадцать.

Женщина, запрокинув голову, завороженно смотрела вверх, на сосны, неизвестно как взобравшиеся на уступы скал, на серевший в расселинах снег. Вот уж такого она не видела: в мае—и снег!..

Скалы разом оборвались, отступили от реки, ушли влево; Мрассу разлилась в этом месте широченным полукилометровым плесом, затопила курьи и курьюшки. Базылев — он полулежал на носу, хоть и не смотрел вперед, вдруг весь напрягся: отражатели! Чтобы лес при сплаве не оседал в курьях, слева и справа от берегов наискосок, к середине реки, здесь ставили отражатели, а по-местному — плашкотники: длинные, метров на двести-триста каждая, бревенчатые плети. И если этот пьяный на моторе... Базылев тут же отогнал эту мысль, настолько она была несуразной.

Вот и первый отражатель—лодка прошла метрах в тридцати от конца. Вдоль него бежали веселой гурьбой бревна. Отражатель поднимается над водой сантиметров на десять, но под водой—Базылев это знал—уходит на толщину двух бревен, и если лодка ненароком налетит...

— Так что вы хотите сказать, Сиверцев?

И тут он, оторвав взгляд от моего стола, откликнулся:

— Эх, да разве ж вы поверите? Я ведь не этого хотел, не этого! Если бы я знал!—И он безнадежно махнул лапищей.

— Так чего вы хотели?

Сиверцев, видимо, проглотил застрявший в горле комок—кадык у него дрогнул,—и заговорил торопливо, помогая себе руками, словно боялся, что не успеет договорить:

— Попугать я хотел, того, однорукого! Чтобы не задирался! Думал, тряхну лодку, он с лица побелеет, а я засмеюсь и потом, мол, донимать стану. Где встречу, так и попомню, как он от толчка с лица сменился, а еще меня, мол, взгреть собирался!

Я даже растерялся—настолько это дико звучало.

— И ради этого — все?

— А что? Зачем же он меня при бабе позорил?

— Послушайте, Сиверцев, ведь вы женаты?

— Женат. И дочка тоже есть.

— Вот, вот. А была бы в лодке ваша дочка—тоже бы так пошутили?

Оглянувшись, Базылев увидел набежавшие на косогор дома деревушки Чувашки, до Тоза оставалось совсем немного. Моторист все так же молча заложил вираж: берега стали описывать круг. И вдруг, удар, треск, чей-то вскрик— и все оказались в воде. Просто сидели на скамейках, под ногами было дно лодки, и вдруг его не стало.

Солдат вынырнул сразу, оглянулся—его уже отнесло от отражателя, на который налетела лодка. Рядом плыла белая панамка девочки, и он нырнул туда под панамку, где в зеленоватой мути белело платьице. Рывок, еще рывок — подхватил ребенка и вынырнул — отражатель был теперь уже метрах в ста.

С берега наперерез ему шла лодка, на носу которой стоял с шестом шорец.

— Эй, эй, давай сюда-а!—летело над головой солдата.

Чувствуя, что ноги сводит судорогой—майская вода была нетерпимо ледяной—солдат с девочкой начал грести в сторону лодки. Метрах в тридцати впереди размашистыми саженками плыл кудлатый моторист. Лодка шла к нему, и лишь когда моторист влез в нее, повернула к полузахлебывающемуся солдату—он держался из последних сил.

— Да ты, парень, с ребенком?—удивился шорец.—Чего молчал?

Девочку подхватили, и тут острая боль пронзила поясницу солдата. Он погрузился в воду, прошел под другим отражателем, вынырнул еще раз, опять ушел под воду и поплыл, широко раскинув руки и уже не видя, что немного в стороне несет захлебывающегося Базылева и вцепившуюся мертвой хваткой в его шею женщину...

Я дописал протокол, но Сиверцев его читать не стал:

— Не могу—верите?—не могу. Как девчонку-то откачали, она как закричит: «Мамынька! Мамынька!» До сих пор этот крик слышу.

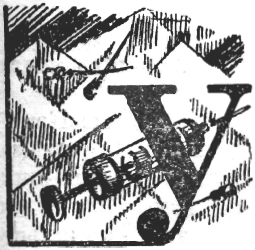
Я пододвинул к нему протокол.—Подписывать-то надо, Сиверцев!

— Да я вам что хотите подпишу, только бы крика этого не слыхать.

— Эх, сказал бы я вам, Сиверцев, кто вы есть, да жаль, должность не позволяет!

Он криво усмехнулся:

— То ли я сам не знаю? Давайте, где подписывать?



В. РУДИН

ПАХУЧАЯ ТРАВА — СЕРАЯ ЧУМА

У этой девушки, которая понуро сидит передо мной, красивое и нежное имя: Катюша. Она и сама совсем недавно была, видно, очень красивой. Отчего так пишут: неброская русская красота? Не знаю... Начнешь разбирать все по отдельности—какие глаза, да какой нос, лоб, овал лица... Вроде бы ничего особенного. А все вместе сложилось — прелесть девушка! И волосы с золотистым отливом. Вот только кожа на лице увяла, посеклась, желтоватая. И в глазах пустота... А ведь на пять лет меня моложе.

Ох, Катя-Катюша, что же ты с собой сделала?

Ее сейчас «ломает»—это они сами о себе так говорят. «Ломает»—организму нужен наркотик. Потому что Катя-Катюша вот уже год как хроническая наркоманка...

Привел ее ко мне вчера вечером участковый, капитан Филиппов, человек пожилой и добрый, готовый помогать всему белому свету. Завел в кабинет, усадил на стул, а на стол передо мной положил сверток—вот, сказал, Антонина Петровна, смотрите, что она в общежитии держала, в закутке...

В пакете оказались иглы и два шприца с засохшими коричневыми потеками, давно не мытые и не кипяченые. И еще сухой мелкий серо-зеленый порошок в жестяной коробке. Я как глянула, так и ахнула: план! А еще называют — гашиш. Или анаша. Без всякой экспертизы видно.

Спрашиваю:

— Куришь, что ли? Или для продажи?

Она головой замотала:

— Нет, нет, я не торговка, я сама...

— А берешь у кого?

Голову опустила, золотистые волосы рассыпались, лицо закрыли. Молчит.

Ну, оформила я, что положено, отправила Катю-Катюшу в дежурную часть. Я тогда о ней еще ничего не знала, еще жалеть ее не начала—мало ли их, таких вот, гулящих, да пьющих, побывало в моем кабинете за три года, что работаю следователем? Раз я сама—женщина, то начальство и норовит давать мне дела на женщин. Говорит, у тебя с ними, Антонина Петровна, контакт получается. И никто не спросит, чего мне этот контакт стоит!

Словом, теперь я знаю, что Катя-Катюша в школе училась блестяще, если бы не новый директор, быть бы ей золотой медалисткой. В девятом и десятом классах—комсорг школы, в институт поступила легко. В какой именно, я думаю, не так уж важно, я ведь рассказываю о живом человеке, зачем ее на позор выставлять...

Вот там, в институте, на втором курсе все и началось.

Собралась студенческая вечеринка, человек пять-шесть, песни пели под гитару, там пошли танцы, пили легкое «дамское» винцо, танцевали. Один из парней пустил по кругу сигарету с «травкой»... Все разгоряченные, взбаламученные; одна из девушек сигарету взяла, понюхала—фу, говорит, какая пакость, что вы, парни, делаете? Ее дружно высмеяли: желторотик! Это только для взрослых...

Катюша два раза затянулась—парни в восторге: «Безумству храбрых поем мы песню!» Ничего теперь не бойся, Катя, сейчас мир преобразится!

В тот раз мир преображаться не захотел — болела голова, во рту было пакостно, тошнило. И была у Кати гордость за себя: вот теперь стала по-настоящему взрослой сама за себя отвечаю. Хочу — и курю, хоть табак, хоть «травку»...

«Преображение мира» началось у Кати после четверто-

го или пятого сеанса: стала она вроде бы невесомой, хотелось смеяться, обнять весь мир... Ах, ребята, хорошо-то как!

Вот уже год, как Катина судьба поломалась: не курить она не может, раз в день надо обязательно. Институт давным-давно бросила, работать не в состоянии, к родителям не едет...

Она смотрит в раскрытое окно, потом на меня — глаза лихорадочно блестят, губы сжаты. Через силу спрашивает:

— В тюрьму отправите?

— А ты чего бы хотела?

— Отпустите меня...

— Сколько без анаши продержишься?

Она смотрит на меня долго, упорно. Чувствую: напрасно обещать не хочет, а за себя поручиться не может.

— Катя, ты всегда берешь ее в одном месте?

Она кивает.

— По скольку берешь и сколько платишь?

— За стакан тетя Дуся берет пятьдесят рублей, его мне надолго хватает, я по многу не курю, так, чуть-чуть подкурюсь, и все...

Я киваю—ладно, сейчас подпишешь протокол, только я адрес тети Дуси не записала. Какой, говоришь, у нее адрес?

— Она живет на Южном поселке, прямо против кинотеатра...

— Вот и молодец, что все сказала. Я тебя, Катюша, в тюрьму не отправлю, повезу в больницу, полечим тебя...

До больницы ехали молча, а там вышла она из машины, увидела вывеску — «Психиатрическая больница»—в дверку вцепилась, шепчет:

— Не надо... Миленькая, товарищ лейтенант, ну не надо в психушку...

Вот когда мне ее жалко стало.

Шофер подошел — вижу, сейчас крик начнется. Говорю ему: погодите, Степанов, не надо, она сама пойдет.—Положила ладонь ей на желтую, худую руку: — Ну, Катюша, ес-

ли хочень снова стать человеком—пойдем. А то в тюрьму придется...

Она и пошла за мной.

Ближе к вечеру позвонил начальник, велел зайти. У него сидел... Ну, не знаю, как сказать... Женщины ведь сразу оценивают мужчину—стоящий, так себе или вовсе никчемный. Этот был очень даже стоящий: лицо спокойное, уверенное, взгляд твердый. Плечи крутые. Одну руку на стол положил, другой папку прикрывает.

— Вот, Антонина Петровна,—говорит начальник,—забирайте Павла Гордеевича к себе, он про тетю Дусю вам расскажет, и готовьте документы. Завтра с утра ехать вам с обыском.

Ага, думаю, значит Павел Гордеевич из угрозыска, только не из нашего райотдела, не то бы я его знала. Помню, съехидничала: неужто угрозыск одним моментом развернулся? А если есть для обыска основания, чего до утра ждать? Едем сейчас!

Начальник плечами пожал—сейчас в прокуратуре уже никого нет, поздно, кто тебе санкцию даст? Да и не пожар, не убийство, чего пороть горячку? Идите, идите.

Павел Гордеевич—формы-то на нем в тот раз не было, звания его я не знала,—встал. Оказалось, моя макушка прямо вровень с его подбородком. Открыл дверь, пропустил меня. Вот, думаю, какой галантный. Даже неловко как-то, на следственной работе частенько приходится забывать, что ты женщина. Иной раз в такие дебри залезешь...

Пришли ко мне, и развернул Павел Гордеевич такую панораму—как говорится, волосы дыбом.

Тетя Дуся—Евдокия Васильевна Шкоркина—живет одна, ни мужа у нее, ни детей, а приходящий сожитель, забулдыга и пьяница, не в счет.

Вот уже много лет бездельничает, а живет, словно сыр в масле катается. Приехала с Севера, там работала в торговле, пенсионный стаж оттуда привезла, но по возрасту

на пенсию еще не тянет. Денег у нее полным-полно, она и в долг дает, не всем, конечно, только тем, кто у нее в чести. Ездит время от времени куда-то в Казахстан, там у нее родич. Привозит оттуда «травку». И ходят к тете Дусе за этой «травкой», считай, со всех концов города. Соседка по дому показывает—на неделе парень лет двадцати ломился к тете Дусе в дверь, кричал: «Пожалей, стерва, продай хоть на закрутку, не могу я больше!» Когда на цементный пол на площадке перед дверью сел и заплакал—тетя Дуся сжалилась: вынесла что-то в конверте и три десятки с него взяла...

— Ну, что будем делать?—посмотрел на меня Павел Гордеевич, а глаза у него хорошие, добрые,—как же он, думаю, со своей добротой в угрозыске управляется?

Говорю:

— Вы мне всех соседок назовите, кто про Шкоркину рассказал, я их после допрошу, а то ваши данные для суда законной силы не имеют, вы же знаете. Завтра утром буду в прокуратуре, получу санкцию, и можем сразу ехать на обыск.

— А если ничего не найдем?—глянул он на меня, и я подумала: точно, что добрая душа! Это он за меня беспокоится, чтобы не получилось необоснованного обыска.

— Когда тетя Дуся последний раз ездила в Казахстан?

— Только что вернулась. Оставляла ключи соседке, чтобы та поливала цветы.

— Возит-то она наверняка не один-два стакана. Думаю, найдем.

Дверь чуть приоткрылась. Лицо у тети Дуси на удивление белое, щечки пухлые, нос для них чуть великоват. Смотрит на нас без удивления, даже нагловато:

— Вам кого?

Говорю—ищем Шкоркину Евдокию Васильевну. Не вы ли будете?

Дверь она держит все так же полуоткрытой, улыбается

игриво — я, а что? Ни в лице, ни в глазах никакой тревоги. Ох, думаю, вот это мы влипли. Неужто она все из квартиры перепрятала?

Павел Гордеевич — он ради такого случая надел форму с капитанскими погонами—совсем спокойно говорит:

— Может, вы нас в дом пригласите, а то неловко как-то получается.

— Мне-то, положим, с милицией разговаривать не о чем, а чего вам от меня надобно, в толк не возьму... — А сама за дверь так и держится.

Тут я сообразила: хитра тетя Дуся! Ох, хитра! Это она для кого-то говорит! Кто-то там, в квартире, есть и он может выбросить анашу через балкон на улицу... Обернулась к капитану:

— Быстро в квартиру, Павел Гордеевич, хватит разводить церемонии!

Как я это сказала, тетя Дуся хотела было дверь перед нами захлопнуть, да не получилось. Капитан мгновенно двинул плечом, дверь распахнулась, и мы, проскочив прихожку, оказались в комнате. Она была очень светлая — от солнца, от белой крахмальной скатерти на столе, от лежащих повсюду белых салфеток и салфеточек.

У полуоткрытой двери на балкон стоял мужчина—лицо красное, испуганное.

Хозяйка теперь не улыбается—стала в дверях, за нами. Лицо скучное, нос еще больше выдался вперед—ну чистая щука!

— Вы,—говорит,—не смеете применять силу! Вам еще отвечать придется! Я этого так не оставлю. А вы, Валентин,—это она мужчине,—идите, мы с вами в другой раз договорим...

Валентин ухватил коричневую хозяйственную сумку—и к двери. А я говорю капитану: подержите-ка его, Павел Гордеевич, пусть с нами пока побудет.

Павел Гордеевич ему дорогу заступил — ваша, спрашива-

ет, сумка? Поставьте-ка ее на пол, к стенке, а сами пока на диванчик присядьте. Вот так.

Милиционер, что с нами приехал, привел понятых — двух женщин, что сидели во дворе на лавочке. Села я за стол, достала постановление, объявила хозяйке: по уголовному делу о незаконном приобретении, хранении и сбыте наркотиков получена санкция прокурора на производство у вас, гражданка Шкоркина, обыска в целях изъятия наркотических веществ. Предлагаю выдать добровольно все, что есть.

У Шкоркиной щечки затряслись от гнева:

— Понятия не имею, о чем вы говорите. А еще женщина!

Пожимаю плечами—при чем тут женщина? Что за логика? Обернулась к капитану: ну, раз не хочет отдавать, будем искать сами.

Подняли диван—пусто; в шифоньере тоже ничего. Шкоркина смотрит безразлично, однако, чувствую: безразличие напускное, деланное. Капитан говорит: тут вроде искать негде, не в часах же настенных! Пойдем на кухню?

Глаза у щуки чуть блеснули...

— Нет,—отвечаю,—давайте еще поищем здесь,—и берусь за дверь балкона. И тут же слышу голос щуки:

— Отдам! Все отдам! Так и запишите: сама отдала!

Между внутренней и наружной балконными дверьми оказался большой целлофановый пакет, в нем серо-зеленый комковатый порошок. Килограмма три, не меньше... Беру пакет, иду к столу писать протокол. Вижу, мужчине, что сидит на диване, совсем не по себе. Ну, думаю, погоди, сейчас и до тебя доберемся...

Женщины-понятые чинно сидят у двери на стульях, перешептываются. Спрашиваю: вам что-то неясно, гражданки понятые?

Одна удивляется:

— Из-за этого порошка и весь сыр-бор, чего в нем страшного-то?

— Вот-вот, как раз из-за него, знаете, сколько от этого порошка выручки у вашей соседки?

Женщины переглядываются: какая же тут может быть корысть? Травка, должно быть лечебная, для страждущих.

— Страждущим — это точно. И по полста рублей за стакан, а в пакете таких стаканов тысячи на полторы... Так,— толкую,— Валентин?— И гляжу на задержанного мужчину.

Он молчит, только лицо пылает.

— Ладно, вынимайте, что у вас там в сумке. Кладите сюда, на стол!

Он нехотя достает пакет, тоже целлофановый, а в нем все тот же порошок. Не меньше килограмма.

— Это вы Шкоркиной принесли или у нее взяли?— спрашиваю.

— У нее взял...

— Расплатились?

— Расплатился наполовину, остальное в долг.

— После реализации?

Молчит.

— Сколько же отдали?

— Двести, столько же должен. Мне за опт скидка; сотнягу прибыли с нее, с тети Дуси, имею.

Женщины у двери пораженно ахают: а мы-то, дурехи несмышленые, думали...

Я оформила, какие нужно, бумаги, кивнула тете Дусе: собирайтесь, мол, поехали.

Та аж побелела:

— Куда? В милицию? Не поеду! Нет у вас таких прав! Из-за поганой травы—да чтобы в тюрьму? Не поеду!

Павел Гордеевич поворачивается к милиционеру:

— У вас где наручники?

Тетя Дуся вздрагивает: наручники? Изверги! Разве можно этак—с женщиной?

Павел Гордеич — спокойно так:

— А что же с вами делать, Евдокия Васильевна, если

вы русских слов не понимаете? Еще и протокол оформим — сопротивление властям...

Она головой затрясла: нет, нет, не хочу такого позора! Во дворе соседей полно, все увидят...

— Тогда закрывайте квартиру и марш в машину!

Не знаю, почему, но я решила сначала допросить Валентина. По документам он оказался Михаилом, Михаилом Юрьевичем Пахомовым. Давно, после второй судимости вышел из колонии и твердо сказал себе: хватит жить дураком, надо завязывать. И точно — завязал. Женился на хорошей душевной женщине. У Пахомова оказались истинно золотые руки: он стал часовым мастером. Никто не может чинить японские часы «Сейко», а он может...

Сказал об этом с гордостью и улыбнулся криво, отвел глаза...

Пять лет назад с женой на мотоцикле попал в аварию. Сам-то выжил, а жена — нет... Три года жил один, потом познакомился с молоденькой... Ему под пятьдесят, ей — двадцать семь. Вот уж воистину — огонь, не женщина.

— Понимаете? — Он снова глянул на меня: — Чем такую удержишь? Что могу ей предложить, чтобы по сторонам не смотрела? С зарплаты часовщика не больно разбежишься...

— Понятно, — отвечаю, — на анаше, значит, решили подрабатывать.

Он вздыхает.

— Сколько же берете за стакан?

— Стаканами не продавал, закрутками только...

— Выходит, по рублю за грамм?

Он молча кивает, — и вдруг глаза его наполняются слезами. Нет, не часто видишь перед собой плачущего пятидесятилетнего мужчину!

— Я ведь знал, куда голову засунул. Знал, что все равно попадусь, не сейчас, так позже. Я тюрьмы не боюсь, отсижу два-три года и снова выйду... А Лизу больше едва ли

увижу... Она меня ждать не станет, быстро утешится. Она на деньги жадная, на подарки дорогие... С любым пойдет, у кого в кармане шуршит...

— Зачем же с такой связался?

— Где же я в свои пятьдесят сыщу чистую любовь? Не убил бы свою Надежду, жил бы и сейчас, как люди живут, ни анаши бы этой не знал, ни вас вот... Вы человек с понятием, я вижу, а все равно исполните все, что положено по закону, у вас на жалость права нет...

Вот это он точно сказал.

Разговора с тетей Дусей у меня не получилось. О чем бы я ни спрашивала, ответы были — «нет», «не знаю», «никуда» и «ни с кем». А нужно было от нее узнать одно: где и у кого берет эту отраву, эту самую анашу, от которой люди перестают быть людьми, теряют самих себя.

— Не скажу ничего—выйдет мне тюрьма, а скажу—опять же тюрьма. Сама попалась, сама и сяду и нечего тянуть за собой других!

Так я от тети Дуси ничего и не добилась.

В тот день я отложила в сторону все свои дела — их у меня было в производстве шесть—и сделала все, что требовалось. Прежде всего отправила анашу на экспертизу: без заключения эксперта, что изъятый порошок есть действительно наркотик, ни Шкоркину, ни Пахомова не арестуешь, и суд рассматривать дела не станет. По пути поставила вопрос: из одной ли и той же партии анаша, изъятая у Екатерины Крупиной, у Михаила Пахомова и у Шкоркиной? Сообщила в быткомбинат, что часовщик Пахомов мною задержан, чтобы там не потеряли человека.

Экспертиза подтвердила: изъятый у всех троих задержанных гашиш, или—в просторечии—анаша, по составу, влажности и прочим данным, принадлежит к одной партии.

Начальник отделения выслушал меня, прочитал акт, похвалил (удивительное дело: похвалил!) за расторопность, спросил, что буду делать дальше.

Объяснила, что намерена искать клиентуру Шкоркиной и Пахомова, а главное—выявить канал поступления анаши. У нас в Сибири эта индийская конопля не растет, есть она на Северном Кавказе да в Средней Азии. Найти бы поставщика—пусть отвечает перед судом!

Начальник отделения кивает—правильно мыслишь, Антонина Петровна. И угрозыск плотнее загружай, пусть крутятся... Я снова подумала—как же, загрузишь, даже Павел Гордеич куда-то исчез...

В коридоре, у моего кабинета, сидела на стуле женщина. Окон здесь нет, свет с потолка голубоватый, неоновый, лицо женщины белое, неживое, под глазами провалы. Я дверь открыла — она ко мне:

— Вы — следователь Сумина?

— Я, а что? Да вы проходите, садитесь.

В комнате, при дневном свете, женщина оказалась совсем другой: лицо вовсе не белое, в меру, чуть-чуть подкрашенное у глаз, лоб чистый, высокий, прическа со вкусом, платье сидит ладно... Правда—красивая...

— Слушаю вас...

— Да я из-за Валентина...

Вот те на! Это, значит, и есть Лиза? Спрашиваю:

— Что же именно вас интересует?

— Как что? Он же мне муж!

— Разве? Я с его слов иначе поняла, да и в паспорте...

— А я ему сто раз говорила: давай распишемся! Он сам не хочет!

— Почему же?

— Стар, говорит, я для тебя, все равно уйдешь и штамп в паспорте не удержит. А я от него никуда уходить не собираюсь. Скажу, как женщина женщине: Валентин у меня не первый, я его встретила—уж и забыла, когда была девчонкой... С первым мужем разошлась, дурак он был, пил и

дрался; второй сам ушел... А таких, как Валентин, не видела прежде. Не знала, что так мужчины могут любить, думала, только в книгах да в кино... Знаете, такой, чтобы пылинки с тебя сдувал...

— Ну, понятно. Вы в его квартире живете или на два дома?

— На два. Не хочу к нему перебираться, там все устроено его первой женой, не выкидывать же? Валентину будет обидно... У меня своя квартира, от комбината шелковых тканей, я там мастером работаю. Думаю обмен устроить. А что, серьезные дела у Валентина?

— Серьезные, Елизавета... а как отчество?

— Климовна я, Светлова.

— Ну вот, Елизавета Климовна, дело-то очень серьезное, а подробнее, сами понимаете, сказать вам пока не могу. Права не имею. На волю его до суда отпустить нельзя, а что суд определит, того никто не знает.

— Вон даже как! Не возьму в толк, за что вы с ним так... Он же и на работе, и везде.. Ну честный он! Ни лишних денег с клиента, ни там наценок...

— А подарки он вам часто делал?

— Ну делал, так я же не просила! Он сам. То одно колечко, то другое, то цепочку. И обязательно из золота... Если из-за этого—сейчас поеду, привезу, все отдам! Черта ли мне в этом золоте, если Валентин...

— Нет, Елизавета Климовна, золотые побрякушки—это от боязни вас потерять, преступление же...

— Преступление? Валентин—преступник? Что же он натворил? Я же его люблю, дурака седого!

Лицо померкло, как-то сразу осунулось. Но не плачет, держит себя в руках:

— Видеть-то его можно? Передачи?

— Решим. А вы такой вот порошок у него видели?— и выкладываю перед ней на стол целлофановый пакет.

Она смотрит с недоумением.

— А что здесь?

— Так видели?

— Погодите, дайте вспомнить... Однажды была у Валентина... Мы из кино вышли, лил жуткий дождь, и мы побежали к нему, там рядышком. Во дворе Валентина дожидался какой-то парень... Здоровенный, взъерошенный, с мокрой головы вода течет, глаза, знаете... как у сумасшедшего... Увидел нас—кинулся... Я в первый миг не поняла что к чему, даже испугалась. Валентин говорит—в другой раз, парень! Не сейчас! А тот затрясся—сейчас, сейчас, спаси! И пошел за нами.

Тогда Валентин ему такого порошка и отсыпал. В бумажный пакетик...

— А деньги взял?

— Нет, нет... Он тогда сказал—иди с богом, все остальное потом. А что это—«остальное»—не знаю.

Мне было непонятно, почему он по документам—Михаил Юрьевич, а зовется Валентином. И на следующем допросе начала с этого: почему?

Оказалось, он по рождению и есть Валентин, а отчество не Юрьевич, и никакой он не Пахомов. Отцова фамилия Сизых. И первая судимость под именем Валентин Сизых, и вторая. А когда решил стать новым человеком—все сменил. Фамилию и отчество взял от деда, отца матери. Из родных мест (он алтайский) перебрался в Кузбасс, подальше от старых дружков. А однажды—лет семь назад было—идет по мосту через Искитимку,—Гусь навстречу:—Валя! Корешок! Родной! Они с этим Гусем, Витькой Гусаровым, в одной колонии отбывали по второй судимости, спали на соседних нарах... Правда, Гуся через два месяца снова замели, он так и не мог остановиться.

Не стало Гуся, а старое имя Пахомова—Валентин,—как тогда, на мосту, всплыло, так за ним и осталось, только жена-покойница все Мишей называла.

— Хорошо,—говорю,—тут мне все понятно. А скажите, где берет анашу Шкоркина?

— Она каждые два-три месяца ездит в Казахстан. У нее там племянник, Степан, думаю, он ее и снабжает.

— Думаете, или знаете точно?

— Откуда же «точно»? Я при этом не присутствовал. Просто мне Шкоркина как-то сказала: за племяшом должок, а у него денег не было долг вернуть. Так он «натурой» рассчитывается. Хоть и опасно, но ему и ей выгода. Там, в Казахстане, за пять сотен три килограмма идут, а тут за них полторы тысячи выручает.

— Значит, племянника зовут Степаном, а живет где, не знаете?

— Где-то под Алма-Атой.—Он немного замялся, а потом тихо так говорит: — Спасибо вам, гражданин следователь. Мне Лиза передачу принесла, записку передала. Написала—вы разрешили. Не ждал... Честное слово, не ждал.

— Чего не ждали? Что я дам разрешение или что Лиза ваша придет?

— И того не ждал, и другого...

— Да Лиза ваша все колечки нам принесла. На черта мне, говорит, это золото, если я из-за него лишилась Валентина? Дурак седой, что же он натворил?—вот что она сказала.

Валентин медленно поднялся, губы запрыгали:

— Ну, гражданин следователь... Ну, гражданка... Ну что же вы такое говорите? Ну, может ли мне быть прощение, если все так?

Шкоркину я вызвала сразу же, как увели Пахомова. Она села в углу, на привинченный к полу табурет, аккуратно уложила на колени пухлые белые ручки, уставилась светло-голубыми глазами куда-то вдаль, словно рассматривала за моей спиной что-то очень интересное....

Вопрос у меня к ней был совсем невинный: есть ли у нее сестры и братья? Она пожала плечами—есть, а что? Я объяснила, что для анкеты нужно перечислить всех. Она снова пожала плечами, скучно ответила, что сестер нет, а

брат умер лет десять назад, когда она была на Севере.

— Где работал брат?

— Да зечем вам это? Какая вам разница? Умер же он?

— А я запрошу справку о смерти, вложу ее в дело, и суд вам никаких вопросов о брате задавать не станет. Понятно?

Она неохотно рассказала, что брат, Жабин Иван Васильевич, жил в Новосибирске, работал шеф-поваром в железнодорожном ресторане. Умер прямо на работе, от разрыва сердца...

Я все записала, спрашиваю: брат у вас Жабин, вы— Шкоркина. Почему так?

— Шкоркина я по мужу... Теперь уж и не знаю, где он. Я от него на Север уехала.

— Ладно,—говорю,—а у брата дети остались?

Она на меня посмотрела—внимательно так, пристально. Потом губы поджала, глазки в пол. Молчит. Ну, думаю, вот и все.

— Выходит, Жабин Степан Иванович—ваш племянник?

— Какой еще племянник? Никого не знаю!—И смотрит на меня в упор, и глаза злые-презлые.

— Ну тот, что живет в городе Чу, под Алма-Атой.

— Не знаю я никаких племянников!

— А я вот привезу его сюда под конвоем, устрою вам с ним очную ставку—тогда и посмотрим, кто кого знает, а кто кого не знает!

— Ах, что же за бессердечный такой человек? А еще женщина!

— Ну, это я уже слыхала.

Подписывать протокол Шкоркина отказалась. Объясняю: это ваше право. Сделаю сейчас отметку, только это дела не изменит. А я ведь знаю, чего это вы, Евдокия Васильевна, заартачились. Ведь жареным запахло, а? Я еще главного вопроса не задала, а вы уже переполошились...

— Какого такого главного?—и лицо у нее стало краснеть.

— А того самого, о котором вы сейчас подумали... Но я его оставлю до другого раза. Понимаете? Надо еще кое-что выяснить.

Я не видела Катю четыре дня. Теперь, когда пришло заключение экспертизы, а врачи признали ее хронической наркоманкой, ей следовало предъявить обвинение, и я поехала к ней в больницу.

Одетую в застиранный, блеклый, но опрятный халатик, в тапочках на босу ногу, ко мне, в кабинетик ординатора, ее привела грузная, флегматичная женщина, глянула безразлично на мои лейтенантские погончики, объявила:

— Замкну тебя с энтой девахой на ключ, как тута положено. Как с ей разберешься, позвони, я приду, заберу.

В белой, маслом крашеной двери резко щелкнул замок.

Катя медленно, словно в полузабытьи, присела к столу. Придвинула к себе постановление, читала его невыносимо долго, потом спросила, что же с ней теперь будет? Мои объяснения—что суд, видимо, определит ей принудительное лечение—слушала недоверчиво, и что меня удивило: после первого допроса осталось во мне убеждение, что она со мной откровенна и что контакт установился. Что же могло измениться за четыре дня? Но допскиваться не стала, подумала: само собой выяснится, не сейчас, так позже. Задала, как положено, вопрос, признает ли себя виновной? Смотрю—у Кати на лице кривая усмешка:

— Какая же моя вина? Я вам прошлый раз сдуру поверила, думала, добра мне желаете, выложила все, а вы воспользовались... Нечестно...

Вот те на! Катя,—спрашиваю,—да очнись! Чем же я воспользовалась?

— А как же, если бы я вам про тетю Дусю не рассказала, ничего бы вы со мной не сделали, отпустили бы — и все. За травку же, что курю, нельзя судить. А теперь выходит групповое дело...

И смотрит жалостно, и горечь в глазах. Кто же ей, думаю, наплел такую ахинею? Ладно, после доищусь, кто тут, в больнице, такой умный! Объясняю:

— Группового дела для тебя как не было, так и нет, а статья твоя—за то, что покупала и хранила наркотики, притом постоянно. За это положен суд. Я ведь только следователь, сама законов не издаю, лишь исполняю. А тебя лечить надо, понимаешь?

Она склонила голову, в глазах неверие:

— Раз лечить—зачем обвинение?

— Так процессуальный кодекс определяет. У тебя же не просто лечение, а принудительное, по суду.

— А если суд вместо лечения—да в колонию?

— Суд может решить по-разному, на то он и суд, а надеяться будем на лучшее. Ну-ка, возьми постановление, прочти еще раз: там есть про сбыт? Или только про то, что сама курила?

Она снова принялась читать—водит дрожащим, желтым пальцем по строчкам, губы что-то шепчут... Наконец вздохнула:

— Так вы меня не обманываете? А правду говорят, будто вам, следователям, дают премии за групповые дела?

Смеюсь:

— Ну, Катя, ты меня удивила! Кто тебе такое наплел?

— Да тут много доброхотов...

— А ты и уши развесила!

Словом, расписалась она и в постановлении, и в протоколе, потом спрашивает, вы у моих родителей уже побывали? Узнав, что не была и пока не собираюсь, стала просить:

— Не надо к ним ездить, ну пожалуйста! Им будет совсем худо... Отец старый, на пенсии, всю жизнь ребят в школе учил. И мама... Она тоже учитель и еще работает, хотя и плоха здоровьем. Они ничего про меня, ничего не знают. Я им пишу, что институт кончила, работаю... Если

узнают про травку—отец умрет, от одного позора... Я бы им открыточку написала, а вы бы отправили, пусть пока думают, что у меня все в порядке... Можно ведь так? Ну скажите—можно?

— Я, Катя, подумаю. Теперь подожди минуту, позову санитарку...

Едва я появилась в райотделе, позвонил начальник отделения — будто специально дожидался:

— А, явилась! Быстро ко мне!

Вообще-то он у нас не то чтобы добренький: и сам дисциплину знает, и с нас требует. Но—уважительно, без окриков. А тут—«быстро ко мне!» И трубку положил. Что же там такое стряслось?

У начальника вижу Павла Гордеича. Сидит чернее тучи, взбудораженный.

Начальник говорит:

— Антонина Петровна, послушай, что получилось...—и к Павлу Гордеичу:—Расскажи ей!

Оказалось—действительно беда, да какая...

Вот я сказала Кате час назад—я, мол, следователь, закон исполняю. А закон — он и есть закон, каким бы суровым не был. Это не я придумала, это еще из римского права. Но я, служитель закона, не могу оставаться бесстрастным—боль человеческую, страдания и слезы воспринимает мое сердце. Не могу я быть безразличной к тому, с чем соприкасаюсь...

У Павла Гордеича получилось вот что:

Была устроена засада у квартиры Валентина, чтобы выявить его клиентов. Сегодня с обеда замаячила во дворе какая-то взъерошенная фигура: парень здоровенный, волосы растрепанные, неопрятные, глаза суетливые... Сел на скамейку у подъезда, мается.

Тут-то и появилась Елизавета Климовна. Парень к ней, а она его увидела, остановилась—опять, говорит, ты? Зачем

приперся? И так Валентин из-за вашего брата в тюрьму угодил...

А парень ухватил женщину за руку—молчи, такая-сякая! Пошли, я у него возьму травки, там еще осталось, я знаю!

Елизавета Климовна кричит: нет! нет! И была бы—ничего не дам! Руку вырвала — и в подъезд. Парень за ней...

Павел Гордеич заскочил туда секундами позже—и опоздал: парень ударил женщину ножом в спину...

Я растерялась.

— Неужто убил? Как же так?

Павел Гордеич головой качнул:

— Пока жива, вот вам телефон, она в хирургии. Ее сразу, как привез, на операционный стол...

— А парень?

— Что парень? В КПЗ он, только сейчас с ним разговаривать бесполезно, не в себе. Завтра, может, отойдет. А нож вот...—И кладет передо мной финку.

Меня нервная дрожь колотит.

— Павел Гордеич, голубчик, да что же это такое?

Положил он свою руку на мои пальцы — вы же, говорит,—знаете, у наркоманов такая агрессивность бывает...

Что бывает — знаю. И в какие периоды, тоже знаю... А Елизавета Климовна за что попала под нож? Ведь имею же я право сказать завтра Валентину: чего искал, то и нашел, если Лиза твоя умрет — на тебе вина. С травкой начал баловаться — жди беды... И ведь знаю, что права, что справедливые это мысли. Но Валентину все-таки этого не выскажу. Вроде злорадства выйдет... Нет, не скажу.

Парня зовут Сергеем, Сергеем Антоновичем Орловым. Ему двадцать восемь лет. Отслужил армию, был десантником. В декабре 1979 года в первой группе советских воинов высадился в Кабульском аэропорту, когда правительство многострадального Афганистана призвало наших парней себе на помощь.

Там, в Афганистане, прослужил два года, за это время не раз приходилось перехватывать на горных тропах душманские караваны—тащили на себе из Пакистана ленивые верблюды аккуратные тюки с пачками героина в блестящей фирменной упаковке.

Сергей к пачкам относился безразлично: знал, что зло, чума, но в чем это зло—не видел.

После Афганистана работал в прокатном цехе Кузнецкого металлургического комбината. Три года назад был в командировке в Узбекистане, в Бекабаде, на тамошнем металлургическом заводе. Подружился с местными товарищами. Пробыл там долго, больше месяца. Однажды увидел, как курят «травку». Спросил, что это такое. Знакомый, хороший компанейский парень Рашид со смехом объяснил: — Это, Сергей, не для тебя. Мы, узбеки, к травке привычные, на нас не действует, а тебе может быть худо... Сергей не поверил: как худо? Ты куришь, а я не могу? Дай попробую!

Накурился до одурения, но рвоты не было, только утром голова побаливала, к вечеру снова потянуло курить...

Теперь сидит передо мной—высоченный, широкоплечий, растрепанный. Спрашиваю: как узнал, что Валентин торгует анашой?

Оказалось, он еще в прошлом году попытался взять себя в руки: из Новокузнецка перебрался в Кемерово, но все равно толком работать не мог. Так, у магазинов за грузчика ошивался: поднять, поднести, поставить—тем и жил, и дружки такие же, и все покуривали. Потом был миг просветления — куда же ты катишься, парень? Жена забрала двух девочек, уехала к родителям. Стало самого себя стыдно—решил: все, надо браться за ум.

В Кемерово—точно помнит,— почти зиму не курил, месяца три. Худо было до невозможности—вынес. И когда уже совсем поверил, что превозмог себя—опять сорвался...

Однажды в такси услышал разговор водителя с пасса-

жиром, что травку можно достать у Валентина, есть, мол, в городе такой делец. И адрес назвал.

Сергей тогда сказал себе: ни за что не вернусь к старому ужасу! Выдержки хватило на неделю, потом сам себя уговорил: возьму башик, затянусь напоследок и навсегда отрежу. Сходил—с того дня все опять поломалось, полетело кувырком...

Он смотрит отрешенно, руки на коленях стиснул—аж косточки побелели. Он все помнит, и про нож, и как ударил. Когда подписал протокол допроса, сказал с тоской: расстреляйте вы меня, что ли... Я жить не хочу...

Когда на очередном допросе я спросила Валентина, давно ли он знаком с Сергеем Орловым, тот нахмурился:

— И до парашютиста добралась? Знаете, я никогда никого не боялся, а Сергея—да. Он от анаши совсем дуреет. И дать ему страшно, а не дать — еще страшнее. Вы с ним поосторожнее...

Когда за ним пришел дежурный, уже у двери спросил:

— В прошлый раз я писал Елизавете Климовне, просил принести сменное бельишко, а ее что-то нет. Не запретили передачу?

— Нет,—отвечаю,—не запретили...—И рассказала, что произошло: не корила Валентина, не упрекала — просто рассказала. И что Елизавета Климовна в реанимации, уже неделя доходит, а она все без сознания.

Валентин как стоял у двери, так и стоит, побледнел, глаза расширились. Я все сказала, молчу — он стоит. Никак не опомнится. Потом прошептал:

— Этого не должно быть... Гражданин следователь, ну не должно... Зачем же ее? Она же не при чем... Не при чем, понимаете?

Я киваю — ясное дело, не при чем. Им, таким вот, которые с боку припека, обычно и достается больше всех.

— Не могу я... Я пойду в камеру, разрешите?

Я опять киваю—ведите, ведите его, товарищ сержант. И скажите медикам, пусть дадут ему что-нибудь успокоительного.

Нож, отобранный у Орлова, пошел на экспертизу. На десять дней я отложила работу по наркотикам: поджали сроки по другим делам. Павла Гордеича я в эти дни не видела, ему не звонила. Не звонил и он — у него свои дела, не одними же моими наркоманами заниматься. Елизавета Климовна пришла наконец-то в себя, но говорить с ней нельзя.

Потом началась беготня: срочно готовь план по командировке, беги оформлять документы, бери билеты...

До Алма-Аты мы с Павлом Гордеичем долетели прямым рейсом, дальше поехали поездом. В общем-то я до последнего мига не верила, что начальство разрешит эту командировку—могли ведь решить иначе: бери санкцию прокурора и этапируй Жабина сюда! Но я считала, что надо обязательно лететь: ведь у Жабина свои связи, свои каналы, по которым к нему идет анаша, могут быть и разные сбытчики, не одна Шкоркина! Как все это раскроешь отсюда, из Кузбасса?

Словом, я сижу в душном купе у окна, солнце то бьет в него нещадно, то переходит на другую сторону вагона, и я никак не могу прийти в себя от здешних ярких красок, от необычности всего происходящего. Открывается дверь, Павел Гордеич приносит румяные, поджаристые пироги с рисом и яйцами. От пирогов несет теплом, душисто-терпким ароматом хорошо поджаренного теста... Следом в купе заглядывает разбитной малый с жгучими черными глазами, в белом халате—салам, начальник! Я тебе и твоей женщине чай принес! Угощайся — и лучезарная улыбка на смуглом лице... Мы с Павлом Гордеичем в штатском—удивительно, как он разглядел в нем «начальника»?

Начальник горотдела — высокий черноволосый казах в подполковничьих погонах — весело прочитал наши командировочные удостоверения, весело глянул на меня блестящими коричневыми глазами, весело поцокал языком: какая пери! Скажите, капитан — это она вас сопровождает, или вы ее? Я бы с такой пери из командировок не вылезал, правда!

А потом уже спросил: чем же он нам может помочь?

Я объяснила: дело по сбыту наркотиков, у вас живет торговец анашой, сбывает постоянно...

Подполковник вздохнул: анаша — да, такую чуму придумал на нашу голову шайтан... У них, по долине реки Чу, оказывается, дикая конопля растет повсюду, на обочинах дорог, по огородам, на склонах гор. Растет неистребимо, сама собой. Ее и жгут, и утюжат бульдозерами, и перекапывают. А по весне она снова цветет дурманом. Тогда заслоны и патрули наглухо перекрывают тропы и дороги. И все равно кто-то да прорвется. Тут, в городе, многие курят и приторговывают... Так кого вы ищите?

Объясняю — Степана Ивановича Жабина, тетка, мол, к нему ездит, Шкоркина.

Подполковник удивленно переспрашивает, когда она была здесь в последний раз, и склоняется к селектору.

Минуту спустя приходит начальник следственного отделения майор Олжасов. Оказывается, Жабин арестован еще в январе, арестован именно за сбыт анаши, тогда же был осужден и сейчас находится в колонии. Шкоркина по делу не проходила: они тут, в горотделе, и понятия не имели, что Жабин сбывал анашу еще и через свою тетку...

Вижу — зря мы приехали. Надо было просто запросить: так, мол, и так, сообщите, что вы знаете о Жабине и его дружках...

Павел Гордеич между тем спрашивает—к кому же тогда могла приезжать Шкоркина? Ведь анашу мы у нее

изъяли, и ездила она сюда, к вам, два месяца назад, у нас данные верные.

Подполковник, начальник горотдела, развел руками:

— Я и не спорю, что была и что анашу брала. Но не у Жабина: он раньше осужден. Потому и спрашиваю, чем могу быть полезен товарищам Кузбасса?

Нам отвели довольно большой кабинет с двумя окнами и одним столом.

Павел Гордеич сказал, что заглянет к своим коллегам, в угрозыск. Мне принесли уголовное дело Жабина. Симпатичный сержант-казах притащил огромную пишущую машинку, водрузил ее на стол — трудитесь, товарищ лейтенант!

Не буду перечислять, какие документы я перепечатывала: юристы и так знают, а не юристам это в общем-то безразлично. Но, печатая, я то и дело посматривала на часики. Прошел час — Павла Гордеича нет. Другой — нет. Понимаю, что человек занят делом, что приехал не для того, чтобы сторожить меня. Понимать-то понимаю, но странное дело — в душе досада: бросил тут одну.

Он явился еще через час — озабоченный, недовольный. Объяснил, что Жабин сейчас в колонии, в соседней области, километров за пятьсот, и он туда едет. За два дня обернется.

И он уехал, и я два дня, до субботы, жила спокойно.

Пришла суббота. Все бумаги, которые отпечатала, положила в папку: у меня есть такая, коричневая, плотная, с отжимной пружиной, очень с ней удобно. С утра думала: явится Павел Гордеич, позавтракаем — и на вокзал: авиабилеты из Алма-Аты я заказала на воскресенье. Но к завтраку Павел Гордеич не появился. Я то сидела у окна маленького номера гостиницы, то лежала на широкой, почему-то белой деревянной кровати, смотрела в высокий с ма-

ленькими трещинками потолок... На улице было нестерпимо жарко, но в комнате стояла прохлада.

Часов в двенадцать не вытерпела — пошла в горотдел. Спросила дежурного, не знает ли, когда вернется капитан, что приехал со мной? Дежурный ответил, что Павел Гордеич звонил и просил передать, что вернется вечером, вам же домой без него посоветовал лететь, он еще тут задержится.

Вот это шуточки! Без него! Что же он такое раскопал, что должен остаться?

Павел Гордеич пришел ко мне в номер вечером. Взял стул, сел у темного распахнутого окна. По его осунувшемуся усталому лицу и твердым морщинкам в уголках губ поняла: произошло что-то серьезное.

— Вот такие тут пироги,—сказал спокойно, словно равнодушно.

По приезде ему, оказывается, допросить Жабина откровенно не дали. Начальник колонии куда-то названивал. Потом объявил, что без ведома прокурора разрешить допрос Жабина не может. Прокурор тоже куда-то звонил, заявил, что нужно разрешение прокуратуры республики.

Я представила себе, какими глазами смотрел Павел Гордеич на чиновников в мундирах, ведь они хорошо понимали, что творят произвол.

На другой день Павел Гордеич позвонил в Алма-Ату, в угрозыск республики. Его спросили: зачем вам, товарищ капитан, лезть в это дерьмо? Оставьте в колонии вопросы, Жабина допросят, получите готовый протокол...

Павел Гордеич усмехается:

— А я им отвечаю: ладно, согласен. Только позвоните в колонию, а то здесь со мной и говорить не хотят.

После этого от начальника оперчасти колонии и узнал, что кроется за всем этим. Оказывается, Жабин сбывал анашу не один, была у них целая группа. Одни собирали ко-

коплю, другие перерабатывали, третьи продавали. Был в той группе парень, мать которого при высокой должности в горисполкоме. Когда началось следствие, Жабин на первом же допросе все выложил — думал: того парня тронуть не посмеют, значит, и он выкрутится. Переполох и в самом деле поднялся — выше некуда, но результат вышел не тот, на который рассчитывал Жабин. Его обвинили в том, что он умышленно чернит уважаемых людей. Клевещет! Словом, под суд пошел один Жабин.

Начальник оперчасти тоже позвонил кому-то в Алма-Ату, а потом вызвал в свой кабинет Жабина и сказал ему, что я из Сибири и хочу с ним потолковать, добавил, — говори смело, как мне рассказывал и ничего не бойся! Жабин тогда усмехнулся и заявил, что ему бояться нечего, свой, мол, срок он оттянет, а выйдет, тогда кое с кем посчитается.

Рассказывая, Павел Гордеич встал со стула, пошел неслышно по толстому ковру — высокий, плечи крутые, а в глазах горечь...

— Понимаете, Антонина Петровна? Шкоркина опознать никого из банды не может. Они как делали? Шкоркина перед выездом шлет до востребования телеграмму на какого-то Жубаева или Жабарова: «Приеду двадцатого». А кто они такие — Жубаев и Жабаров, ведать не ведает. На вокзале ее встречают, отдают пакет с анашой, забирают деньги, вручают обратный билет. Она уезжает, даже в город с вокзала не заглядывает. Год этот канал действует, а Шкоркина так Жабина и не видела. Жабин говорит — так придумал Нигмат, у которого мать в горисполкоме. А кто носил на вокзал пакеты с анашой, брал у нее деньги, покупал Шкоркиной билеты, этого и Жабин не знает. Жубаев и Жабаров, на которых Шкоркина давала телеграммы, тоже лица подставные...

— Действительно, дела,— говорю.— А протокол где? Мы этим показаниям дадим ход через Москву.

Павел Гордеич — с горечью:

— Ничему мы с вами пока хода дать не можем! Вы разве не поняли? Был откровенный мужской разговор. Без записи. Когда Жабина увели, мне начальник оперчасти сказал: «Оставляйте ваши вопросы, допросим Жабина без вас и протокол пришлем». А я говорю: давайте, Жамал Нуриевич, сделаем это вместе, чтобы вас не подвести. А он этак на меня глянул — глазищи черные, раскосые, бешеные: чем же вы меня можете подвести? Я за показания Жабина ответственности не несу, вопрос в другом: куда вы с этими показаниями потом денетесь? Сюда же и пришлете, в МВД республики, так ведь? А что тут с этими показаниями сделают — понимаете? Так зачем же ломать комедию? Будто вы что-то расследуете? Будто ваше следствие кого-то изобличит, будто виновные предстанут перед судом?

Павел Гордеич смотрит на меня — улыбка косая, уголком рта, я такой у него еще не видела.

— И все же я договорился с Жамалом Нуриевичем — во вторник приеду, оформим протокол вместе. А в понедельник потолкую тут с ребятами. Надеюсь, не все же они послушно руки по швам держат перед исполкомовским начальством. А вы, Антонина Петровна, отправляйтесь завтра первым автобусом в Алма-Ату, к рейсу успеете. Ей-богу, поезжайте, хоть за вас у меня душа не будет болеть, как вы тут одна... — И снова глаза стали у него добрые, теплые...

Дома, оказывается, третий день льет дождь. Сыро, холодно.

Первым делом звоню в больницу: может, со Светловой можно встретиться? Женщина, снявшая трубку, пошуршала страницами журнала, переспросила недовольно:

— Так вас кто интересует? Елизавета Климовна Светлова? Не встретитесь теперь. Умерла она сегодня ночью.

Какой буднично-безразличный голос у этой женщины. Привыкла, видно, к чужим смертям...

Вот и вторник на исходе, а Павел Гордеич так и не дает о себе знать...

Звонок раздался уже в семь—резкий, настойчивый. Междугородный. Хватаю трубку — Павел Гордеич. Голос у него сильный и радостный. Будто не за тысячи километров от меня, а совсем близко:

— Ну, наконец-то! Здравствуйте! Третий раз вызываю, никто не отвечает! Боялся, ушли уже!

Весело кричу в трубку:

— Здравствуйте! Никуда не выходила, ждала! Где вы? В Алма-Ате?

— Так точно, прилечу завтра. Привезу протокол, племянник про тетку все выложил...

— Хорошо! Я рада!

Минутный разговор...

Я знаю: у меня нет права на личную ненависть к Шкоркиной. Но если честно — ненавижу ее. Ненавижу эти пухлые щечки, узкий лобик и тяжелый нос. Ненавижу ее грузную, необъятную фигуру. Ненавижу, когда вежливо задаю обязательные вопросы и когда записываю ответы.

Час назад она прочитала постановление о предъявлении обвинения, заключение экспертизы, показания Валентина и протокол допроса Жабина, что привез Павел Гордеич. В нем подписи Жабина и начальника оперчасти колонии подполковника Сыздыкова. Шкоркину сразило именно это: она, оказывается, и не думала, что племянник арестован и осужден. Рассказывать о нем не хотела, чтобы не накликать беды, а теперь что же плакать по волосам, если голова пропала?

Она рассказывает скучным, занудным голосом, а я пишу, пишу.... Да, ездила в Казахстан, давала заранее телеграммы, и ее встречали, всегда разные люди, иногда совсем

молодые, иногда пожилые; она отдавала деньги, пятьсот рублей за пакет, ее ни разу не обманули, вместо анаши ничего не подсунули...

За окном сумрачно, небо затянуто низкими тяжелыми тучами — собирается дождь, и я зажигаю свет в кабинете. Говорю:

— Теперь давайте о Валентине. С какого времени он стал брать у вас анашу?

Шкоркина согласно кивает — да, да, пишите: Валентин нашел меня сам весной прошлого года, предложил услуги, мне показалось выгодно. Травку брал регулярно, раз в полтора-два месяца, рассчитывался аккуратно...

Вчера я сказала Валентину, что Елизавета Климовна умерла. Он судорожно вздохнул: воздуха не хватило. Оттянул пальцем ворот рубашки, мрачно обронил:

— И за что меня судьба истязает? Двух таких женщин в могилу свел... Скоро ли суд?

Я помнила, каким он был на первом допросе, как плакал тогда. Теперь смотрел на меня в упор сухими глазами.

Он ушел спокойно, а в камере, к вечеру, не выдержал: была истерика, сердечный приступ, еле его отходили...

Теперь Шкоркина стала перечислять, в какие месяцы и какие суммы приносил ей Валентин, счет пошел на тысячи: за год через него много анаши прошло. Потом все тем же занудным голосом стала называть тех, кто покупал у нее анашу — в стаканах, пакетах и пакетиках. Назвала Катю-Катюшу, назвала еще шестерых. Имен и фамилий остальных не знает, и то хорошо — указала приметы.

Казалось бы, что еще надо следователю? Вину признала, клиентуру назвала. Но побороть в себе ненависти к этой щуке не могу. Не хочу. Обидно, сколько бед от нее людям, а отделается шестью годами, да и те не отсидит, выпустят условно-досрочно за примерное поведение — такие, как она, в колонии тихие.

Пришла экспертиза по ножу и крови на нем. Но Сергея Орлова у меня забирают: материалы на него предстоит выделить, дело будет вести прокуратура, это их подследственность. При последней встрече он рассказал про Валентина: сколько раз брал у него анашу, сколько платил... Тот случай вспомнил, когда в дождь его дожидался, а он с женщиной из кино бежал... Нет уже той женщины. И у меня в ушах все стоят тоскливые слова Орлова: расстреляйте вы меня, что ли...

Обычно я не хожу в суд, когда рассматриваются мои дела, но тут пошла. Напрасно, наверное.

Шкоркина, как я и думала, получила свои шесть лет лишения свободы — слушала приговор стоя, спокойно кивала, чуть склонив голову набок.

Валентину дали четыре года. Он смотрел в зал и никого не видел.

Кате-Катюше определили полтора года заключения и принудительное лечение. Она, видимо, не разобрала, что ее будут лечить, а про заключение услыхала — заплакала в голос: «Мамочка родненькая, да за что же меня?»

Если бы можно было, я бы к ней кинулась, растолковала бы: Катя, да что же ты убиваешься? Вылечат ведь тебя! Но кинуться нельзя, стою недвижимо, а Катя рыдает, ничего не слышит, никого не слушает; милиционер ей воду тянет — она по стакану рукой...

Из зала суда так под руки ее и повели...

Г. ГРАБКО

НЕХАРАКТЕРНЫЙ СЛУЧАЙ

Что же тебя здесь смущает? — майор Носов, не по летам грузный, глянул поверх очков на Диму Мальцева.—Состав преступления налицо, преступник задержан. Возбуждай уголовное дело и передавай к нам, в следствие. А машинку швейную ищи.

— Да тут, Николай Иваныч...—Мальцев, молодой инспектор угрозыска, свою первую милицейскую звездочку получил всего-то неделю назад, и горотдел все еще звал его дружелюбно и ласково просто Димкой.— Тут, Николай Иваныч, случай нехарактерный.

— Нехарактерный? Ты, говорят, на юрфак нынче поступил? Точно? Так вот, Дима, как начнешь изучать уголовное право, обрати внимание: там в учебнике, в самом начале, жирно так напечатано, что уголовная преступность — явление для нашего социалистического общества вообще нехарактерное. А про наркоманию и проституцию много ли у нас газеты пишут? Будто их и нет совсем... Ты вот год в угрозыске крутишься... Есть они или нет их?

Мальцев покачал головой:

— Но послушайте, Николай Иваныч, это же я надоумил этого Юрку Долгих потерпевшей козу подстроить!

Очки на лице майора сами собой съехали на кончик носа.

— Ну, Дима, извини. Тут я ничего не понял!

А дело-то было самое простое.

Долгих, когда сидел в колонии по первой и единственной пока судимости, завел себе заочницу, Бурцеву Анастасию, женщину одинокую и бездетную, года полтора с ней переписывался, и как освободился, так к ней и прилетел. Она приняла, оставила у себя на ночь. Утром все идет ладом — он ей: «Давай поженимся, Настя ты моя дорогая!» Она: «Чего торопишься? Поживи пока, там видно будет...» А Долгих этот от ночной благодати совсем разомлел душой. Ну и ладно, подождать тоже можно...

Ближе к вечеру парень заявился, лет двадцати — Бурцева к нему кинулась: «Заходи, заходи, Миша!» Юрке Долгих объяснила — племянник, мол, пожаловал. Посидели, за знакомство выпили... Время позднее — пора спать. У Бурцевой комната девять квадратов. Племяннику на полу постелила, а Юрку Долгих к своему соседу спровадила — мол, неудобно ей, нерасписанной, при племяннике с Юркой Долгих в одну постель ложиться. Долгих ведь поверил, ушел. А еще через день, когда к Бурцевой ее родня заявилась, Долгих и услышал, как ее сестра спрашивала — что же ты, Анастасия, мужиками так вертишь? С тем спишь и с этим... А ну дознаются?

У Долгих еще терпежу хватило, пока родня водку допьет да пока разойдется. Бурцева, правда, мамой клялась, будто промеж ней и «племянником» ничего не было, но Долгих все равно на этом «племяннике» душу отвел...

Вот когда Мальцев с этим Юркой Долгих разбирался, возьми да ляпни в простоте душевной: подруге надо было засветить за то, что вас двоих стравила, а мужик здесь дело десятое!

Майор Носов кивнул:

— Ну вот все понятно, одно не ясно: машинка-то здесь похищенная при чем?

— А по самому больному месту ей и засветил!

Долгих после того как «племянника» отчистил, от Бурцевой в одном пиджачке ушел, к соседу же, а ключ-то от ее квартиры у него остался. Вот он на другой день без нее,

без Бурцевой, к ней заявился, пальто и шапку забрать. А знал уже, что она шитьем прирабатывает. И подумал: вот я тебе заделаю козу! Прихватил машинку и в снег ее зафуговал, поближе к реке. Пусть, мол, подружка помечется, а уж потом притащу.

Бурцева домой заявилась — машинки нет. Не долго думая — в милицию: кража!

Майор Носов помолчал, отодвинул от себя принесенную Мальцевым папочку.

— И что же ты от меня хочешь?

— Не дело ему опять в зону идти.

— Да? А с фактом как быть?

— С фактом хуже...—Димка выложил на столик перед собой «Комментарии к уголовному кодексу». — Вот тут сказано, что если вещь взята без корысти и с намерением вернуть ее потерпевшему...

— Что ты мне закон под нос тычешь? То ли я его не знаю?

— Но, Николай Иваныч, Долгих сейчас посадить — дважды два! А ведь мы не только карать, но и помогать, воспитывать должны...

— Да? И где ты этому выучился?

— Так все же заборы этими лозунгами заклеены!

— Насчет заборов это ты верно подметил...—Майор Носов впервые улыбнулся.—Если бы хоть половина того, что в лозунгах понаписано, на деле делалось... Значит, считаешь, можно в возбуждении дела отказать?

— Не считаю, а посоветоваться пришел.

— Начальник угрозыска что тебе сказал?

— У нашего Мазуренко одно на уме: «Брось его на кичу, тайгу полоть!»

— И где ты таких слов нахватался?

— Так это не я, это Мазуренко

— Хорошо. Оставь материалы. И имей в виду, Дима: в неудобном положении окажешься. Непосредственного на-

чальника игнорируешь — раз. Невинного сутки в камере продержал — два. Взыскание, считай, себе обеспечил...

— Ну что вы, Николай Иваныч, при чем тут взыскание? У Долгих судьба рушится...

* * *

Был уже двенадцатый час ночи, когда милицейский УАЗик остановился на окраине города у заснеженного обрывистого берега реки. В машине находилось пятеро: водитель, Мальцев, Долгих и двое дружинников. Дружинников Мальцев пригласил как понятых и в тайной надежде, что помогут искать, но те свое дело тоже знали и, нарочито громко позевывая, многозначительно поглядывали на часы: их товарищи давно разошлись по домам. По виду «добровольных помощников» и шофера было ясно, что выходить из теплой машины в заснеженную ночь им совсем не хотелось. «Ладно,— решил Димка, — поищем вдвоем. Если верить Долгих, машинка должна быть неподалеку. Хорошо хоть луна ясная».

Они по снегу соскользнули с обрыва и вошли в чернеющий в темноте кустарник. Пробираясь сквозь кусты и сугробы, Димка тот час же ощутил в ботинках холодное похрустывание снега, а его старенькое — еще отец носил! — демисезонное пальтецо от мороза, казалось, начало потрескивать. Впереди на фоне темной паутины кустов по колени в снегу смутно колыхалась сутулая фигура Юрки Долгих, «Замело, твою мать...— хрипло чертыхался он.— Где-то же здесь она, стерва, сюда я ее с обрыва фуганул...»

Мальцев и Долгих то уходили, вспахивая снег, от обрыва, то снова приближались к нему. Время шло. Холод становился совсем уж нестерпимым... Вдруг Долгих заорал во всю силу легких:

— Вот она, зараза! Вот она, родненькая!

Пошли назад. Теперь впереди оказался Димка. «А ну как он меня сзади машинкой по голове наладит? — огля-

нувшись на высоченного Юрку Долгих, спохватился Мальцев. — Надо бы как-то местами поменяться. Но тогда пыхтящий позади Долгих сразу догадается, что боюсь его... Да и чего ему вдруг махаться захочется?» Мальцев наконец поднялся по снежному откосу наверх и, прислушиваясь к натужному сопению чуть отставшего Долгих, уже не чувствуя ног, пошел к черневшей машине.

Радостно зашевелились, уступая место, дружинники, фыркнул двигатель, и УАЗик, вспарывая лучами темноту, рванулся с места...

В неправдоподобно теплом кабинете глубокой ночью оформили протокол, пощелкали машинкой — исправная. Покурили,..

— Досыпать в КПЗ пойдешь, или еще в городе знакомые есть? — Спросил у Юрки Долгих Мальцев.

— Ну ее, эту вашу камеру, — отмахнулся тот.— У корешей перекантуюсь.

— Твое дело. Распишись в постановлении об освобождении и гуляй. За документами днем придешь: у майора Носова они, понял?

— Годится,— тряхнул головой Долгих и вышел из кабинета.

* * *

Минула неделя. Юрка Долгих в горотдел за документами так и не пришел. Мазуренко, начальник угрозыска, нетерпеливый и желчный, каждое утро вежливо осведомлялся у Мальцева, не получил ли товарищ инспектор весточки от сбежавшего преступника? Так сказать, персонального привета? Или благодарности за проявленное ротозейство и слюнтяйство? Мальцев в душе ожесточился, упреки слушал с горечью. Он не понимал, что такое могло случиться с Долгих? В одно верил: никакого преступления за Долгих по тем материалам не было. И отпустил его тогда правильно... Но майора Носова обходил далеко стороной: почему-то становилось нестерпимо стыдно...

На восьмой день, прямо с утра, Мазуренко собрал отделение, сказал, неотрывно глядя в лицо растерявшегося Мальцева:

— Вчера вечером двое стервецов подпоили в «Ромашке» гэпэтеушника, пошли к нему домой, там еще выпили поллитровку, а как подросток уснул, мазурики унесли из квартиры всякое барахло. Соседка по подъезду видела, как мазурики спускались по лестнице. У которого был рюкзак, смахивает по приметам на Долгих, ростом, цветом волос... Чтобы через час была ориентировка по всему Кузбассу и по соседним областям на задержание твоего дружка. Список похищенного возьми в дежурной части. Иди, а мы тут пока о своих делах потолкуем...

Мазуренко говорит негромко, а у Мальцева в ушах звон стоит. Все в кабинете к нему повернулись, смотрят неотрывно, и в глазах у них видит Димка осуждение... Вот, мол, залетел ты, сыщик... Впредь тебе наука — будешь знать, как жалеть мазуриков... «На кичу их, тайгу полоть!»

Мальцев встал, руки по швам. Сказал громко, отчетливо, как на флоте привык: «Есть составить ориентировку!» — и вышел, ни на кого не глядя.

Пошла у Димки жизнь вовсе не выносимая. По горотделу слоняется, всем чужой. Осунулся. От Мазуренко больше никаких заданий нет, Мазуренко его и подначивать перестал, и словно бы в расчет не берет. Что есть он, что нет, Мазуренко все равно. И вот приходит телеграмма из соседнего города: «Задержан без документов Юрий Герасимович Долгих, ссылается на ваш горотдел, шлите конвой».

Мазуренко подождал, пока Мальцев прочтет, потом пожевал тонкими, бескровными губами, сказал непримиримо:

— Людей для конвоя у меня нет. Езжай сам. Упустишь второй раз — в угрозыске тебе не работать. И вообще в милиции.

* * *

Выехал Димка тот час же, с электричкой. Домой о командировке звонить не стал, чтобы не расстраивать мать: уж очень та всегда за него переживала. С пятого класса, как отец погиб, растила одна, учила справедливости, а эта поездка была как за грехи...

В электричке он пристроился у промерзшего насквозь окна, снял шапку. Ехать предстояло часа два. Было тепло, он, оказывается, сел на скамью, в которой был обогреватель. Потом ему стало жарко, и он расстегнул свое «семисезонное» пальто... Глянул на часы — уже час едет. Интересно, с какими глазами встретит его Долгих? Что скажет? Гад ведь он, мазурик! Бывают же такие люди, добра не понимают и не помнят... Весь мир для них — сплошной обман. Весь смысл жизни — как бы кого объегорить, пока самого не облапошили... Научиться бы понимать их, этих мазуриков, кто из них о чем думает, что в душе держит... Иначе в милиции точно делать нечего...

В дежурную часть приемника-распределителя Долгих вывели в наручниках. Заросший грязной щетиной подбородок, измятые, с пузырями на коленях брюки; плечи обвисли... Жалость вперемешку с обидой начала подниматься в душе Мальцева...

— Что в браслетах-то держите? — Мальцев хмуро посмотрел на конвоира, молоденького, как и сам, сержанта.

— А псих он, товарищ младший лейтенант. В камере головой колотился. Нет, чтоб о деревянные нары — всю штукатурку со стен пообивал. Как же вы его повезете, такого психа?

Мальцев расписался в журнале о получении задержанного, глубоко запрятал в карман сопроводительные документы, кивнул Долгих:

— Давай топай вперед.

— Куда? На вокзал прямиком?

— Нет, я тебя сначала в ресторан свожу, трахнем по рюмашечке за встречу. С радости моей великой.

Долгих опустил голову, толкнул рукой дверь...

* * *

В купе кроме них никого не было.

Они сидели друг против друга, за голым, без салфеточки, столиком, уставившись в подрагивающее отражением черное окно.

— И что за натуры у вас такие поганые? — Не выдержал молчания Мальцев.

— У кого «у вас»? — Покосился на него Долгих.

— У мазуриков. У зэков.

— Зачем сразу всех в мазурики производишь? Есть и путевые.

— Уж ты путевый! Я вон раз по улице иду, в форме, а мимо заключенных везут. В решетку лбами вплющились, орут на меня, матом кроют. А я всего год, как с корабля списался. Во мне не только милицейских — еще гражданских привычек нет. Как был мореман, так им и остался. Чего же меня крыть?

— А все равно не все зэки одинаковые, — упрямо повторил Долгих.— Путевые тоже есть.

— Тогда скажи: что же ты, путевый, после всего, что меж нами было, снова на кражу пошел?

— А доказательства есть? — Долгих уставился в лицо Мальцева тяжелым взглядом.

— Доказательства, брат, суд спрашивает, а я с тобой о совести толкую. Ну нет доказательств, нет. Мальчишка ваших поганых рож не помнит, кто с тобой еще был — не знаем. Тебя одного соседка приметила, да и то со спины. Доказательство, что ли? Краденого-то при тебе нет...

Долгих откинулся на спинку сидения, помолчал. Вздохнул:

— Вот, младшой, еще я таких ментов не видел. Все

наоборот делаешь. Открытый ты больно. Добрый. Только твоя доброта мне в прок не пошла. Спас ты меня от залета, а тут свой подвернулся, в одной зоне кантовались. А пить мне совсем нельзя: перепиваю. Ничего потом не помню... Так ведь и первый раз сел. И второй сяду...

— Ладно уж! Хватит в грудь кулаком колотить! Вещи-то где?

— В доме, где тот сопливый живет, в подвале. Костюм там, пальто. Спал я на них, когда из квартиры пьяный свалил. А утром проснулся — веришь ли? — как ошпаренный от них сбежал... Другому никому бы не признался — веришь?

* * *

Майор Носов хмуро полистал документы, глянул на узел у двери кабинета.

— Все, что ли, похищенное нашел?

— Ну как же все, Николай Иваныч? Только то, что Долгих брал. Остальное у его дружка, искать придется.

— Так Долгих его назвал, дружка?

— Назвал, сказал, где искать. Завтра поеду.

— Вот уж точно — нехарактерный случай. А скажи, Дима, чего это ты от меня все прятался? На той неделе? Неужто совесть мучила?

С. ПОПОВА,
капитан внутренней службы

ШЕЛ АПРЕЛЬ...

Выйдя из управления, Кравцов невольно зажмурился. Весна носилась в воздухе, слепила ярким светом, ласкала теплым ветерком. Но ему весь этот весенний мир с веселыми ручьями, неумытыми палисадниками, с облупившимися за зиму домами казался неряшливой декорацией. Смотреть на него не хотелось. Не было в душе ни гнева, ни ярости, только боль и горечь от сознания собственного бессилия и полной безысходности.

Этот разговор в отделе кадров областного УВД, похоже, доконал его.

Инспектор-куратор, молоденький лейтенант, вызвавший Кравцова из его глубинки, даже не предложил сесть. Пренебрежительно полистал личное дело, будто там сплошной негатив, а не перечень поощрений. Правда, есть в последней аттестации и такие формулировки: «излишне прямолинеен», «проявляет высокомерие...», «конфликтный». Только появилась эта аттестация всего месяц назад. Вник бы ты, лейтенант, что к чему... Не захотел. Сказал скучно:

— Ну что же, взысканий нет, а жалоб и сигналов — вон их сколько! До каких же пор я должен вас спасать, товарищ майор? Последнее время руководство только вами и занимается. А вам все неймется. Ваши коллеги тоже большие дела раскручивают, однако жалоб нет. Во всяком случае, не в таком количестве.

Кравцов, стоя навытяжку перед мальчишкой, пытался объяснить:

— Но вы-то к нам приезжали, знаете обстановку. Не во мне же дело. И другой действовал бы точно так же. Мы ведь с вами для этого и поставлены...

Инспектор поморщился — откуда было знать Кравцову, что после возвращения лейтенанта из той поездки в район начальство впаяло ему: не справился с миссией миротворца! Не знал Кравцов и последнего наказа шефа: «Слишком много шума. Осади Кравцова!»

Кравцов видел лишь бело-голубые глаза молодого инспектора, уже научившегося глядеть вроде бы сквозь тебя, и слышал его ровный, без модуляций голос, выражавший полнейшее неудовольствие:

— Вам уже было сказано, товарищ майор, что методы вашей работы носят авантюрный характер. Вы что, не согласны?

— Не согласен! Вы ведь хотите, чтобы я отступился? Этого хотите? Так скажите прямо: кончайте ловить жулье, товарищ майор! Это жулье вам не по чину! И делу конец. По крайней мере, прямо и честно.

Лейтенант встал. Лицо его порозовело, но он сдержался, не вспылил:

— У всякого терпения есть предел. Вы свободны, товарищ майор. Я вас предупредил последний раз.

...И теперь, шагая по весенней хляби к гостинице, Кравцов думал: неужто это — конец? Его просто принуждают капитулировать! Да, крепко ты за меня взялся, товарищ Снетков. Обещал в бараний рог согнуть — вот и гнешь...

А все началось с письма. Оно было местное, написано торопливо, печатными буквами, на мятом листке бумаги и без подписи: «Пусть начальник БХСС Кравцов поторопится в совхоз «Гуляевский». 15 октября в 4 часа будут выда-

вать деньги шабашникам. А их бригадиры станут отнимать. Будет драка».

Пятнадцатого письмо и пришло. Кравцов взглянул на часы: половина первого. Долгонько письмо шло, а еще дольше его, видно, носили в дамской сумочке или в кармане пальто, вон какой затертый конверт. Видно, все не решались отправлять. «Будет драка» приписано другими чернилами.

Все эти нехитрые умозаключения заняли у Кравцова ровно столько времени, чтобы на два раза прочесть письмо, осмотреть внимательно и снова вложить в конверт. Связался с дежурной частью:

— Оперативной группе, оперуполномоченному Новикову приготовиться к выезду в район!

Тут же доложил начальнику райотдела:

— Товарищ подполковник, срочно еду в «Гуляевский». Есть сигнал—надо удостовериться.

Подполковник Любавин, видно, усмехнулся — голос прозвучал весело:

— Что так срочно? Свинокомплекс украли?

— Драка будет, в четыре.

— Ого! Едешь, значит, на бой местных гладиаторов! Ну, двигай!

Едва Кравцов положил трубку, в кабинет ворвался шофер Белоев:

— Горим, товарищ майор! У меня карданный вал полетел, а все машины в разбеге!

— Да ведь ты только что гонял по поселку,—возмутился Кравцов.

— Так точно, гонял. А сейчас стою.—Вид у Белоева расстроенный.

— Ладно, иди чини!

Теперь надо искать у кого бы перехватить машину. И Кравцов снова взялся за телефон.

В совхоз «Гуляевский» они успели даже раньше четырех, и все-таки опоздали. Следы драки у конторы, где выдавали деньги, были налицо: сдернутая с петель входная дверь, опрокинутая скамья, какие-то втоптанные в грязь бумаги. И зрители, и участники драки еще не разошлись, еще галдят возбужденно...

Кравцов с хода бросил Никонову:

— Иди к ним, да со всеми разом не говори, по одному выслушай, ребята из опергруппы помогут. Давайте, парни!

Сам выскочил из газика (спасибо, пожарный начальник выручил!), побежал по ступенькам конторы и прямиком к кассиру.

— Здравствуйте! Я начальник БХСС Кравцов, вот удостоверение. Мне нужна ведомость, по которой сейчас выдавали деньги наемной бригаде строителей.

Кассир пожала полными плечами:

— А ее главный бухгалтер Сергеева забрала. Над душой стояла. Едва я закончила выдачу, сразу и взяла.

— Ну, ладно. Закройте пока вашу кассу. Надо побеседовать.

— О чем же?

— Да хоть о том, что было здесь час назад.

Кассир замотала головой: «Нет, нет!» Сняла очки, тщательно протирая их, вновь водрузила на нос. С вызовом глянула на Кравцова:

— Мне, молодой человек, еще внучат поднимать надо. Дочь-то у меня разведенка. Да и какой толк от наших разговоров? Разве в одних шабашниках дело? Тут, сынок, высокие шапки щи хлебают. С ними не потягаешься.

Кравцова даже оторопь взяла — вот так! Прямо и в лоб. Знаю, мол, да не скажу, и ты, майор, не встревай, большие шапки не тревожь! До чего милиция докатилась — с нею уже не считаются... Подавил вспыхнувшее раздражение: ладно, во всем потом разберемся, а сейчас что зря копья ломать? Сейчас главное — посмотреть ведомость...

Валентина Петровна Сергеева, главный бухгалтер,—

женщина из волевых и жестких, в совхозе ей перечить и не могли, и боялись: она и с Праховым, директором, держит себя независимо, чему Кравцов еще и раньше удивлялся. Это сейчас Прахов располнел, стал медлительным, резкости с подчиненными поубавил, но еще лет пять-шесть назад был человеком крутым. Валентина Петровна чуть не в рот ему заглядывала. Оно, правда, тоже плохо, когда главбух бесхребетный. Но когда главбух вертит директором — еще хуже, а Валентина Петровна, по всему выходит, вертит...

Валентина Петровна — дородная, с ярко намалеванными губами, встретила Кравцова спокойно. Выслушав его, невозмутимо объявила, что по той ведомости выплачено наемной бригаде Каримова более шестидесяти тысяч рублей, потому и беречь ее будет пуще собственного глаза: при утрате ничем не оправдаешься, своих же денег, возместить в случае чего такую прорву, у нее нет. Потому в чужие руки без постановления прокурора...

Кравцов смотрел с любопытством:

— Вы что же, не знаете, что я начальник БХСС и что ознакомление с бухгалтерскими документами входит в мои служебные обязанности?

— Зачем мне вникать в ваши обязанности? У меня своих по горло...

Кравцов встал, молча глянул на ярко-алые губы толстухи. Только бы сдержаться, не вспылить. Он понял: что-то за этим кроется. Из одной лишь амбиции главбух так нагло держаться не станет...

Праховский кабинет — на втором этаже. Кира — секретарь-машинистка, миловидная, веснушчатая, вечно чем-то занятая: не пишет — так печатает, не печатает, так названивает... Теперь она притихла у окна, на вошедшего Кравцова не оглянулась.

Из-за приоткрытой двери кабинета — голоса. Резкие, громкие. Спор, видно... Кравцов распахнул дверь — у Прахова, оказывается, секретарь парткома Журавский. Тот оглянулся, махнул рукой:

— Давай, Георгий Иваныч, заходи, о тебе как раз спор!

Прахов — невысокий, рыхлый — с неудовольствием хмыкнул:

— Последнее это дело, секретарь, вмешивать милицию в хозяйственные неурядицы. Сам знаешь: есть законы писаные, есть неписаные, а у милиции что, кроме кодекса?

Кравцов, еще не понимая, о чем речь, подсел к длинному полированному столу, сказал осторожно:

— Я неписаные законы тоже знаю и чту, пока они против писаных не идут.

Секретарь парткома усмехнулся:

— Лавируешь, Георгий Иваныч? Что-то на тебя не похоже...

— Не лавирую. Разобраться хочу.

Прахов согласно кивнул:

— Ради бога, разбирайся. По свинокомплексу вон походи. Узнай, сколько он мне нервов и крови стоил. Сборного железобетона и плах — нет, шифера и стекла — нет. На все лимит, за каждым гвоздем в райцентр езжай — кланяйся. Денег в банке полтора миллиона, а взять копейки не моги. А мы все-таки строим. И построим!

— Ну да, так тебе шабашники и расстараются! — Журавский подсел к Кравцову.—Я с самого начала был против. Может, где шабашники и нужны, а у нас — нет! У них душа только о длинных рублях болит. Сливки снимут и испарятся, а нам годами кашляй. Разве у нас своих рабочих рук нет? Есть они, если подумать.

Кравцов вмешался:

— В это я пока не вникал. Пока хочу одно понять: отчего это, как деньги выдаете, так драка? В сентябре так было, в октябре. Почему Каримовские дружки изымают деньги у своих рабочих?

Болезненно морщась, Прахов вздохнул:

— Вот и разбирайся, я к их бригаде касательства не имею. Они работу сдадут, я принимаю, остальное — не мое дело.

— А кто главбуху дал команду — ведомость прятать? Даже мне не показывает.

— Как это прятать? — опешил Прахов.

— Вот так! Я и без ведомости узнаю, кому и сколько заплачено, и у кого отобрали. Но отчего, товарищ Прахов, у твоего главбуха такая власть? Ни закон ей, видишь ли, не указ, ни дело! За твоей, что ли, спиной прячется?

Прахов крутнул телефонный диск. Сказал резко:

— Валентина Петровна, возьми-ка ведомость по бригаде Каримова и зайди ко мне.

Главбуха ждали минут двадцать — не дождались. Вместо нее пришла кассир, молча положила на стол перед Праховым ведомость, молча ушла.

Кравцов улыбнулся:

— А что, товарищи руководители, видно, страшнее этой кошки у вас в совхозе зверя нет?

Для бесед с людьми Прахов отдал красный уголок и комнату ушедшего домой главбуха. К вечеру картина стала ясной: Каримов и два его подручных вытворяли все, что хотели. Четырнадцать членов бригады кормят сами, в совхозную столовую ходить не велят, за еду берут, сколько считают нужным, пишут какие-то отчисления и начисления, за что, куда — непонятно.

Один из шабашников — сумрачный мужик с рассеченной губой,—тиская в руках шапку, в отчаянии сказал Кравцову:

— Хоть посади, начальник, только забери из бригады! Я такого и в колонии не видал!

Мужик оказался алиментщиком. В бригаду к Каримову подался подработать деньгу, чтобы стерве своей, бывшей, значит, жене, не перепало, она их с нынешним своим хахалем все равно пропьет, детишкам ничего не достанется. Хотел часть тех денег положить на двух своих девчонок, а что теперь класть?

Ему начислили три тысячи с хвостиком, он правда на том свинокомплексе пластался от зари до зари. А Азраил, каримовский прихвостень, деньги забрал, да еще по морде врезал. Половину себе оставил, остальное вернул, сказал: тебе, прохиндею, и этого много, все равно просифонишь!

Мужик от горькой обиды всхлипнул:

— Где же она, справедливость-то, гражданин майор? Нет, вы меня заберите от них, раз такое дело!

Кравцов удивился:

— А чего сам не уйдешь?

— Куда же я к чертям собачьим уйду? Каримов паспорт отобрал. Он у всех бригадников паспорта первым делом забирает, чтобы не разбежались.

По ведомости за октябрь в бригаде значилось не семнадцать человек, а девятнадцать: кроме тех, кто работал, Каримова и двух его подручных числились еще некто Темир Челухоев и Селим Тагиров, хотя в бригаде их никто и не знал, и не видел. И деньги им начислены немалые: одному три тысячи триста рэ, другому — четыре тысячи. На месте подписей — каракули какие-то. Кассир, когда ее спросили, не смутилась: за этих двоих получил Азраил Магометов по их паспортам и доверенностям. Где доверенность? У Азраила и осталась, так велела Валентина Петровна по просьбе Каримова. Ну и что, что нарушение? Главбуху виднее. Раз приказала, значит, за свои действия отвечает...

Магометов кипятился, нервничал:

— Чего хочешь, начальник? Я для этих ублюдков и мясо покупаю, хлеб, картошку. А сколько они водки вылакали — море, океан! Я им варю и жарю! Они должны совесть иметь. Да они благодарить меня должны, гниды подлые... Челухоев и Тагиров — кунаки мои, они месяц ишачили, потом заболели, домой уехали, кого хочешь спроси! Расчет со всеми по-честному сделали, начальник!

— Где покупал, сколько платил, как вел учет продуктов, кто подтвердит?

Азраил от гнева аж покраснел:

— Зачем мне документ? Зачем учет? Я сам себе верю.

Поздним вечером, уже в райотделе Новиков зашел в кабинет Кравцова и плотно прикрыл за собой дверь.

— Неприятный сигнал, товарищ майор. По дороге при всех доложить об этом я не мог...

Сигнал и вправду оказался тревожным: тот алиментщик, что просил забрать его из бригады шабашников, оказывается, не раз видел с Каримовым милицейского шофера Белоева. И нынче он был за час до нашего приезда. Тоже о чем-то шептался с Каримовым, который тут же укатил в райцентр и не был при выдаче денег.

Кравцов оторопело смотрел на Новикова.

— Да как же это так, ведь Белоев — наш товарищ, второй год в милиции. Ты понимаешь, какую вину возлагаешь на парня? Тут надо все досконально и осторожно перепроверить.

На то, чтобы добиться проведения в совхозе «Гуляевский» ревизии, Кравцов убил две недели, да на саму ревизию ушел месяц. Но то, что вскрылось, оказалось ошеломляющим.

Свинокомплекс, о котором с такой гордостью говорил Прахов, обошелся совхозу втрое дороже своей реальной стоимости. И речь шла не о качестве строительства — у комиссии к этому особых претензий не было, а о том, что комплекс оказался без водопровода и оборудования, хотя положенные на это деньги были израсходованы. Куда они ушли?

Указывая на акт ревизии, Кравцов прямо спросил об этом директора совхоза. Прахов улыбнулся нехорошо, одними пухлыми губами:

— Вот и ищи! За расценки и объемы работ отвечает совхозный прораб, с него и спрос! Завысил? Приписал? Подогнал зарплату под договор? Если найдешь — пусть

платит из своего кармана! Прахов за его разгильдяйство или там злоупотребления свою голову на плаху не положит!

Секретарь парткома Журавский вскипел:

— Я тебе, Прохор Матвеевич, сколько раз говорил: гони Каримова в шею! В других хозяйствах как умные люди делают: бригада из своих, совхозных, кладет летом фундамент, а осенью, после уборки, наваливаются всем миром и зиму строят. Ни тебе переплат, ни шабашки, ни рвачества. А у нас Каримов — весь свет в окошке.

Кравцов перелистнул несколько страниц акта:

— Ладно, черт с ним, с Каримовым и его подручными, мы сами как-нибудь разберемся, дело нехитрое. Вы мне вот еще что объясните...

Ревизоры установили два факта чистейшей «липы»: на благоустройство поселка в прошлом году ушло без малого десять тысяч. Директор все расходы утвердил, главбух завизировала, есть и ведомости на выплату зарплаты. Только благоустройства нет — им в совхозе последние три года вообще не занимались.

То же и со спецодеждой. Есть фактура на отпуск из совхозного магазина по безналичному расчету телогреек, халатов, костюмов рабочих и прочего аж на четыре тысячи шестьсот рублей. Куда все это делось? Никаких следов! На фактуре — закорючки, завмаг ничего не помнит, совхозный кладовщик ничего не получал. Да и в магазине таких товаров не было. Едем дальше. Тот же магазин получил с базы потребкооперации шестьдесят пять метров портьерной ткани по семидесяти пяти рублей за метр. Тоже на четыре тысячи шестьсот рубликов. А в продаже ее не было и куда ткань делась — завмаг опять запамятовала.

Во время обеда в хорошо протопленной совхозной столовой Журавский посоветовал Кравцову:

— Ты дома у Прахова не бывал? Сходи, погляди, что у него понавешено на окнах...

Кравцов удивился: неужели польстился? Так ведь шестьдесят пять метров — куда ему столько?

— А я и не сказал, что шестьдесят пять. Прахов ровно на окна и взял, может даже и заплатил за это, а остальное в райцентр послал.

— Кому?

— А вот это уж твоя забота, Григорий Иваныч, кому?

К Новому году пришел ответ из Грозного: нашли и допросили Челухоева. Он все напрочь отверг: Азраила Магометова знать не знает и в Сибири никогда не бывал. Паспорт у него, правда, два года назад стащили, так он об этом тогда же в милицию заявил. Со вторым «кунаком» Магометова вышло еще чуднее: Тагиров Селим семь лет назад умер.

— Ну, жулье! Ну, проходимцы! — раскипятился Сережа Новиков. — Да его, паразита, сажать надо! Я поеду, Григорий Иваныч, привезу его, допросим...

— Не горячись.— Кравцов уже четко видел: вся эта история с бригадой Каримова — только макушка айсберга. Только часть махинации, притом далеко не самая главная. У столь многоопытного и самоуверенного совхозного главбуха, какой была Валентина Петровна, просто не тот характер, чтобы так просто сорить деньгами в отношениях с шабашниками. Значит, она от этого что-то имеет. Или что-то важное покрывает.

— Не горячись, Сережа, никуда от нас этот Магометов не денется. Даже если и смоется из района — найдем. А вот так называемые доверенности Челухоева и Тагирова ты у него забери — пошлем на экспертизу.

В тот же день материалы по совхозу «Гуляевский» запросил начальник райотдела подполковник Любавин. С чего бы это? Обычно Любавин больше всего занимался угрозыском, в работу Кравцова не вникал, верил и полагался на него.

Доклад Кравцова Любавин выслушал внимательно, прочитал акт ревизии — Кравцов видел, прочитал оцени-

вающе, не проформы ради. Потом спросил, когда Кравцов думает передавать материалы в прокуратуру? Тут же засомневался, что следователю районной прокуратуры будет едва ли под силу поднять такой материал...

Кравцов пожал плечами:

— Так ведь рановато еще в прокуратуру обращаться, товарищ подполковник. Они там просто поступят: Магометова посадят, а все остальное либо прекратят, либо мне же и вернут, мол, разбирайся сам.

— Вот и объясни мне, где ты видишь конец?

— Мне, товарищ подполковник, многие вопросы спать не дают: почему, например, и Прахов, и Сергеева платят Каримову такие тысячи? Будто отвечать не боятся... Почему банк именно Прахову так легко дает кредиты, а куда деньги текут — не контролируют? По двум накладным ясности нет, и ведь обе они — липовые. Кого и что ими прикрыли?

— Ну, повозись, повозись. Только, боюсь, в такие дебри залезешь — сам не выберешься и меня за собой потянешь.

— Волков бояться в лес не ходить! — улыбнулся Кравцов. — Да, кстати, можно узнать, что дал разбор случая с шофером Белоевым?

— А что с ним разбираться? Сначала все врал и путал, потом признал,— да, ездил в тот день в «Гуляевский», тебя искал, думал, может, помощь понадобится. И Каримова видел, и в тот раз, и прежде. Земляки они. Усматриваешь в этом криминал?

— Зачем же меня совсем за дурачка считать? Пока я машину искал, он же Каримова предупредил!

К удивлению Кравцова, Любавин ответил теми же словами, какие он сам сказал Сереже Новикову: не горячись. Прямых улик в сговоре Белоева с Каримовым нет. Обещал на этих днях позвонить в управление, в область, посоветоваться — с тем и отпустил.

На другой день Новиков приехал из «Гуляевского»

какой-то взъерошенный, взвинченный и к Кравцову не вошел — ворвался:

— Да что же это делается, товарищ майор? Главбух сказала — хватит у них рыться, мешаете только работать. Без указания райисполкома, говорит, больше ни одной бумажки не дам. Вот! И еще сказала, на вашего Кравцова тоже управа есть, не велик чин. Вот вызовут в область, дадут накачку — живо присмиреет!

Кравцов поморщился: слышать о себе такое кому приятно? Однако дело было важнее уязвленного самолюбия. Спросил, привез ли из совхоза что-нибудь посущественнее? Оказалось — привез: забрал у Магометова обе доверенности. И еще поговорил с Кирой, секретаршей Прахова. Вернее, не он с ней говорил, а она с ним. Сама пришла, сама все выложила: Каримов в начале октября привез и передал в кабинете Прахову шикарный японский магнитофон с двумя колонками, две румынские дубленки, мужскую и женскую. А вскоре все это Прахов самолично отвез в райцентр. Кому — Кира не знает. Потом она стала плакать и просить, чтобы Володю не трогали, он ни в чем не виноват, а ослушаться Прахова — такого в совхозе еще не бывало... Володя — это шофер Прахова, они с Кирой еще года нет, как поженились.

Кравцов протянул руку — давай бумаги. Все записал, что она рассказала?

— Ну, брат, — похвалил Сергея Кравцов, — вот это ты на жилу наткнулся. А в «Гуляевский» я сам съезжу. Придется с Праховым потолковать напрямую, без дураков. Не верю я, что в исполкоме могли дать такую команду — документы от нас прятать. Там что, не понимают, где закон, а где беззаконие?

С Белоевым Кравцов теперь не ездил: он не любил людей неискренних. И хотя Белоев стелился мелким бесом, машину чуть не вылизывал, с утра докладывал: товарищ

майор, машина на ходу — веры ему уже не было. Если надо было, Кравцов брал дежурку, а дежурному оставлял Белоева.

В этот раз в «Гуляевский» Кравцов приехал, когда морозный январский день шел на убыль. В предбаннике у Прахова увидел Киру, тоненькую, светлоголовую. Она глянула на майора с такой радостью и надеждой, что Кравцов не удержался, легонько похлопал ее по плечу.

Увидев Кравцова, Прахов неприятно поморщился и тягучим голосом спросил:

— Соскучился? По душам, наверное, приехал потолковать? Ну, давай потолкуем.

Кравцов помолчал, а потом спросил:

— Сколько же лет мы с тобой знакомы, Прохор Матвеевич? Пять? Или больше?

Прахов подтвердил — пять и, выходит, еще и с хвостиком. С восьмидесятого, если считать, как Кравцова перевели в район. Прахов потер ладонью обрюзгшее лицо:

— Вот ты мне, выходит, пять лет верил, за честного человека считал, а теперь в жулика произвел. Это как понимать?

— Я пока нигде этого не говорил, Прохор Матвеевич. Вот ты — коммунист, и я — коммунист. И если я не понимаю, что творится в твоем хозяйстве, не ты ли первый должен мне помочь? А что твоя главбух вытворяет? Даже документы, видишь ли, не желает показывать работникам милиции! Она что, не понимает наших прав и обязанностей?

Прахов, до этого небрежно развалившийся в глубоком кресле, вдруг подобрался, грозно сдвинул брови:

— Щенок ты еще, майор! Что же ты взялся меня стращать? Права у тебя, полномочия! Я фронт прошел, две «Славы» имею! Что ты здесь вынюхиваешь? Больше того, что я знаю, все равно не узнаешь. Ты видел, каким был совхоз десять лет назад, когда я его принял? И как тут люди жили? Видел?! А теперь?.. Думаешь, легко далось?

Да я этому жизнь отдал! И не тебе, молокососу, судить обо мне!

Он вдруг побледнел, глотнул воздух и судорожно прижал пухлые руки к сердцу.

Кравцов заметался в поисках графина с водой, Прахов вытянул руку: — там! там!

За одной из полированных дверок большого стенного шкафа оказался холодильник, в нем бутылки с минеральной водой, коньяк, еще какие-то вина, горкой громоздились банки и баночки.

С трудом глотнув минералки, Прахов еще долго сидел с закрытыми глазами. Наконец пришел в себя:

— Опять сердце прижало. Сам-то пей, испугался, поди.

Георгий Иваныч выпил стакан холодной до озноба минералки. Жалость к Прахову не могла перебороть засевшую в душе обиду.

Между тем Прохор Матвеевич тихо продолжал:

— Ладно, за щенка ты меня, старика, извини. Погорячился я. Давай спокойно поговорим. Там,— он указал на холодильник, — баловство одно. Думаешь, мне это надо? Куда уж! На работу и то сил не хватает. Это для гостей, для высоких гостей... — он поднял указательный палец: — Понимаешь?

— Что ты об этой мелочи? — отмахнулся было Кравцов.

— Нет, не мелочь. Думаешь, если я за тобой и твоим опером по совхозу не бегаю, так ничего и не знаю? Я все знаю. И про благоустройство, и про накладные, и про ведомости... Хочешь верь, хочешь — нет. В любом случае я себе денег в карман не клал.

— Знаю. Потому и спрашиваю: кто же прикрывается твоим именем и фронтовой твоей славой? Если думаешь, мне в удовольствие говорить с тобой в таком вот духе — ошибаешься, Прохор Матвеевич.

— А ты брось, не говори. Тем более, что я, чего ты ждешь, сказать все равно не могу. Не из таких я, чтобы кого-то под монастырь подводить.—Прахов вздохнул и

стал что-то искать на столе, всем видом показывая, что разговор окончен.

Кравцов поднялся:

— Добре, Прохор Матвеевич. — Поехал я. Только напоследок скажи, что за дубленки ты возил в райцентр? И магнитофон? Японский, говорят...

— А! И до этого докопался? То-то я гляжу, Кира сама не своя... Однако смотри, майор: ты ухватил хвост тигра. А тут как выйдет: то ли ты его заловишь, то ли он тебя съест. А сказать тебе, повторяю, ничего не могу. Уволь старика. Разберешься до конца, сам поймешь, почему. А главбуху скажу, чтобы не дурила, берите документы, какие надо.

Секретарь парткома Журавский ждал Кравцова у своего кабинета, кивнул — зайди.

— Не стал мешать вашему разговору. Вижу, нелегко он тебе достался.

— Обоим, — коротко бросил Кравцов.

— Да, Прохору Матвеевичу теперь ой как не просто. Трудно ему живется уже давно, с тех самых пор, как оказался в Снетковских санях. И знает, что сел не в свои сани, а выбраться не может. Придавил его Снетков, воли лишил, заставил думать, что все мы тут хлеб едим по его милости. И ведь многие верят. Верят! И что благодетель он и заступник. Ведь какой Прахов раньше был? Смелый, честный, добрый. Ночей не спал — за хозяйство и людей болел. Сам знаешь, как еще недавно лаптями пустые щи хлебали. Матвеич умел и начальству доказать, что для нас разумнее, экономичнее, и людей понять. А сейчас... Устал, выдохся. А тут еще Снетков. Вот и мается, за сердце все чаще хватается.

— Так ушел бы на отдых, возраст ведь давно позволяет... — Кравцов вдруг снова увидел так напугавший его тусклый взгляд Прахова.

— Снетков не дает. Ему нужны послушные руководители, а Прохор Матвеевич, каким сейчас стал, его как раз

устраивает. Ты, кажется, портьерной тканью интересовался. Если еще не доискался, то загляни на Кию, в исполкомовский заповедник. Там недавно сауну отгрохали для приема высокого начальства. Так ты хоть снаружи посмотри, внутрь-то тебя, наверно, не пустят — ранг не тот. Погладь бревнышки... Они-то ведь и благоустройство нашего поселка. Понял? И тут инициатива Снеткова. Он распорядился, чтобы банк профинансировал эту операцию, а Каримов строил. Оттого «Гуляевскому» и кредиты, и материалы, и прочая благость... Вот почему ты две недели стучался, пока разрешили ревизию в совхоз направить. Знали, чем это пахнет. Интересно, что теперь предпримет Снетков.

Мне как парторгу уже разнос за разносом следуют: зачем, мол, сор из избы метете, честь района мараете? А я думаю так: хватит, помусорили. Пора и порядок наводить.

От «Гуляевского» до райцентра дорога крыта асфальтом. Летом и осенью по ней, правда, зияют выбоины и ухабы, но сейчас все ушло под снег, так что дорога — накатанная, и ехать — одно удовольствие.

Слева — широкая пойма уснувшей на зиму реки, справа бежит по косогорам непроглядный сосняк.

Из головы Кравцова не идут слова Журавского: «Что предпримет Снетков?»

В понимании Кравцова руководители в районе делились на два типа: одни дело знали, другие нет. С первыми можно по любому делу говорить и договориться; вторые свое незнание обычно прикрывали амбицией и командным окриком. Ни объяснений, ни возражений они не слушали, любые замечания — нож для них острый, подкоп под авторитет...

Снеткова прислали в район три года назад с рекомендацией на пост председателя исполкома, есть за его плечами высшая партийная школа и многие годы партийной и советской работы. За это время привык не руководить, а командовать. Властолюбивый, он не испытывал нужды ни в чьих советах. Беда усугублялась и тем, что Снетков

ничего по-доброму не смыслил в сельском хозяйстве... Об этом давно и откровенно поговаривали между собой и работники исполкома, и руководители хозяйств в районе. Но сказать открыто боялись — знали: согнет в бараний рог.

И вот Кравцову теперь предстояло столкнуться со Снетковым. Дело не шуточное, даже если ты начальник БХСС и тебе по закону положено... А может, зряшние все эти мысли? Не до такой же степени он самодур, умеет, наверное, отличать белое от черного...

Еще один рабочий день шел к концу, когда раздался телефонный звонок, и знакомый, хорошо поставленный баритон Снеткова шутливо поприветствовал Кравцова:

— Здравию желаю, товарищ начальник!

— Здравствуйте, Валерий Николаевич.

— Усек? Правильно. Начальство надо чувствовать и по голосу. Что это ты в «Гуляевском» разошелся?

Но Кравцов знал, что за этим напускным добродушием в любой момент могут последовать окрик и брань. И чем жестче предстоял разговор, тем ласковее начинал его Снетков.

— Так в чем провинился перед тобой наш общий друг Прохор Матвеевич? — Вопрос предоставлял возможность сориентироваться, и Кравцов понял это.

— Я и не говорю пока, что провинился. Разбираюсь.

— Уверен, у Прахова не может быть серьезных нарушений. Если же строителям переплатил, так это результат вынужденной хозяйственной политики. Своих сил не хватает — приходится привлекать извне. Так что, кончай ты это дело. Не беспокой старика, пока не проводили на заслуженный отдых! — Теперь в голосе предисполкома слышались стальные нотки.

«Еще немного, и начнет кричать»,— подумал Кравцов и ответил как можно дружелюбнее:

— Вы же знаете, следствие — не наша прерогатива. Будет готов материал, передадим в прокуратуру или в область, в следственный отдел.

Голос Снеткова обрел жесткость металла:

— Мне еще только следствия по району не хватало! Хочешь опозорить на всю область? Выслуживаешься, что ли? Так заруби на носу — я тебе ради милицейских амбиций район позорить не дам. И ничего доброго тебе не обещаю!

В трубке пошли гудки...

Кравцов, конечно же, понимал, чего хочет Снетков. Только замять это дело он никак не мог и не желал: решил завтра же сходить в исполком, посмотреть по документам, кто и как строил ту сауну. А если Журавский окажется прав... придется тебе, друг Кравцов, копаться в делах исполкомовской ремстройконторы... Снетков, конечно, взорвется, встанет на дыбы...

Снова набатно вздрогнул телефон. Звонил Любавин:

— Ты еще на посту. Зря, выходит, я твою хозяйку побеспокоил. Зайди-ка сейчас ко мне, да захвати все, что накопал по «Гуляевскому». Надо посоветоваться.

Начальник райотдела слушал внимательно. Когда Кравцов рассказал о японском магнитофоне и румынских дубленках, удивленно хмыкнул. При упоминании сауны шутливо заметил: знатная банька, бывал в ней пару раз.

Потом подытожил:

— Оставь до завтра дело у меня, почитаю. Задел ты Валерия Николаевича, крепко задел. Прямо-таки не знаю, как теперь быть. Мне, понимаешь, до пенсии меньше года осталось. А Снетков — он как танк. Прокатится сверху — и не почувствует, что по живому...

На следующий день Любавин, возвращая папку, опустил глаза:

— Вот тебе твое дело, только акта ревизии в нем нет. У Снеткова он. С утра меня вызвал и все материалы посмотрел, а акт оставил у себя. Желает еще раз самолично изучить...

— Но послушайте, товарищ подполковник!.. Но это же ни в какие ворота... Как же я могу без акта ревизии?

Любавин безнадежно махнул рукой.

В коридоре Кравцова перехватил замполит Снежко, чуть полноватый для своих тридцати лет, благодушный, вечно улыбающийся:

— Зайдем ко мне!

Плотно прикрыв за собой дверь, сел за стол напротив Кравцова и стал уговаривать:

— Не лезь ты на рожон, Георгий Иваныч. Обожди малость...

Кравцов изумился:

— О чем вы?

— О чем, о чем! Кругом гудят, а ты спрашиваешь! В районе разве что скроешь от людей? Тем более Снеткову поперек дороги. Потому и говорю: не обостряй!

— Ты что же, прикажешь сидеть сложа руки? А ворье пусть резвится? Вы мне лучше скажите, как решается вопрос с Белоевым?

— По сути никак. Начальство не верит в его сговор с Каримовым. К тому же Белоев рапорт подал об увольнении. Пусть уезжает. Позору меньше.

— Что-то вы все добренькими стали, как я посмотрю...

— Думай, что говоришь, Георгий Иванович! — повысил голос всегда выдержанный и добродушный Снежко. — Остыть тебе нужно.

Остывай тут, не остывай — Кравцов весь день не находил себе места. Как быть? Любавин самоустранился. Ему вот-вот на пенсию — ясное дело, инфаркта напоследок зарабатывать не хочет. Зачем ему война со Снетковым? В областное управление позвонить, в БХСС? Скажут — не находишь общего языка с местными властями... Со Снетковым найдешь, пожалуй...

Ближе к вечеру окончательно расстроенный Кравцов позвонил в приемную Снеткова, просил соединить с Валерием Николаевичем.

Трубка долго молчала, потом раздался недовольный голос Снеткова:

— Слушаю тебя.

— Валерий Николаевич, когда вы вернете акт ревизии по совхозу «Гуляевский»? Я сроками ограничен...

Председатель райисполкома раздраженно оборвал:

— Меня твои сроки не интересуют! Наворочал тут всякого, а мы разбирайся! Твоя забота не клеить уголовщину уважаемым людям, а профилактика. Вот так. — И Снетков бросил трубку.

Кравцов понял: ему объявлена война. Что теперь делать? Отступиться? Нет, на это он не пойдет — совесть коммуниста не позволит.

Зашел к Любавину, попросил разрешения съездить в БХСС области. Подполковник посоветовал не спешить: глядишь, через день-два может и прояснится что...

«Прояснилось» на другой же вечер: председатель райисполкома пригласил Кравцова к себе. Дружелюбно поздоровался и широко улыбался:

— Давно тебя не видел, все телефоны накаляем. А ты вон какой молодец! Знаешь, как тебя гуляевские дамы прозвали? «Супермен»! Что, точно схвачено? — добродушно хохотнул Снетков. — Конечно, тамошний главбух — баба сварливая и подчас вздорная, я и сам это знаю, но наблюдательности не лишена...

Кравцов слушал молча. Понимал: атака началась.

— Послушай, Кравцов, ты человек, как мне кажется, разумный. Давай допустим, что ты в чем-то уличишь Прахова и вместе с ним кого-то из районных руководителей. Допустим даже, что отдашь материалы в прокуратуру, и прокуратура доведет дело до суда. Как считаешь — на пользу это Советской власти?

— Конечно!

— Ошибаешься! Люди ведь как поймут? Не Прахов или там какой-то Пупкин проштрафился — мы за кадры

отвечаем, мы и проштрафились. Обобщат тут же — все, мол, они там, в исполкоме...

— Почему «все»? Конкретные лица...

— Ага! Допускаешь, значит, что у нас районные руководители могут быть и не чисты на руку? И полагаешь, что райком партии тебя в этом поддержит? Нет, Кравцов, поддержки там не жди. Это я с тобой вожусь, учу уму-разуму, нагоняи из-за тебя получаю — мне не привыкать. Так что хочешь-не хочешь, а дружить тебе со мной надо. Я поругаю, я и поддержу. Вон твой начальник на пенсию собирается, замену себе ищет. О тебе и не вспомнил, словечка не замолвил. Так-то.

— Кому же перед пенсией инфарт заработать хочется? — в тон председателю ответил Кравцов. — Да я в начальники райотдела и не мечу, мне моя работа нравится.

— И напрасно. Я ведь понимаю, что по способностям и знаниям ты больше всех соответствуешь. Вот только норов свой малость укроти. Помни: ты — человек районный. Начальство из области приедет и уедет, а мы всегда рядом.

— Ошибаетесь, Валерий Николаевич, я человек государственный. Меня здесь поставили, чтобы я интересы государства, народа оберегал...

— Что ты о прописных истинах... Охраняешь — и охраняй! Проворовался прораб у Прахова — к ответу! Но зачем же само дело сельского строительства рубить под корень? Это же государственная политика, понимаешь? По-ли-ти-ка!

— Но ведь всякая политика, Валерий Николаевич, должна быть чистой. Если мы пока не можем обойтись без шабашников, то это не значит, чтобы они стали ширмой для хищений и взяток. Я помочь хочу...

— Вот спасибо! Вот удружил! — Снетков взорвался.— На всю область опозоришь, и я же должен быть благодарен! Если доброго отношения не ценишь, получишь то, что заслужил! Я тебя, майор, в порошок сотру, и никто этого

даже не заметит! Слышишь? Никто тебе не поможет, если из района в управление придет бумага о нашем к тебе недоверии. А уж мы найдем, что в ней написать. Все! Иди!

— Мне нужна документация по ревизии, — вспомнил уже в дверях Кравцов.

— Получишь ее у Прахова. Пусть познакомится.

— Да его знакомил...

Но Снетков уже говорил с кем-то по телефону.

Документация ревизионной проверки прочно осела в сейфе главбуха Сергеевой. На звонки Кравцова ответ был один: как начальство прикажет. А Прахов болел и на работе почти не появлялся. Кравцов поехал к нему домой.

Обширный особняк был велик для небольшой семьи Прахова: дети выросли, разъехались. Часть комнат оставалась нежилой. Прохор Матвеевич лежал в небольшой, скромно убранной спаленке. Вещи в ней были старые, видимо, для хозяина привычные и любимые. Книги — и те стояли на давным-давно вышедших из обихода этажерках. Кровать железная, тоже от давних времен. Рядом, на тумбочке, лекарства и телефон. Только и всего. Всем нажитым прежде пользовалась большая семья: для нее был выстроен этот огромный домина, куплены гарнитуры, ковры и хрусталь, навешены на окнах роскошные гардины, ржавеет в гараже «Волга».

Вид у Прахова был неважный. Выслушав Кравцова, он тут же позвонил в бухгалтерию:

— Валентина Петровна, отдай ты, бога ради, милиции ревизионные бумаги. Давай не будем нарушать законов.

В ответ из трубки послышался крик главбуха. Стоявший в стороне Кравцов явственно услышал:

— Спохватились! Я лучше вас знаю, что законно, а что нет! Звонил сам Валерий Николаевич, приказал: не отдавать! Сказал, меры, какие надо, сам примет. Так что, болейте себе на здоровье.

Из трубки уже неслись короткие гудки, а Прахов все сидел на кровати растерянный, задумчивый. Наконец положил трубку на место, сказал печально:

— Не думал, что на старости лет стыдно будет людям в глаза глядеть. Не дай бог никому. Ладно, пошли в контору.

Кравцова Прахов оставил в своем полированном кабинете, сам пошел на первый этаж, в бухгалтерию. Пробыл там недолго, но разговор, видимо, был горячий, потому что вернулся он пунцовый от негодования. Подал Кравцову папку:

— Бери, Георгий Иваныч, теперь засудишь.

Кравцов пожал плечами:

— Я не судья, Прохор Матвеевич, даже не следователь. Может, напишешь все сам, что к чему и почему? Поверь слову, на душе полегчает.

А сутки спустя Прахова не стало.

Примчавшемуся в совхоз Кравцову жена Прахова, высокая, сухая Надежда Гавриловна отдала лист бумаги, на котором значилось: «Майору милиции товарищу Кравцову Г. И. Покаяние». И все — лист остался чистым. Оглушенная горем жена Прахова объяснила: едва Прохор Матвеевич сел за письмо, позвонил Снетков. Прохор Матвеевич слушал его и все держался за сердце. Потом побелел. Я — за водой, ведь вернулась мигом, а Прохор Матвеевич уже лежит... Я трубку взяла — слышу Снеткова голос злостью исходит. Я слушать не стала, трубку положила, так он тут же снова звонит. Я говорю: не звоните, бога ради, уймите злобу, умер Прохор Матвеевич, а он не верит...

Кравцова потрясла эта смерть. Не многие из близких к директору людей понимали его положение и состояние души так, как Кравцов. Не многие, наверное, чисто по-человечески и жалели Прахова так, как он. Много правды унес с собой в могилу Прахов... Кравцов представил себе, как встретили смерть директора те, кто был причастен к делу.

Конечно же, с чувством облегчения. Все теперь можно валить на мертвого...

Позвонил парторг совхоза Журавский. Жалел старого друга — в последнее время они снова сблизились с Праховым. «Не смей винить себя в этой смерти! — сказал парторг. — Все шло, как должно было идти. Не учинил бы ему разноса Снетков, глядишь, жив бы остался».

На другой день после многолюдных похорон Прохора Матвеевича в райцентр приехал лейтенант-кадровик из области. По-хозяйски расположился в кабинете уехавшего по селам Любавина.

К приезду кадровика Кравцов отнесся безразлично, с событиями в «Гуляевском» не связал — и, как оказалось, напрасно.

Замполит Снежко в тот же вечер позвонил Кравцову, велел зайти. Долго молчал, примериваясь, с чего начать, потом выложил — оказалось, пришла в УВД анонимка: Кравцова обвинили — ни много ни мало, — в «зверской расправе, учиненной над фронтовиком и честнейшим коммунистом товарищем Праховым». Лейтенант из кадров приехал для разбирательства. Был у товарища Снеткова, тот ему сказал, не думает, мол, чтобы Кравцов желал смерти Прахову, но что гонения на Прахова организовал — факт неоспоримый. Еще сказал — предупреждал, мол, Кравцова, самолично, чтобы тот оставил Прахова в покое, но Кравцов не внял. За час до смерти был у него дома... Вот и доконал ветерана.

Кравцов слушал — в душе была пустота... Ах, Снетков, ах, интриган... Смотри, как поворачивает дело... Журавский, значит, не напрасно предупреждал: не смей себя винить в этой смерти! То ли знал уже, как повернет Снетков все дело, то ли предвидел...

Снежко спросил:

— Чего молчишь?

Кравцов только тут сообразил, что замполит ждет ответа. А что ответишь? Пожал плечами:

— Это вам все от кадровика известно? А сам-то он знает, что Снетков звонил Прахову после того, как туда я поехал? Крыл его матом за то, что отдал мне материалы ревизии.

Снежко глянул удивленно:

— Тебе-то откуда известно? От жены? А точно так было? Значит, доказать можно? — Он откровенно повеселел: — Ну, слушай, тогда все иначе поворачивается... А то у кадровика руки чешутся до тебя добраться.. Я тебе не как начальство, по-дружески советую: сдержись малость. Сходи с лейтенантом к Снеткову. Знаю, будет куражиться — помолчи, тебя от этого не убудет. Зато ты останешься на своей должности. Иначе кадровик знаешь, что предлагает? Сместить тебя, поставить дежурным по райотделу... В порядке наказания за авантюрность и попрание соцзаконности — так определил. Им, понимаешь, надо отрапортовать о принятых мерах, анонимка-то через облисполком прошла...

— Он что же, желает помирить меня со Снетковым? Чтобы мир да благодать в районе?

Снежко кивнул — выходит, так.

— А куда я дену документацию по делу? Выйду во двор да костерок разожгу? И сбежавшего в эти дни Магометова не искать, скостить ему шестнадцать тысяч? Так, что ли? Как считаете?

Снежко махнул рукой:

— Настырный же ты, Георгий Иваныч! Ну, решай сам.

К Снеткову Кравцов кланяться не пошел — кадровику так и сказал: мне каяться не в чем, я исполняю служебный долг.

Лейтенант глянул не то с сомнением, не то с жалостью. Спросил участливо — хоть и молодой, а уже научился играть в руководящие игры:

— Сколько думаете проработать в районе при условии конфликта с Советской властью?

— У меня нет с Советской властью никакого конф-

ликта. Что же касается Снеткова, то сегодня он власть, завтра нет...

— Ну, майор, тут вы загнули! Снетков есть и будет, а вы — только до очередной аттестации. А потом — в дежурную часть... Жалоб тут я на вас наслушался... Груб, мол, майор, прямолинеен, авантюры любит, даже своих сотрудников склонен подозревать...

Кравцов встал:

— Надеюсь, отдел кадров во всем разберется объективно. Я за собой вины не вижу.

На другой день кадровик уехал. Сутки спустя вернулся Любавин, пригласил Кравцова и, глядя куда-то в сторону, сказал просительно:

— Уехал бы ты от нас, Георгий Иваныч, куда ни то... Снетков бы враз успокоился...

В ту же ночь Кравцова, здоровенного, тренированного тридцатипятилетнего мужика, впервые в жизни настиг приступ — железная, когтистая лапа сжала сердце, острая боль пронзила грудь, ушла к левому локтю.

Только две недели спустя пустили к нему в палату Снежко, да и то на несколько минут.

— Ну, брат, перепугал ты нас.—Снежко выложил на тумбочку из объемистого портфеля какие-то свертки, сел на стул против кровати, расправил на коленях полы накинутого на плечи халата. — Народ в райотделе волнуется, все ведь понимают... Из областного управления, из БХСС звонят, а ты тут, курорт себе устроил... — Он весело осмотрел крохотную палату, оттаявшее залитое солнцем окно.

Из больницы Кравцова выписали лишь в первых числах марта, и то было предписано пару недель полежать дома.

Домой-то к нему и примчалась поздним вечером из «Гуляевского» секретарь директора Кира. По ее почерневшему, осунувшемуся личику катились слезы. Видя, как

Кравцов тяжело поднялся с кровати и подсел к столу, начала торопливо извиняться.

Кравцов с тревогой подумал: не зря, видно, примчалась на ночь глядя...

Оказалось — действительно не зря.

Вчера своими ушами слыхала, как Каримов звонил кому-то в райцентр, обещал в субботу доставить... Кира развернула бумажку, начала перечислять: линолеум, хрустальная люстра, облицовочная плитка, югославские смесители, двадцать рулонов финских обоев. Бросила листок на стол, всхлипывая, сказала:

— Володька мой все это погрузил на «рафик». Каримов теперь от имени нового директора в совхозе всем распоряжается. Новый он и есть новый. Ничего пока не знает, да и знать, видно, не хочет. Раззява такой, Каримов его сразу и оседлал...

Кравцов бессознательно потер левой рукой грудь и тут же вспомнил: так делал Прахов... Взял Кирину бумажку, перечитал:

— Не плачь, ни о чем. Сегодня пятница, значит, завтра и привезут. Ты, Кира, позвони мне, как выедут, ладно? И за Володю своего не бойся.

Володя, Кирин муж, привел «рафик» в райцентр часам к десяти вечера, прошелестел шинами по замерзшим к ночи апрельским дорожным лужам. Остановился во дворе добротного на два этажа особнячка. На крылечке стоял хозяин дома — Кирилл Мефодьевич, директор районной конторы Госбанка. К нему бросился выскочивший из машины Каримов:

— Забирайте поскорее, а то милицейский газик невдалеке на улице крутится. Не проколоться бы...

Один рулон линолеума Каримов и Володя — парень высоченный, в плечах широкий, — затащили на застекленную веранду. Следом Кирилл Мефодьевич принес туда смеси-

тель. Едва успели вернуться к «рафику», сверкнули фары, и во двор влетел газик, из которого выпрыгнули Кравцов и Новиков. Следом из машины появился милиционер и двое понятых...

Теперь дело получало совсем скандальный характер. С утра еще не совсем поправившийся Кравцов был уже у Любавина. Тот встретил хмуро: обо всем уже знал от дежурного. А может, и не только от него.

— Все неймется, и больничный не удержал. Закрутил ты дело, не знаю, кто теперь будет раскручивать.

— Прокуратура, товарищ подполковник. Материалы пересылаю туда, пусть возбуждают дело, оснований больше чем достаточно. А чего товарищ Снетков нервничает, мне не ясно, да и доискиваться не желаю.

— Ишь ты — не желаю! Чепухи не мели. Если здоровье позволяет — бери немедленно командировку в Кемерово. Звонили из кадров, вызывают. А материалов по «Гуляевскому» больше не касайся. Велено тебя, друг Кравцов, пока суд да дело, от руководства отделением БХСС отстранить. Вот так. Довоевался, словом.

Кравцов первым делом зашел в комнатенку к Сереже Новикову, подписал сопроводиловку и попросил Новикова лично самому отнести совхозное дело в прокуратуру. Так, сказал, вернее и надежнее...

...Кравцов отметил в секретариате командировочное предписание. Итак, надо ехать домой, сдавать дела. Начальником БХСС его не оставили. Сместили за то, что не умеет ладить с людьми. Вступил в конфликт с районным руководством. Вот такие грехи!

К генералу, начальнику управления, его просто не пустили. Потому он, промучавшись в гостинице всю прошлую ночь, изложил на бумаге все, что хотел доложить генералу — получилось четыре странички. Сократил написанное вдвое и переписал набело.

Лейтенанту в кадрах сказал грубо, зная, что терять нечего:

— Какой вы оперработник? Вы так, паяц! Хотел бы знать, кто там вас за ниточки дергает, да ладно, придет день и так узнаем.

Положил перед онемевшим от неожиданности лейтенантом два листка:

— Это мой рапорт генералу. Попробуйте не доложить.

Лейтенант опомнился:

— Кто вам дал право так разговаривать?

— А вы сами и дали. С порядочным человеком, конечно, так не стал бы... — И Кравцов, хлопнув дверью, вышел из кабинета.

Весна расплескала на улице воробьиный гомон, нестерпимо сверкала небесная синь.

Шел апрель восемьдесят пятого года.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Шумов. Операция «Геологи» 5
Б. Этин. Тени прошлого 29
В. Костин. Не самое интересное дело 66
Ю. Пыль. Долгая ночь 87
Б. Синявский. Вам не больно? 104
В. Рудин. Шутник 127
В. Рудин. Пахучая трава — серая чума 137
С. Попова. Шел апрель... 176
Г. Грабко. Нехарактерный случай 167

Д 64 Долгая ночь. — Кемеровское кн. изд-во, 1988.— 206 с.

В пер.: 50 к. 30000 экз.

Авторы — работники милиции, писатели и журналисты — рассказывают о буднях милиции Кузбасса. В основе их повествования лежат реальные судьбы и факты, типичные ситуации милицейской службы с ее сложностью и противоречиями.

Д $\frac{1203020200-04}{М\ 145(03)-88}$ 88

ББК 67.99(2) 118.1

ДОЛГАЯ НОЧЬ

Рассказы о милиции Кузбасса

Редактор-составитель **В. Г. Рудин**
Ведущий редактор **В. В. Банников**
Художник **А. С. Ротовский**
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор **Г. Н. Манохина**
Корректор **В. А. Лузина**

●

ИБ № 1386

Сдано в набор 19.11.87. Подписано к печати 06.01.88. ОП 03401. Формат 70x108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура Обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-отт. 9,19. Уч.-изд. л. 9,85. Тираж 30000 экз. Заказ 10413. Цена 50 к.
Кемеровское книжное издательство.
Кемеровский полиграфкомбинат.
Адрес издательства и типографии:
650059. г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.